

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

12

**МОСКВА
ИПО – МАНУФАКТУРА
2011**

Редакционная коллегия:
д. и. н. С.В. Алексеев (главный редактор),
к. и. н., доц. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев, к.и.н., с.н.с. (доц.) О.И. Елисеева,
к.пол.н., доц. А.Б. Шатилов, к.и.н., доц. Н.И. Шматова, к.и.н. Г.С. Амрахова

На обложке: Церковь в с. Панилово. Рубеж XVI/XVII вв.

Историческое обозрение. Вып. 12. М.: ИПО – ЗАО «Мануфактура», 2011. – 88 с.
Двенадцатый выпуск ежегодного альманаха Историко-просветительского общества включает научные работы по истории, историософии, истории культуры.

ISBN 978-5-93084-043-8 (Вып. 12)

© Коллектив авторов, 2011

Подписано в печать 9.03.2011. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЕКСЕЕВ С.В. ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ.....	4
ИНКОВ А.А. ВСЕВОЛОД ОЛЬГОВИЧ – ПОСЛЕДНИЙ ОБЪЕДИНИТЕЛЬ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ.....	23
ВОЛОДИХИН Д.М. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОМАНДОВАНИЯ «ЗЕМ- СКОЙ» АРМИИ В ПЕРИОД ОПРИЧНИНЫ.....	50
ЕЛИСЕЕВ Г.А. ЭЛИТА И НАРОД В РУССКОМ РЕЛИГИОЗНОМ РАСКО- ЛЕ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА.....	57
ГУЛАРЯН А.Б. «СПАСТИ ЧЕСТЬ РОССИИ» (ИСТОРИЯ ЧЕРНИГОВСКО- ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА).....	68
ШАТИЛОВ А.Б. РУССКИЕ КРАСАВИЦЫ ПАРИЖА.....	74
РЕСНЯНСКИЙ С.И. ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ.....	78
СУРГУЛАДЗЕ В.Ш. К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	80

С.В.АЛЕКСЕЕВ ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ

На основе одних письменных источников¹ можно было бы составить следующую картину истории праславян. В первых веках нашей эры (по Плинию Старшему, Тациту, Птолемию) «венеды» жили по Висле от самых низовий или к востоку от неё. Там же, к юго-востоку от Вислы по направлению к степи (и к югу от «венедов»), Птолемей помещает своих «ставанов». Источники III – IV вв. (Певтингерова карта, титул императора Волузиана и, возможно, «Имена всех провинций»²) как будто отмечают движение венедов на юг и юго-восток, к римским границам. Наконец, для IV в. готским преданием (по Иордану) отмечается широкое расселение «венедов» в Центральной и Восточной Европе с выделением из их числа антов. Последние применительно к IV в. вроде бы помещаются где-то в Поднепровье или в Причерноморье.

Название «венеды» – по мнению подавляющего большинства лингвистов неславянское по происхождению. Это одно из древнейших индоевропейских племенных названий, отмеченное в Малой Азии («энеты»), у Адриатики («венеты», «Венеция»), в кельтских приальпийских («винды») и галльских («венеты») областях. Проникло это название, как иногда полагают, и в Ютландию («вендилы», «вандалы»). Переселившаяся в Европу часть венетов связана с так называемым древнеевропейским массивом племён, особенно с италиками и иллирийцами. При этом какая-то часть венетов растворилась в среде кельтов, германцев и славян. Твёрдо известно, что «венедями», «виндами», «венетами» называли славян их соседи. Но судя по устойчивости этого названия у германцев, а также по независимому бытованию его у эстонцев (Vänä), какая-то часть славян называла себя так ещё в раннее средневековье. Вероятно, это были славяне полабско-поморские. Предпринимались попытки полностью опровергнуть связь античного названия «венеды» со славянами. Но перед лицом прямых показаний источников они не выглядят убедительно³. Конкретное же объяснение именованию славян «венедями» надо искать в истории праславянства.

Языковая предыстория и ранняя история славян на сегодняшний день выглядит следующим образом⁴. Славянские языки относятся к индоевропейской языковой семье, к древнеевропейской её ветви. С другой стороны, на более раннем этапе расчленения индоевропейской семьи балтославяне вместе с древними ариями (индоиранцами) относились к восточной, так называемой *satəm*ной её группе. Обособление балтославянской языковой общности относят к началу, а выделение праславянского языка – самое раннее к концу II тысячелетия до н.э. Балтославянские диалекты рассматриваются как предки позднейших балтийских и славянских языков. Вместе с тем, многие особенности языков позволяют делать выводы о давнем существовании внутри балтославянской общности «протославян» или даже об отсутствии самой общности⁵. Последнее кажется всё же чрезмерным. Балтийские и славянские языки насчитывают сотни схождения-

¹ См. сводку: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. М., 1991. С.18-169 (в комментариях, особенно Ф.В.Шелова-Коведяева, проводится мысль о критическом отношении к этим показаниям).

² См.: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С.100-105.

³ См.: Алексеев С.В. Славянская Европа V-VIII вв. М., 2009. С.416-417.

⁴ См.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Ч. 2. С.953- 954; Бирнбаум Х. Праславянский язык. М., 1987; Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989. С.135-155; Супрун А.Е. Праславянский язык. Минск. 1993; Журавлёв А.Ф. Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994; Мартынаў В.В. Пра-радзіма славян. Мінск, 1998; Седов В.В. Славяне. М., 2002. С.14 след.; The Slavonic languages. New York, 2002. P.60-120; Славянские языки. М., 2005. С.14-26; Балтийские языки. М., 2006. С.15-21, 34, 53-54.

⁵ См.: Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991 (2-е изд. – 2003).

изоглосс, находящих гораздо более отдалённые параллели в других древнеевропейских языках или даже не находящихся вовсе. Причём речь идёт не только об общих словах, но и об общих, к примеру, моделях словообразования.

Размещение древних балтославян примерно определяется по составу изоглосс с другими индоевропейскими языковыми группами. В качестве ближайших соседей балтославян, в контакте с которыми развивались их диалекты, выступают германцы, иллиро-фракийцы и иранцы. Германские и иллирийские диалекты относились к той же древнеевропейской общности. Но от других её членов балтославяне отличались наличием изоглосс с иранцами. Таким образом, балтославяне занимали промежуточное положение между древнеевропейцами и иранскими степными кочевниками, контактируя и с теми, и с другими. Это, в свою очередь, довольно чётко размещает балтославян II тысячелетия до н.э. на географической карте – в Восточной Европе. В пределах этого пространства отдельные балтославянские группы передвигались с места на место по землям сородичей. Поэтому в балтийских языках могли сохраняться изоглоссы с германскими, отсутствующие в славянских. Так же, кстати, могут быть объяснены и некоторые сохранённые праславянские изоглоссы с арийскими языками. В науке рассматриваются версии, согласно которым балтославянский являлся прямым продолжением индоевропейского, от которого уже отпочковывались другие языковые группы.

Наиболее приметным отличием праславянского от индоевропейского являлось изменение фонетического строя с вокального (основанного на сочетаниях гласных) на консонантный (на согласных). С другой стороны, праславянский язык удержал многие грамматические черты позднего индоевропейского – в том числе систему склонений и спряжений. На первом этапе своего развития праславянский сохранял больше черт близости к балтославянскому и балтийским, чем в дальнейшем.

Место рождения славянства следует расположить ближе к древнеевропейскому ареалу. Дело в том, что балтославяне – не единственные предки славян. Именно поэтому балтославянский язык – как особый язык, а не как сумма родственных диалектов, – трудноуловим. Столь же трудноуловим и самостоятельный протославянский диалект. Однако одна черта его на завершающем этапе развития вполне очевидна. Славянские языки содержат лишь немногим меньше изоглосс с южными древнеевропейскими языками, – италийскими и, насколько они известны, иллирийскими, – чем с балтийскими. Это побуждает не без условности видеть в рождении славянства на рубеже III тысячелетий до н.э. или немногим позднее (до V в. до н.э.) – слияние двух начал, балтославянского и некоего «иллирославянского». Некоторые исследователи допускают влияние и италийское⁶. Внешнее южное влияние на возникновение праславянского признаётся и сторонниками его выделения прямо из «периферийно-балтийской» общности. Даже если речь идёт не столько о слиянии разных групп, сколько о круге контактов протославян, всё это нельзя упускать из вида по сразу бросающейся в глаза причине. Именно с венето-италийским или венето-иллирийским началом, и только с ним, можно связать восприятие славянами (и их соседями применительно к ним) названия «венеды».

Имеется также весьма немалое количество строго славяно-германских изоглосс. Это побуждает сдвигать предполагаемую прародину к северу, ближе к предполагаемой территории прагерманцев – ближайших сородичей балтославян. На такое же размещение указывает и особая близость праславянского к западнобалтийским языкам – прусскому и родственным. Западнобалтийские народы тысячелетиями жили в одной и той же области к юго-востоку от Балтийского моря. Они являлись частью обширной «периферийно-балтийской» области, включавшей также родственные племена Восточной Европы. В отличие от «срединных» балтийских групп, предков литовцев и латышей,

---

⁶ См.: Мартынов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы // VIII международный съезд славистов. Доклады. Минск, 1978.

«периферийные» контактировали с германскими и другими «внешними» племенами. Это – дополнительное объяснение относительно немногочисленных славяно-арийских изоглосс. Строго говоря, ограниченность информации о периферийно-балтийских языках просто не позволяет категорично утверждать, что и они этих изоглосс не разделяли.

Дальнейшее развитие праславянского языка проходило также в постоянных контактах с соседями, о чём свидетельствуют пласты языковых заимствований⁷. Поскольку значительная часть языков, с которыми контактировал праславянский, ныне «мертвы», мы можем судить в основном о заимствованиях в праславянский. Однако отмечены, например, заимствования из праславянского в западногерманские языки (на англосаксонском материале). Очень сложно определить древние заимствования из балтийских в славянские и обратно – ввиду теснейшего родства двух языковых групп.

Наиболее тесные контакты праславяне имели с западногерманскими, а затем с переселившимися в Восточную Европу восточногерманскими племенами. Имеется группа древних (скифских?) и более поздних (алано-сарматских) иранских заимствований. Отмечены заимствования из иллирийских, фракийских и кельтских языков. Контакты с романскими, тюркскими, греческим и древненемецкими языками относятся уже к раннему средневековью. Среди праславянских слов есть отдельные неизвестного доиндоевропейского (?) происхождения. Эта проблема тоже требует решения, хотя в принципе допустимо, что кое-где праславяне оказывались первыми индоевропейскими обитателями. Оговоримся, что речь не идёт об известных финно-угорских языках – заимствования из финно-угорских ограничиваются восточнославянскими языками. Даже если ранние контакты имели или могли иметь место, достоверных примеров ранних заимствований в обоих направлениях нет. При этом что заимствования из индоевропейского языка эпохи его распада в финно-угорских отслеживаются.

Зарождение и становление праславянского языка, как уже говорилось, относят ныне к первой половине I тысячелетия до н.э., самое позднее к V в. до н.э.⁸ К середине I тысячелетия до н.э. праславянский как особый язык уже существовал. В течение дальнейшей его эволюции произошло разделение на западную и восточную группы диалектов. В середине I тыс. н.э. восточная группа распадается на северо-восточную и южную. В самом общем виде западная группа является предшественницей западнославянских языков, северо-восточная – восточнославянских, южная – южнославянских. Реальная картина сложнее, но уже в основном выходит за рамки этой книги.

Раннее диалектное членение ясно указывает на довольно обширную территорию, населённую славянами. Общие языковедческие соображения, наблюдения за словарным составом, заимствованиями приводят либо к поискам прародины в Дунайском регионе⁹, либо к размытому помещению её между течениями Днепра и Одры¹⁰. Последнее, во всяком случае, кажется соответствующим историческим данным о праславянах. Первоначальную область восточных диалектов обычно помещают по Днепру, а западных – по Висле, Одре и Западному Бугу с выходами к Лабе и Дунаю.

Встречается ещё освящённая больше временем, чем правильностью метода, традиция условно помещать прародину в зоне наибольшего расхождения языков. Для славян это прикарпатские земли, стык трёх современных славянских языковых групп. Но

---

⁷ См.: Этимологический словарь славянских языков (далее – ЭССЯ). Вып. 1-34. М., 1974-2009 (издание продолжается); Słownik Prasłowiański. T. 1 – 8. Wrocław, 1974 – 2001 (издание не окончено); Славянские языки 2005. С.26; The Slavonic languages. P.109-110.

⁸ См. о хронологии: Славянские языки 2005. С.15-18; Балтийские языки 2006. С.20-21, 34.

⁹ Трубачёв 1991/2003. Ср. также: Гимбутас М. Славяне. М., 2003.

¹⁰ Славянские языки 2005. С.13; The Slavonic languages 2002. P.62 (впрочем, с предпочтением Среднему Поднепровью).

всем ясно, что с учётом многочисленных племенных передвижений эпохи Великого Переселения народов это не основание никаким выводам для предшествующей поры.

Очертить прародину может отчасти помочь также словарный состав протославянского продолжения индоевропейского. Достоверные продолжения названий диких животных и растений в праславянском не слишком многочисленны. Из названий диких млекопитающих – «волк», «рысь», «лиса», «вепрь», «олень», «лось», «тур», «зубр», «веверица» (белка), «выдра», «бобёр», «мышь», «ёж», «суслик». Из названий птиц – «ястреб», «орёл», «журавль», «ворон / ворона», «дрозд», «тетерев», «гусь», «лебедь», «утка». Из названий пресмыкающихся, земноводных – «уж», «желва» (черепаха), «жаба». Из названий рыб – «лосось», «пескарь». Из названий насекомых, членистоногих, червей – «пчела», «муха», «оса», «шершень», «гнида / вошь», «муравей», «фак», «вервь» (червь). Из растительных наименований – «дерево», «жёлудь», «берёза», «граб», «ясень», «осина», «ветла / ива», «ель», «ольха», «орех», «яблоня / яблоко», «вереск», «мох». Можно добавить важнейшие понятия неживой природы – «гора», «небо» (облачное), «течь» (о воде), «море», «ветр», «снег», «дождь» (плохая погода), «жар», «вар» (жара)¹¹.

Следует помнить, что это лишь перечень понятий индоевропейского, которые остались актуальны для предков славян до момента зарождения нового языка. Уже за счёт совпадений с соседними диалектами список можно несколько расширить – скажем, названиями куницы, росомахи, осётра, шмеля, клёна, липы, болота. Очевидно, что это в целом соответствует условиям лесной полосы Европы или познаниям живущего в ней человека – но едва ли более. Следует помнить и ещё об одном – это список реалий, наверняка известных праславянам, но не исчерпывающий список всех им известных реалий. Скажем, позднейшее германское происхождение названия «бук» и правда может свидетельствовать, что прародина славянам не доходила до буковых лесов Центральной Европы. Но может оно свидетельствовать и об ином – о том, например, что славяне временно покинули на каком-то этапе эту территорию, а название дерева забылось. Или вообще о том, что первоначально бук не выделялся из класса «грабов». Могут быть и иные варианты. Единственное, что тут можно сказать с твёрдостью, и то относительной, – что на момент заимствования (но не ранее) германцам бук был известен лучше или просто использовался ими чаще в сравнении со славянскими соседями.

Ещё один путь определения славянской прародины – исследования в области водных названий (гидронимов). Гидронимика – наиболее консервативная часть географического именованья. Речные названия сохраняются веками, переходя от народа к народу. Потому они часто используются для историко-языковых изысканий.

Наиболее плотный пласт собственно славянских гидронимов выделяется на Правобережье Днепра, особенно в Северо-Восточном Полесье. Они находятся в окружении воспринятых славянами гидронимов фракийского, иранского, балтийского, германского происхождения¹². На этом основании иногда делается вывод о происхождении славян из бассейна Припяти. На самом деле для таких выводов недостаточно оснований. Скопление исключительно или почти исключительно славянских гидронимов с высокой долей вероятности свидетельствует о другом. А именно – когда славяне пришли на эти земли, они были необитаемы. Логично искать прародину не в «чисто славянских» гидронимических зонах, а там, где славяне наследовали древнеевропейскую и доиндоевропейскую гидронимику. Наблюдения за праславянской гидронимикой в этом

¹¹ См.: Гамкрелидзе – Иванов 1984. Ч. 2; соответствующие статьи в ЭССЯ; Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden – Boston, 2008.

¹² См.: Трубачёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968; ср. также: Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. Обе работы переизданы в кн.: Трубачёв О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т.4. М., 2009.

ключе приводят как будто к помещению прародины в междуречье Вислы и Одры. Отсюда праславяне, как следует из этих построений, двигались на восток к Среднему Поднепровью¹³. Слои «периферийно-балтийской» или «балтоидной» гидронимики II тысячелетия до н.э. – то есть более раннего, чем обособление праславянского языка, периода, – мы обнаруживаем при этом в поморских областях того же междуречья. Аналогичный «балтоидный» дославянский слой, однако, отмечен и в Припятском Полесье. При наличии там и там древней балтославянской или «балтоидной» гидронимики чисто балтская редка или сомнительна¹⁴.

Стоит обратить внимание на названия крупнейших рек интересующей нас в связи с «прародиной» области. С учётом многочисленных передвижений славянских племён, в том числе возвращений на прежние места, именно названия больших речных артерий вопреки языковому обыкновению могли оказаться более памятными и устойчивыми. Покидая какую-то местность, славяне забывали многие названия малых рек, тогда как крупные сохранялись в фольклоре. Так в былинах Русского Севера нового времени помнились, к примеру, Днепр и Дунай. Даже если мелкие реки и забывались (можно привести пример с опять же былинной Почайной), то едва ли могли быть «узнаны» – в отличие от крупных – при возвращении.

Итак, названия крупных рек рассматриваемых здесь областей Восточной и Центральной Европы. Бесспорно славянское среди них – только одно, «Припять»¹⁵. С несколько меньшей уверенностью к этому же разряду следует добавить «Буг»¹⁶. К группе древнеевропейских названий предположительно доиндоевропейского происхождения относится «Висла»¹⁷. «Одра», возможно, германское заимствование – гораздо более возможно, чем в случаях с Вислой и Бугом. Заимствование из кельтского через язык-посредник – «Дунай»¹⁸. Столь же определёнными заимствованиями, но из иранского и через фракийское посредство, являются имена рек «Днепр» и «Днестр»¹⁹.

С учётом этих наиболее заметных примеров и сказанного выше об общей географии водных названий Восточной Европы вырисовывается следующая картина. Прародина славян по данным гидронимики может помещаться где-то в бассейне Вислы и впадающего в неё Западного Буга, на западе доходя до Одры, на востоке до Припятского края. При этом особое внимание обращает древнейшая балтославянская гидронимика с одной стороны, Польского Поморья, с другой – Полесья. С прародины славяне двигались в раннюю пору своей истории на юг к Дунаю и Днестру и на восток к Днепру – где встречали других индоевропейцев. Нельзя не отметить, что эта картина поразительно совпадает с рисуемой письменными источниками.

Наполнить предоставляемую языкознанием и отрывочными данными письменных памятников картину конкретикой можно только с помощью материальных свидетельств, источников археологических. Общая археологическая история интересующего нас региона в интересующий нас период выглядит следующим образом²⁰.

¹³ См.: Rospond S. *Stratygrafia slowianskich nazw miejscowych. Proby atlas toponomastyczny*. Т. 1-2. Wrocław – Warszawa, 1974-1976.

¹⁴ Балтийские языки 2006. С.17-18, 21. См. там же карту 1 и комментарий к ней – С.220.

¹⁵ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. М., 1988. С.365.

¹⁶ ЭССЯ. Вып. 3. С.78.

¹⁷ Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1974. S. 624 (предлагается и чисто славянская этимология).

¹⁸ ЭССЯ. Вып. 5. С.156-157 (в форме *Dunavъ – определённо из готского; «Дунай» же может быть и через фракийское посредничество).

¹⁹ ЭССЯ. Вып. 5. М. 182, 183.

²⁰ См.: Кухаренко Ю.В. *Археология Польши*. М., 1969; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. *Археология Румынии*. М., 1973; Монгайт А.А. *Археология Западной Европы*. М., 1974; Sklenar K. *Pamatky praveku na*

В бронзовом веке огромные пространства лесостепной и лесной полосы Восточной и Центральной Европы занимают племена культур шнуrowой керамики. Их индоевропейская принадлежность не вызывает никаких сомнений. В позднем бронзовом веке на основе этой древней общности складываются две группы родственных культур. Восточная надёжно отождествляется с балтославянами и отчасти с будущими фракийцами. Позднейшие балтийские и дако-фракийские культуры связаны происхождением именно с этим массивом. К западу от них во второй половине II тысячелетия до н.э. простиралась столь же несомненно индоевропейская зона культур полей погребений. Её отождествляют с другими древнеевропейскими племенами, древнеевропейским «ядром» – предками германцев, кельтов, иллирийцев и италиков. Это отождествление неоспоримо следует из позднейшего расселения этих племён на запад и юг Европы. Там с ними связано появление классических кельтских, германских, италийских и иллирийских культур.

В Южной Прибалтике, в контактной зоне этих двух больших культурных массивов, в начале I тысячелетия до н.э. складываются культурные группы смешанного происхождения – западнопоморская и восточнопоморская. Они, как и соседняя западнобалтийская культура, возникли в результате переселений на север и на восток создателей самой крупной из культур полей погребений – лужицкой. Поморье относилось к периферии нордической культурной области. Последняя возникла на стыке культур полей погребений, восточных балтославянских и местных доиндоевропейских. Иногда с ней связывают происхождение германцев или какой-то их части. Но поморские группы в последнем доли не имеют – они были поглощены лужицким переселением. Изначально же поморско-береговая культура ранней бронзы, относящаяся к кругу шнуrowой керамики, принадлежала балтославянским племенам. Через культуру западнобалтийских курганов к ней восходит и позднейшая культура пруссов.

Поморская культура железного века, сложившаяся в VII – VI вв. до н.э. на основе восточнопоморской группы, носит своеобразный характер. Она заметно отличается от своих соседей – и от породившей её лужицкой культуры, и от возникшей также под лужицким влиянием культуры западнобалтийских курганов. К последней надёжно возводятся культуры позднейших западнобалтийских племён (прусов, куршей и др.). В середине I тыс. до н.э. создатели поморской культуры расселяются на юг, занимая основную территорию лужицкой культуры по Висле, Одре и Западному Бугу. Местное население смешивается с ними, завершив создание нового единства. Новая культура получила в науке название культуры подклёшевых погребений. Она помещается в основном по Висле и на восток от Вислы, захватывая и некоторые области Припятского бассейна.

Дальше к востоку, в Верхнем Поднепровье, в первой половине I тыс. до н.э. развивалась милоградская культура. В основе её лежали местные культурные группы, восходившие к культуре шнуrowой керамики. На карте Геродотовой Скифии эта культура достаточно точно соответствует племенам невров. Южнее, в Среднем Поднепровье и Верхнем Поднестровье, сложился к середине I тыс. до н.э. ряд довольно развитых культурных групп, испытавших мощное степное влияние. Их отождествляют со скифами-

---

uzemi ĆSSR. Praha, 1974; Археология Украинской ĆСР. Т. 1-3. Киев, 1985-1986; Prahistoria ziem polskich. Т. 4-5. Wrocław – Warszawa, 1979-1981; Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982; Эпоха бронзы лесной полосы ĆССР. М., 1987; Степи европейской части ĆССР в скифо-сарматское время. М., 1989; Pradzieje ziem polskich. Cz. 2. Warszawa, 1989; Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Т. 2. Киев, 1990; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993; Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994; Давня історія України. Т. 1-3. Київ, 1997-2000; Археологія Беларусі. Т. 1-2. Мінск, 1997-1999; Седов В.В. Славяне. М., 2002.

пахарями, а также (в днепровском Левобережье) с гелонами и будинами либо меланхленами Геродота.

В III – II вв. до н.э., в условиях упадка старой Скифии, с запада в эти земли проникают новые племена. Это были, прежде всего, носители поморской и подклёшевой культуры. Вместе с тем, в движение участвовали также западные племена, принадлежащие к кельтской латенской и германской ясторфской культурам. На севере все они смешиваются с «милоградцами». Результатом слияния разных племён в лесостепном Правобережье, южном Полесье и Поднестровье стало появление зарубинецкой культуры. В первые века нашей эры под давлением кочевников зарубинецкая культура приходит в упадок, население отчасти сдвигается к северу. В Приднепровье это породило в итоге киевскую культуру, предшественницу колочинской раннего средневековья. В Подесенье итогом смешения с местными племенами стало появление почепской культуры. Это прямая предшественница позднейшей и более северной мощинской, каковая надёжно связана с летописной голядью, племенем «балтийским». В Полесье, по мнению ряда исследователей, появляются со временем напоминающие киевскую культуру памятники, называемые «протопражскими». Их недостаточная исследованность признаётся и сторонниками такого определения.

Между тем, на западе в результате новых переселений на месте подклёшевой культуры появляется пшеворская. Происходит это во II в. до н.э., и «внешняя» часть создателей новой культуры надёжно опознаётся. Это те же латенские кельты и ясторфские германцы. Культура пшеворская отчётливо соединяет в себе на вершине расцвета два элемента – германский и местный, при поглощении всё менее заметного кельтского. Пшеворская культура просуществовала до V в. н.э. Именно она занимала Повисленье в пору упоминания античными авторами венедов. Исключение представляла лишь Нижняя Висла. Здесь поморскую культуру сменила оксывская (тоже с ощутимым германским элементом), а в I в. н.э. появилась вельбарская культура. Её без всяких колебаний надо связывать с германскими племенами готов и гепидов. Об этом, помимо чётких исторических сведений и культурного типа, свидетельствуют не единичные находки рунических надписей.

Следует упомянуть также культуру Поянешты-Лукашевка, которая связана с зарубинецкой и пшеворской рядом общих черт. Она сложилась в Поднестровье и Прикарпатье результате слияния ясторфских (германских) и местных племён. Культура увязывается с воинственным племенем бастарнов или певкинов, хорошо известным по источникам III в. до н.э. – I в. н.э. Это основной аргумент против встречающегося отождествления с бастарнами более северной зарубинецкой культуры. Выход сторонникам такого отождествления иногда приходится искать в «объединении» культур, что в свою очередь вызывает новые, вполне обоснованные возражения.

На основе пшеворской культуры в IV – V вв. н.э. развилась особая прешовская культура в Словакии. Её расцвет падает на время упадка пшеворской культуры и резкого сокращения населения на её основной территории. Упадок этот связан с Великим Переселением Народов и особенно с захватившим всю варварскую Европу гуннским нашествием. Прешовские племена на позднем этапе испытали влияние гуннов.

Другой, подобно пшеворской, тоже разноплеменной культурой являлась сложившаяся к началу III в. н.э. черняховская. Она сменила зарубинецкую в южной части её территории и захватила степную полосу Северо-Западного Причерноморья, а также прикарпатские земли и низовья Дуная. В черняховской культуре отчётливо заметны сармато-аланский, гето-дакийский, пшеворский и зарубинецкий компоненты. На окончательное сложение культуры повлияли германцы, представленные вельбарскими древностями. Они сохраняют, тем не менее, внутри черняховской культуры определённые

ную обособленность. Вельбарские и черняховские племена жили на одних территориях, смешиваясь между собой, но не сливаясь полностью.

Черняховская культура, как и пшеворская, погибла в результате гуннского нашествия, но раньше её – в конце IV в. Уцелели лишь отдельные культурные группы, развивавшиеся самостоятельно. Вместе с тем достойно замечания, что территория черняховской культуры почти точно совпадает с территорией позднейшей пеньковской культуры, принадлежащей славяноязычным антам VI – VII вв. Пеньковская культура содержит черняховское наследие, но наряду с другими элементами. С одной стороны, это культура «пражского типа», близкая распространённой западнее пражско-корчакской («словене» VI – VII вв.). С другой стороны, на опустевших землях черняховцев в V в. расселяются племена киевской культуры, отчасти напоминающей обе культуры «пражского типа». Соотношение всех этих культур – ключевой вопрос, чёткий ответ на который позволил бы решить проблему славянской прародины.

Пражская или пражско-корчакская культура захватывает немалую часть территории пшеворской и определённо связана с ней. Однако прямая преемственность вполне может быть оспорена. Выше упоминалось о гипотетических во всех отношениях «протопражских» памятниках Полесья. Более старая, но не более бесспорная традиция – сопоставлять пражскую культуру с поздней прешовской. Относительно уверенно можно говорить лишь о преемственности с северными пшеворскими группами в отношении суковско-дзедзицкой культуры. Она связана с «венедской» группой западных славян – предками полабских и многих польских племён. С Висло-Одерским регионом археология, в согласии с лингвистикой и антропологией, иногда связывает происхождение и ещё одной группы славян. В V в. на севере Восточной Европы появляются памятники культуры длинных курганов. Она существовала до IX в., и ареал её распространения точно совпадает с землёй летописных кривичей. С другой стороны, в последнее время частью археологов предлагается связывать происхождение культуры длинных курганов с северными группами киевской культуры. Всё это напоминает, что сама по себе преемственность отдельных фактов материальной культуры в смешении с иными, чужеродными – довольно зыбкое основание для общеисторических построений. А именно такова картина складывания практически всех археологических культур раннего средневековья – ключевых для поисков праславян предшествующего времени.

Основные черты славянских археологических культур средневековья восприняты от разных культур предшествующей эпохи. Все они возникли в зоне «прародины» в разное время, в разных местах и обстоятельствах. Считать какую-то из этих черт, – будь то керамический набор, домостроительство, отопительные устройства или даже погребальный обряд, – специфически славянской недостаточно оснований.

Ситуация в целом довольно парадоксальна. На землях, отводимых лингвистикой под прародину славян, в первое тысячелетие славянской истории существует некоторое количество археологических культур. При этом все они не имеют однозначного и общепринятого этнического определения – в разительное отличие практически от всех окружающих. Последние уверенно определяются как германские, иранские, балтийские и так далее. Уже одно это должно навести на мысли с одной стороны, о неоднородности «спорных» культур, с другой – о частичном как минимум тождестве «спорного», усложняющего картину элемента в них со славянами. Помимо того, возникает догадка и о неустойчивости этого элемента, о перемещениях его из одних регионов в другие. Однако наряду с позицией, принимающей эти посылы, встречаются и иные. Мнения археологов могут разниться от однозначного признания славянства тех или иных культур до столь же однозначного отрицания такового. В пользу принадлежности подавляющей части из вышеназванных культур к славянству приводились веские аргументы. С другой стороны, не менее веской представляется и аргументация, с помощью

которой славянство буквально каждой же из этих культур в науке опровергалось. В итоге крайними оказываются позиции «славяне всюду» – и «славяне нигде». Что представляется в равной степени абсурдным. Сам этот диапазон ясно указывает на недостаточность только археологических методов для положительного решения.

Итак, археологические данные сами по себе представляют сложную картину – как из-за многочисленных племенных передвижений и смешений, так и из-за разноплеменного характера наиболее важных культур. Такую картину, надо признать, нельзя считать типичной – она вызвана исключительно особенностями восточноевропейской истории. Восточная Европа между Западом и Востоком представляла собой центр встречных течений с обеих сторон, «столбовую дорогу» – или «проходной двор» – племенных движений. Правильное истолкование археологического материала, в свою очередь, невозможно без привлечения сведений языка и письменных источников.

Выводы о древнейших судьбах славян позволяют делать и данные физической антропологии. Впрочем, с учётом новых рубежей, которые открывают перед антропологией генетические исследования, эти выводы едва ли можно считать окончательными.

Кем бы ни являлись по языку современные жители Европы, основа европейского генофонда восходит ещё к временам позднего палеолита²¹. Это подтверждает как то, что пришельцы позднейших эпох сливались с местной средой, так и то, что их лидерство в этом смешении закреплялось принятием средой языка. Как бы то ни было, следует иметь в виду, что археологические соотнесения характеризуемых ниже материалов генетики довольно условны²². Впрочем, следует иметь в виду и то обстоятельство, что лучше разработана хронология и распространение генов, передающихся по женской линии. «Мужские» гены могут отражать более поздние процессы²³.

Весьма показательно, что население Чехии и Словакии оказывается генетически близко к некоторым германским народам, – тогда как народы бывшей Югославии генетически довольно изолированы, тяготея скорее к грекам и баскам. В то же время в условный генетический кластер «славянских» народов вместе с жителями России и Польши попадает и население Венгрии²⁴. Всё это отражает многообразные и разновременные процессы, связанные с передвижениями славянских и неславянских народов – в том числе и в историческое время.

При картографировании генофонда генетики выделяют три главные компоненты его изменчивости. Первая определяется для Восточной Европы как «Запад-Восток». На Западе Европы аналогичная переменная развёртывается с юго-востока на северо-запад. «Ядро» восточноевропейского генофонда по данным этой переменной охватывает значительную часть Балкан, нынешних Украины и Польши. Более детальный анализ приводит к более узкому «ядру» – следу движения населения с Балкан в зону целого ряда земледельческих культур, начиная с трипольской IV тысячелетия до н.э. В рамках этого «ядра», впрочем, оказываются и позднейшие южные культуры шнуровой керамики, и «скифообразные» группы времён Геродота²⁵. Ещё более детальный взгляд позволяет достаточно чётко связать самое крупное из выделяемых «микроядер» либо с шнуровой керамикой Правобережья и Волыни, либо с позднейшей зарубинецкой культурой²⁶.

²¹ Восточные славяне: Антропология и этническая история. М., 2002. С.225, 240.

²² О том же пишут и предлагающие такие соотнесения авторы: Восточные славяне 2002. С.128-129.

²³ См.: Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007. С.138-161, 255-281.

²⁴ The History and Geography of Human Genes. Princeton, 1994. P. 268-269.

²⁵ The History 1994. P. 292; Восточные славяне 2002. С.118-123, 128; Балановские 2007. С.226-228.

²⁶ См. карту: Восточные славяне 2002. С.122.

Вторая переменная («Лес-Степь») показывает движение населения по направлению запад-восток. Европейским «ядром» здесь оказывается уже Центральная Европа, точнее – области распространения лужицкой культуры, а позднее культуры подклёшевых погребений. Переменная достаточно однозначно рисует движение волн восточного населения из евразийских степей и ослабление его эффекта к противоположному «полюсу», указанному «ядру». Воздействию «ядра», встречному движению населения, оказывается подвержена и лесостепная полоса Правобережья Днепра. Причём крайний запад Полесья захвачен собственно «ядром». На северной периферии, в том числе в Польском Поморье, на европейское «ядро» давит другой «полюс» сходных со степными влияний – ладого-онежский, определённо в той или иной степени соотносимый с западными финнами²⁷.

Третья переменная уже чётче связывается со славянами. Выявляемое с её помощью «генетическое ядро» совпадает с зоной распространения археологических культур «пражского» типа в раннее средневековье в Восточной и Центральной Европе. «Сердцевину» его видят в зоне подольско-днепровских памятников черняховской культуры. Вместе с тем, из вышеприведённых данных по первой и второй переменным делается вывод о проникании славянских антропологических типов в эту зону с запада и юго-запада. Складывание третьего «ядра» рассматривается как итог скрещения различных воздействий на Восточноевропейской равнине. С другой стороны, сами сказывающиеся на нём влияния накапливались как минимум с неолитических времён²⁸.

С этими данными скорее расходятся выводы исследователей, на основании изучения «мужской» Y-хромосомы располагающих прародину славян в Среднем Поднепровье²⁹. Впрочем, соответствующий генетический признак характерен также и для балтов, что позволяет говорить о происхождении скорее балтославянской общности³⁰. Любопытно установление предположительно общего происхождения по «мужской» линии едва ли не всех северных (восточных и западных) славян, а также балтов. Особая же близость восточных и южных славян, их известная изолированность от западных подтверждают раннее разделение славян на две ветви. Но выясняется, что большинство южнославянских групп (население Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Черногории) имеет иное «физическое» происхождение. Это толкуется как свидетельство славянизации в раннее средневековье местных племён и кочевых болгар –

²⁷ Восточные славяне 2002. С.123-125, 128; Балановские 2007. С.226-229.

²⁸ Восточные славяне 2002. С.125-129; Балановские 2007. С.227-228.

²⁹ Rebala K. et al. Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin// *Journal of Human Genetics*. V. 52. № 5, 2007.

³⁰ Балановские 2007. С.154. Гаплогруппа R1a, о которой идёт речь, не является специфически ни «славянской», ни «балтославянской». Правильнее назвать её «индоевропейской» – поскольку её «сгущения» отмечены далеко не только у балтославян (и венгров), но и в Северо-Западной Европе, а особенно в Центральной Азии – в Таджикистане, Киргизии, Северной Индии. Время происхождения этой генетической черты определяется исследователями от XXXIV до XIII тыс. до н.э. – то есть намного ранее не только славянского, но и определённого индоевропейского этногенеза, что, конечно, вполне естественно – ведь это лишь время рождения первого носителя данного генетического признака. Центр же распространения варьируется в разных исследованиях от Центральной Европы до Пенджаба, в зависимости от негенетических теорий происхождения индоевропейцев, близких авторам конкретной работы. Стоит еще заметить, что наиболее «густое» её присутствие в Европе отмечено скорее у лужичан и поляков, чем у украинцев. См.: Semino O. et al. The Genetic Legacy of Paleolithic Homo sapiens sapiens in Extant Europeans: A Y Chromosome Perspective// *Science*. V. 290. P. 1155-1159; Peričić M. et al. High-resolution phylogenetic analysis of southeastern Europe traces major episodes of paternal gene flow among Slavic populations// *Molecular Biology and Evolution*, 2005. № 22(10). P. 1964-1975; Sengupta S. et al. Polarity and Temporality of High-Resolution Y-Chromosome Distributions in India Identify both Indigenous and Exogenous Expansions and Reveal Minor Genetic Influence of Central Asian Pastoralists// *American Society of Human Genetics*, 2005. № 78 (2). P. 202-221; Sahoo S. et al. A prehistory of Indian Y chromosomes: Evaluating demic diffusion scenarios// *Proceedings of the National Academy of Science of the USA*, 2006. Vol. 103. № 4. P. 843-848.

притом что в Хорватии и Словении «праславянская» составляющая преобладает. Наконец, отмечено присутствие в Северной России «финского» ингредиента – что и так не вызывает сомнений. Интересен также след «балканского» (коренного?) населения в южной и центральной области славянского ареала.

Перейдём к более традиционному направлению антропологических исследований – изучению физического облика древних и современных людей. Краниология (изучение форм черепа) свидетельствует о распространении в Европе вместе с культурами шнуrowой керамики ряда характерных расовых типов. Однако конкретные пути их воздействия на сложение физических типов славян невозможно проследить из-за распространения в железном веке ритуала трупосожжения. Вместе с тем, сопоставление как будто подтверждает некоторые выводы лингвистов и археологов – в том числе о балто-славянском единстве, о разноплеменном происхождении черняховской культуры³¹.

Из пяти современных славянских расовых групп важно выделить первые две – беломоро-балтийскую и восточноевропейскую³². Первая распространена в Польше, Белоруссии и Северной России. Её представители характеризуются средними и короткими пропорциями черепа, светлой кожей и волосами, средними размерами лица. По сравнению с другими балтийскими расовыми группами они сохраняют незначительные черты уралоидной «примеси», проникшей в Европу ещё в первобытное время. Восточноевропейская группа (большая часть русских, часть белорусов) отличается в первую очередь более тёмными волосами и глазами. Как устанавливается антропологами, основу её составили люди со средним или длинным черепом, широким, средним или выше среднего лицом, сильным выступанием носа. Затем на них наслоился поток миграции с уралоидными чертами. Он увязывается с неолитической финно-угорской культурой гребенчатой керамики. Речь идёт о событиях III тысячелетия до н.э. К этой первоначальной поре индоевропейского и финно-угорского расселения в Европе и следует относить начало складывания двух названных групп.

В то же время большинство восточных славян X – XII вв. н.э. обладают ещё в основном всеми чертами исходного облика. Некоторые племенные группы особенно близки к сохраняющим те же черты балтам – что, впрочем, смешением с балтами и объясняется. Беломоро-балтийские же черты проявляются в этот период у жителей Польши, Полабья и Северной Руси. Что касается остальных славянских групп (днепро-карпатской, понтийской и особенно динарской в Черногории), то их появление связано с переселениями славян. Все они имеют яркие и древние неславянские параллели: днепро-карпатская в альпийско-карпатской области, понтийская в Северном Причерноморье, а динарская – на Балканах и Кавказе. Тогда как основные два типа встречаются лишь у балтов, финнов и смешавшихся с финнами поволжских тюрок. В целом признаётся, что складывание современного физического облика славян проходило на протяжении тысячелетий и под различными влияниями. Наиболее характерной расовой чертой славян признают относительно широкое лицо и на этом основании очерчивают прародину – гораздо более условно-обширную, чем археологическая или языковая³³.

Исследования в области одонтологии (антропологическое изучение зубной системы) позволяют пролить больше света на славянскую историю. При ограниченности возможностей анализа в «эпоху трупосожжений» вместе с тем ясно, что с поморской археологической культурой связан очаг особого одонтологического типа. Этот тип, получивший название балтийского, отмечен затем в черняховской культуре. Он сохранился у поляков, части юго-западных украинцев, русских Новгородчины, а также западных литовцев и южных латышей. Признаётся возможная причастность его носите-

³¹ Восточные славяне 2002. С.260-280, 310-312.

³² Восточные славяне 2002. С.54-59, 308-310.

³³ Восточные славяне 2002. С.165-169, 310, 314-315.

лей и к происхождению германцев. Однако в целом от германского он отличается, оставаясь балтославянским явлением. Любопытно, что, пересекаясь территориально с беломоро-балтийским расовым типом, балтийский одонтологический тип не проявляет «восточных», финских по происхождению особенностей. В то же время скандинавский атлантико-балтийский расовый облик, лишенный уралоидного следа, сохраняет «восточные» особенности в одонтологическом типе (северном грацильном). У восточных славян (южных русских, украинцев) представлен также среднеевропейский одонтологический тип. На данной территории он восходит к временам палеолита и мезолита. Отмечены в средневековье у восточных славян и иные одонтологические типы, с отчётливыми финскими корнями: североевропейский реликтовый и упомянутый выше северный грацильный³⁴.

В целом, однако, одонтология подразделяет славянскую территорию на две большие области: северную (балтийский тип) и южную (южный грацильный тип). Последний тип восходит к временам трипольской культуры, хотя сложился в результате переселений на её земли с юго-востока. Сохранился южный грацильный тип в Болгарии, Венгрии и Припятском Полесье. Очагом же «северной ветви славянства» по этому признаку оказывается Повисленье³⁵.

Переводя весь этот материал в историческую плоскость, нельзя не связать наличие двух основных составляющих в славянстве с двумя праславянскими диалектами. Восточноевропейская и отчасти понтийская расовые группы, южный грацильный и среднеевропейский одонтологические типы связаны с восточной диалектной группой. При этом их происхождение уходит в прошлое далеко за пределы истории возникновения праславянского языка. Связанные же с зоной Поморье – Повисленье беломоро-балтийский расовый и балтийский одонтологический типы оказываются в сочетании специфически славянскими. Беломоро-балтийский расовый тип за пределами славянского мира находим у части западнофинских народов. Балтийский одонтологический тип представлен лишь у некоторых балтийских групп. Исторически сочетание того и другого будет связано с западной группой славянских диалектов и с последующими, уже в раннее средневековье, выселениями её представителей на северо-восток.

То же деление на две группы показывает и дерматоглифика (исследование «рисунков» на коже кистей рук). По итогам исследований оказалось возможным выявить группировку славянских народов по этому генетическому признаку, отдельно для мужчин и женщин³⁶. Наиболее четка «мужская» схема. Мы видим здесь два кластера, к одному из которых относятся восточные славяне, чехи и болгары, к другому – поляки и словаки. Попадание чехов в первую группу легко объяснить передвижением с востока в VI – VII вв. н.э. на чешские земли племён хорватов, сербов, дулебов, лучан. Оно не могло не изменить антропологической ситуации. В остальном разбивка вновь соответствует двум группам славянских диалектов, одна из которых положила начало восточным и южным славянам, а другая – западным.

«Женская» схема сложнее. Здесь польки и чешки оказываются в одном «кластере», но гораздо ближе к восточным славянкам. Словачки и болгарки (последние в наибольшей степени) – резко в стороне, сравнительно даже с расхождениями двух «кластеров» у мужчин. Ничего удивительного в этом, в принципе, нет. Схема указывает на сложное происхождение славянских народов – и особенно болгар. Привносимый иноплеменный элемент в первобытную эпоху – всегда в большей степени женский. Это связано и с межплеменными браками, и с военными действиями, в том числе завоеваниями. В целом восточнославянская и польско-чешская группа и здесь отражают то же

³⁴ Восточные славяне 2002. С.212-217.

³⁵ Восточные славяне 2002. С.216-218.

³⁶ Восточные славяне 2002. С.78.

диалектное членение, но с учётом тесных межплеменных связей на раннем его этапе. Исторически теснейшее взаимодействие двух диалектных групп, иногда на одних территориях, продолжалось до раннего средневековья включительно.

Итак, антропологическая картина в общих чертах перекликается с археологической и с лингвистической. Очевидно, в будущем, по мере углубления исследований в этом направлении, историки начнут ещё активнее привлекать данные антропологии к разработке праславянской и раннеславянской проблематики.

Трудности сопоставления археологического, антропологического, языкового и письменного источникового материала очевидны. Хотя не менее очевидны и их пересечения, позволяющие при объективном анализе сделать определённые выводы. Как бы то ни было, самостоятельное, а то и изолированное развитие разных областей исторического знания создаёт дополнительные трудности. Число теорий славянской прародины и славянских расселений показательно велико.

Некоторые из этих теорий, построенные почти исключительно на археологическом материале, отражают на сегодняшний день пройденные этапы исторического знания. Это не означает «устарелости» всех выводов их создателей, крупнейших учёных своего времени. Давно устарела популярная некогда чисто «западная» теория происхождения славян. Она ограничивала прародину западнославянскими землями и связывала родословную славян с лужицкой или с тшинецкой археологической культурой II тысячелетия до н. э.³⁷

На время широкое признание в науке завоевал первоначальный вариант «западно-восточной» теории³⁸. Он вводил в число праславянских культур II тысячелетия до н.э. восточноевропейскую комаровскую (концепция тшинецко-комаровской культуры). Слабой стороной этой теории даже для её времени являлась крайняя пестрота относимых к славянским культур, совершенно разных по своему облику. «Праславянами» могли оказываться почти все обитатели Центральной и части Восточной Европы уже столь далёкого времени, что вызывало справедливые сомнения.

Наконец, первоначальный вариант «восточной» теории³⁹ связывал происхождение протославян и праславян с подкарпатской культурой шнуровой керамики (III тыс. до н.э.). Далее родословная велась к комаровской и позднейшим культурам восточноевропейской лесостепи, вплоть до зарубинецкой и черняховской. Прародина, таким образом, ограничивалась территорией современных Украины и отчасти Молдавии. Достоверность соотнесения «венедов» письменных источников со славянами в этом случае ставилась под сомнение.

Разработка этих теорий принесла значительную пользу исторической науке. Был накоплен огромный археологический материал, исследованы как предположительно славянские, так и неславянские культуры Восточной и Центральной Европы. С другой стороны, была поставлена задача согласования археологического и языкового материа-

---

³⁷ См.: Kostrzewski J. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich od połowy II tys. przed n. e. do wczesnego średniowiecza. Poznań, 1961. В числе наиболее поздних и уже компромиссных по духу работ этого направления: Hensel W. Polska starożytna. Wrocław – Warszawa, 1973.

³⁸ В основе заложен ещё Л.Нидерле, предполагавшим ранее, в античную пору, расселение славян с востока на запад Европы (см.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001. С.21-30 и след). Примеры отечественных работ: Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981 (2-е изд. – 1994); Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982.

³⁹ См., прежде всего: Гимбутас М. Славяне. М., 2003 (оригинальное англоязычное издание – 1971 г.). Предтечей, парадоксальным образом, может считаться тот же Л.Нидерле с его резкой критикой теорий автохтонности славян в Центральной Европе (Нидерле 2001. С.184-186). Ср. ещё: Рыбаков 1981/1994, где родословная славянства в какой-то части увязывается с трипольской культурой.

ла. Такое сопоставление неизбежно вело учёных к выводу о том, что культура собственно праславян должна быть более однородна на первом этапе. Это противоречило широким построениям раннего варианта «западно-восточной» теории. С другой стороны, сам этот первый этап следовало относить к рубежу II/I тысячелетий до н.э., что свидетельствовало против всех трёх прежних версий. Наконец, раннее диалектное членение славян указывало на неверность «сужающих» теорий, как «западной», так и «восточной». Однако оно же – с точки зрения датировки – говорило против старой «расширяющей» теории. Языкознание относит это деление ко времени не ранее V в. до н.э.

Новый вариант «западно-восточной» теории, сформулированный в последние десятилетия минувшего века⁴⁰, давал ответ на многие вопросы. Согласно этой версии, первой достоверно славянской культурой являлась культура подклёшевых погребений, возникающая из слияния поморской и лужицкой. Поморская культура при этом может и рассматриваться, и не рассматриваться как праславянская. Это во многом зависит от принятия той или иной датировки зарождения праславянского языка – рубежа II/I или середины I тысячелетия до н.э. Движение подклёшевых и поморских племен на восток быстро расширило славянскую территорию. Тот или иной славянский элемент признаётся сторонниками этой теории за пшеворской, зарубинецкой, черняховской, а иногда и киевской культурой. В качестве основных источников славянских культур раннего средневековья рассматриваются пшеворская и черняховская, что совпадает с прежней «западно-восточной теорией». Привлекательной стороной этого варианта является широкое согласование археологического и языкового материала вкупе с объективным использованием письменных источников.

Основной альтернативой является новый вариант «восточной» теории, связывающий предысторию славянства преимущественно с территорией современной Украины. Появление новой «восточной» теории вызвано успешными исследованиями киевской культуры и близких ей культурных групп. По мнению многих исследователей, киевская культура перекликается со славянскими раннесредневековыми в достаточной степени, чтобы быть их основной или единственной предшественницей. Предков славян более раннего времени при этом предлагается видеть в зарубинецких племенах (по крайней мере, это единственная убедительная из предложенных версий⁴¹). Отождеств-

---

⁴⁰ Прежде всего, в работах В.В.Седова: Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994; Седов В.В. Славяне. М., 2002. Стоит отметить, что первым связал происхождение славян с культурой подклёшевых погребений Т.Лер-Сплавинский (Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946). Правда, с учётом тогдашнего состояния археологического материала, его концепция представляла скорее вариант «западной» теории.

⁴¹ См. разные варианты: Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V-VII w. n.e. Krakow, 1979; Баран В.Д. Черняхівська культура. Київ, 1981; Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984; Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994; Шевченко Ю.Ю. В зоне славянского этногенеза: палеодемоэкология низовий Десны в первом тысячелетии нашей эры. СПб., 2002. К.Годловский относил само становление праславянского языка к середине I тысячелетия н.э., что на фоне почти единодушного мнения лингвистов (относительное исключение – Lunt H. G. On common Slavic.// Сборник матице српске за филологију и лингвистику. Т. 27/28. Нови Сад, 1984/5) выглядело уже тогда парадоксально. Впрочем, некоторые археологи и в последние годы предпочитали избегать признания преобладающей глоттохронологии, относя «первых славян» к I тыс. н.э., чему способствовали дискуссии самих лингвистов по глоттохронологическим проблемам (см.: Шукин 2002; Рассадин С.Е. Первые славяне. Минск, 2008). В свете данных современной науки парадоксальным выглядит и предложенное Д.А.Мачинским (Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I – VI вв.// Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. Л., 1976; Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э.// Формирование раннефеодальных славянских государств. М., 1981) соотнесение венедов и древнейших славян с культурой штрихованной керамики. Культура штрихованной керамики VII в. до н.э. – V в. н.э. вне всяких сомнений балтийская. Более того, она единственная может быть отнесена срединным балтам до их отмечаемой лингвистами и археологами миграции на северо-запад, в земли, занятые финнами и западными балтами. Преемственность культур очевидна как минимум в Латгалии и Восточной Литве (См.:

ление праславян с висленскими венедами в рамках «восточной теории» ставится под вопрос. Исходя из легко проводимой прямой линии «милоградская – зарубинецкая – киевская культура» славянами следует, очевидно, считать невров Геродота.

Данная теория привлекает внимание к сложности картины перемещений славян в IV – VI вв. н.э., особенно на северо-западе славянского мира. Действительно, непрерывность славянского пребывания в этих областях, степень значимости пшеворской культуры для происхождения западного славянства оцениваются весьма критично. Однако далеко не со всеми построениями авторов концепции можно согласиться.

Немало лингвистических фактов не укладываются ни в один из вариантов «восточной» теории. Во-первых, необъяснимыми остаются как «иллирославянский» эле-

---

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С.356-357, 394). Между тем, праславяне обособились не от срединных, а от «периферийно-балтийских» племён, причём гораздо ранее распада культуры штрихованной керамики, в пору её становления (См.: Балтийские языки 2006. С.31, 34). Важным аргументом в пользу отсутствия связи между славянством и «штриховиками» является полное отсутствие общеславянских заимствований из языков финно-угорских – непосредственных соседей культуры штрихованной керамики. Естественно, мы не дискутируем здесь детально точки зрения тех специалистов, которые принципиально отказывались учитывать хронологию и взаимосвязи языков. К сожалению, целый ряд отнюдь не малозаметных исследователей избрали тактику игнорирования, к примеру, данных о времени обособления славянских и балтийских языков – поскольку данные эти не вписываются в их «археологические» теории. Между тем вполне ясно (вопреки встречающимся иногда даже в среде филологов утверждениям), что языковое обособление подразумевает некоторую степень культурной, социальной или хотя бы территориальной обособленности на момент расхождения. Столь же ясно, что приблизительность и условность глоттохронологических датировок, фиксирующих примерно-кульминационный момент протекания долгого процесса, но не полные его рамки, всё же не делают сами эти даты «умозрительными». Во всяком случае, глоттохронология в последнее время имеет тенденцию к удревнению, но никак не наоборот (см., например: Gray R.D., Atkinson Q.D. Language-tree divergence times support Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. Vol. 426. P.435-439 – где обособление праславянского и прабалтского языков друг от друга относится уже ко времени около 1400 г. до н.э.). Возвращаясь к археологической и письменной «конкретике» – каким образом культуры штрихованной керамики и даже зарубинецкая, не выходящие ни к Висле, ни к Балтике, могут быть соотнесены с венедами Плиния и Птолемея, остаётся непонятным. Всю конструкцию могут основывать лишь на известии Тацита с его крайне размытыми, в отличие от Птолемея и даже Плиния, географическими указаниями.

В целом же по поводу «лесной» теории, связывающей генезис славян с культурой штрихованной керамики на основании сходной культурной модели, вполне сохраняют актуальность замечания И.П.Русановой: «во-первых, такой же характер имели и другие северные культуры, например, днепровская, которую в таком случае с тем же правом можно связывать со славянами и соответственно отодвигать славянскую территорию ещё дальше к северу; во-вторых, балтская принадлежность культур лесной зоны в Верхнем Поднепровье имеет вполне определённые археологические и лингвистические обоснования; в-третьих, именно “модель” культуры меняется довольно быстро в зависимости от конкретных условий, в основном от развития социальных и экономических отношений. Так, модель пражской культуры отличается от структуры культур роменской и Луки-Райковецкой и тем более не похожа по уровню развития на культуру Киевской Руси, но это ни в коем случае не свидетельствует о неславянской принадлежности всех этих археологических общностей» (Славяне и их соседи 1993. С.195).

Возникающий вследствие «восточной» теории парадокс наглядно демонстрируется картой «Археологические культуры III-IV вв. и балтийские гидронимы», опубликованной в академическом издании, посвящённом балтийским языкам (Балтийские языки 2006. Карта 1). В комментарии к ней Ю.Б.Коряков пишет, отмечая притом условность соотнесений, что «инфильтрация носителей славянских диалектов на балтийские земли» начинается вскоре после показанного на карте времени (Балтийские языки 2006. С.220). Но, как бы то ни было, на самой карте почти весь археологический «славянский» (по версии автора карты) ареал оказывается, вследствие приятия выводов «восточной» теории, в зоне балтийской гидронимии. Причём киевская культура попадает подавляющей частью в зону несомненно балтийской гидронимии. При однозначном отнесении пшеворской и черняховской к разряду «других культур» (неславянских и небалтийских) возникает определённый диссонанс с излагаемым на страницах самого тома В.Н.Топоровым. Славянство на протяжении первой тысячи лет своей уже особой истории (Балтийские языки 2006. С.34) не находит реального места вне балтийского ареала – разве что в редконаселённых областях Полесья или в бассейне Сейма, что скорее противоречит выводам славянского языкознания (ср.: Славянские языки 2005. С.14-15).

мент при рождении славянства, так и особенно «италийская» миграция. Ведь если древнейшие славяне – «милоградцы», то их происхождение восходит к единственному и по преимуществу балтославянскому источнику. То же самое с ещё большей убежденностью можно сказать и об остальных предполагавшихся балтославянских предшественниках зарубинецкой или киевской культур, выбор каковых невелик.

Во-вторых, что существеннее и очевиднее, остаётся без объяснений раннее диалектное разделение славянства на две ветви. Оно подразумевает широкое расселение – никак не в пределах сравнительно небольшого ареала киевской культуры. Следует учитывать и то, что западные диалекты – прямые предки западнославянских языков.

В-третьих, лишь с большой натяжкой можно объяснить пласт западногерманских и общегерманских языковых влияний в славянском. Зарубинецкая культура не содержит настолько очевидного германского элемента, какой прослеживается в пшеворской, и явно удалена от германской прародины. Попытки прямо связать зарубинецкую культуру с германским племенем бастарнов не находят никаких подтверждений в говорящих о нём письменных источниках. Бастарны надёжно отождествляются с культурой Поянешты-Лукашевка – в полном согласии со сведениями античных авторов.

В-четвёртых, совершенно необъяснимыми остаются славянские заимствования в древнем западногерманском, причём отмеченные у никак не контактировавших с зарубинецкой культурой англосаксов. Эта проблема остаётся в силе даже при положительном решении предыдущей.

В-пятых, постоянное пребывание славян на Днестре делает невероятным вполне доказанное ирано-фракийское происхождение самого названия «Днепр». Если славяне были потомками первых индоевропейских жителей Поднепровья, то могли заимствовать название своей главной речной артерии разве что из забытого туземного языка. Но не у южных соседей. В противном случае придётся допустить, что на какое-то время они долину Днестра покидали – но этого как раз «восточная» теория не допускает. Заметим, что аналогичное происхождение название «Днестр» ставило под удар и первый вариант «восточной» теории.

Наконец, все данные о зарождении праславянского языка в сумме позволяют достаточно чётко разместить место этого зарождения на карте. Оно должно соседствовать в первой половине I тысячелетия до н.э. с областями германских, венето-иллирийских (или венето-италийских) и западнобалтийских прусских племён. Ни один регион Поднепровья этим условиям не соответствует. Из источников зарубинецкой культуры такому помещению соответствуют только подклёшевая и далее поморская. А они имели продолжение отнюдь не только на востоке, но и на западе – в рамках пшеворской культуры.

Более того, возведение всех славянских племён раннего средневековья к киевской культуре противоречит и археологическому материалу. Возведение пражской культуры к киевской маловероятно. В суковско-дзедзицких древностях на территории Польши «киевское» влияние не прослеживается. Да и вообще, способные породить западное славянство в целом миграции земледельческих племён с востока на запад за весь интересующий нас отрезок времени археологически не заметны.

Лишь отчасти разрешает проблему открытие предположительно «протопражских» памятников предположительно же III-IV вв. в Припятском Полесье. Славянская принадлежность их и участие в сложении славянских культур раннего средневековья не исключены. Однако считать эти немногочисленные и пока недостаточно исследованные памятники единственным источником пражско-корчакской культуры едва ли можно с уверенностью. Связь же их с суковско-дзедзицкими древностями не прослеживается также. В любом случае, на историю славянства за пределами I тысячелетия н.э., на исконные связи его с западными балтами и германцами эти памятники света

тоже не проливают. Исследования их родословной только вновь приводят нас к проблеме зарубинецкой культуры – и её соотношения с более ранними, как на западе, так и на востоке.

Обратимся к внешне наиболее прочной генетической аргументации, упомянутой выше. Действительно, «родоначальники» северных славян проживали, судя по всему, в Среднем Поднепровье. Но это «родоначальники» также и балтов. Среднеднепровская культура бронзового века давно истолкована как древнейшая балтославянская. Надо иметь в виду и поглощение славянами других балтославянских племён в древности и раннем средневековье. Немалая часть восточных (и южных) славян, несомненно, – потомки древнего населения Среднего Поднепровья, независимо от конкретного диалекта, на котором это население говорило. Таким образом, генетические исследования указывают нам на общую прародину балтославян (а по некоторым истолкованиям – даже индоевропейцев в целом, по меньшей мере европейских).

Итак, приходится отклонить «восточную» теорию. Она оставляет практически без объяснения генезис древнейших славян в I тысячелетии до н.э. и происхождение славян западных. Сильной стороной её является логичное объяснение славяно-иранским языковым схождениям. Но эта сильная сторона слишком перевешивается другими, неучтёнными фактами. Значит, указанным схождениям надо искать иное объяснение.

«Западно-восточная» теория разрешает все перечисленные выше затруднения «восточной». Слияние «иллирославян» и балтославян на заре истории славянства оказывается тождественно слиянию лужицкой и поморской культур либо рождению самой поморской культуры под влиянием лужицкой. Итальяское воздействие находит археологические параллели как в тех же лужицко-поморских связях, так и в появлении на севере Европы культуры лицевых урн с корнями в Италии. Все эти факты вполне объясняют именование славян венедами. Нечего и говорить, что история поморской и подклёшевой культур блестяще укладывается в хронологию первоначальных этапов праславянского языка. Разделение славян на две ветви оказывается следствием движения подклёшевых, а затем пшеворских племён на восток, их участия в рождении зарубинецкой и черняховской культур. Это объясняет и факт заимствования речных названий «Днестр» и «Днепр». Западногерманские языковые контакты, как уже говорилось, в точности соответствуют фактам истории германо-славянской пшеворской археологической культуры.

Стоит заметить, что, помещая первоначальную прародину в Южной Прибалтике и Повисленье, «западно-восточная» теория вместе с тем не исключает и языкового сродства славян с иранцами. Во-первых, данное сродство восходит ещё к балтославянской группе диалектов, пограничной между древнеевропейской и арийской группами. Во-вторых, отдельные небольшие общины выселенцев с востока или юга, не обязательно балтославян, вполне могли принять участие в становлении первоначального славянства. Сложная история рождения и перемещений племён лужицкой культуры вполне допускает такую возможность. Эти варианты ввиду сравнительно небольшого числа достоверных изоглоссов и их общеславянского характера наиболее вероятны. Но «западно-восточная» теория допускает и растворение в славянстве восточного балтославянского населения со своим языком, со своими диалектными чертами.

Что же касается киевской культуры, то обращение к раннесредневековым письменным источникам убеждает в балтийском языке какой-то части её создателей. На рубеже V/VI вв. в лесостепи к востоку от Днепра кочевые племена соседствовали с «эстиями» – то есть с очевидными для германцев сородичами пруссов. Вплоть до IX в. включительно «остами», «эстами» («восточными») в представлениях германцев являлись именно балты. Заднепровскими «эстиями» Иордана могут быть только племена

сменившей киевскую колочинской культуры, которая и в самом деле весьма близка «балтийским» тушемлинской и мощинской. Славянская принадлежность колочинской и тем более тушемлинской культур, иногда допускаемая, ещё более проблематична. О балтах в Поднепровье и Подесенье в зарубинецкий ещё период свидетельствует и Птолемей. Он помещает наряду со ставанами в восточноевропейской лесостепи судинов (средневековые судовы, они же ятвяги) и галиндов (голядь). Всё это лишний раз указывает на разноплеменное балтославянское происхождение зарубинецкой культуры. Значительная часть территории киевской культуры, в отличие от вроде бы «протопражского» Припятского Полесья, попадает в зону несомненно балтийской гидронимии.

В то же время следует понимать одно обстоятельство. Балтославянская общность распалась не на балтов и славян. Разделение периферийно-балтийских и славянских языков относится к более позднему времени, чем отделение их общих предков от срединно-балтийских. Восточные и западные периферийно-балтийские племена, строго говоря, не являлись «балтами» в том смысле, в каком ими являлись летто-литовцы. Во многом они продолжали оставаться балтославянами, а их языки – занимать промежуточное положение между срединно-балтийскими и славянскими. Причём генетически языки эти ближе именно славянским. С учётом же первоначального сохранения «балтоидности» и в славянском становится ясно, почему столь сложно разграничить славян и «балтов» Восточной Европы. Близкие между собой племена легко смешивались друг с другом, принимали участие в сложении культуры соседей. Это относится, кстати, не только к галиндам и судовам, но и к пруссам. Даже «балтийский» компонент таких археологических культур, как зарубинецкая и киевская, а позднее тушемлинская, колочинская, мощинская – по сути может смело определяться как балтославянский. Определение всех восточноевропейских балтославянских племён как «балтов» при любом решении вопроса отдаёт условностью.

Другое дело, что все балтийские языки, в отличие от праславянского, являлись более-менее прямым продолжением балтославянского, вне слияния с «иллирославянским» элементом. Об этом можно судить и по сохранению в них древних, отсутствующих в славянских, сходжений с германскими, и по близости балтийской и балтославянской гидронимики⁴². Но надо помнить и то, что восточные периферийно-балтийские племена наподобие голяди исторически не имеют прямого отношения к современным балтам. Будучи родственны и им, и славянам языком, физически они являются предками немалой части именно современных славян. Подавляющая часть «балтов» была поглощена славянами в процессе их расселения, и лишь немногие племена у Балтийского моря сохранили прежний язык. Эта малая часть на крайнем северо-западе и стала предками литовцев, латышей, а также пруссов. Остальные полностью ославянились и влились в состав белорусского, отчасти русского, украинского и польского народов. Эти современные славянские народы и являются подлинными наследниками как своих прямых предков – древних славян, так и древних «эстиев» Восточной Европы. С такой

---

⁴² Любопытны ситуации с названиями Двины и Десны. В них видят как чисто славянские образования, так и балтийские заимствования. *Desna может почти с равной долей уверенности определяться как славянское и балтийское название (ЭССЯ. Вып. 4. С.219 – балтийская этимология предпочитается). Но в любом случае, название восходит ещё к балтославянским временам, а точнее – к первым индоевропейцам в Восточной Европе, двигавшимся от степной полосы вверх по Днепру на север. Только так Десна, левый приток Днепра, оказывалась «правой» рекой. «Двина» – древнее индоевропейское название, воспринятое славянами, возможно, от балтов (Фасмер 1986. Т. I. С.488). Но оно как минимум переосмыслено или на свой лад «переведено» славянами (ср. восточнославянское слово *dъ(v)ina – ЭССЯ. Вып. 5. С.189). Отсутствие специфически славянской гидронимии, сопоставимой хронологически и географически с «периферийно-балтийской» (по сути же балтославянской) отмечалось в науке. Стоит ещё раз отметить слой «балтоидной» гидронимии в Поморье (см.: Балтийские языки 2006. С.17-18, 20).

точки зрения древние «балты», основными потомками которых являются славянские народы, тоже могут в известном смысле претендовать на определение «праславяне».

Алексеев Сергей Викторович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

А.А. ИНКОВ
ВСЕВОЛОД ОЛЬГОВИЧ –
ПОСЛЕДНИЙ ОБЪЕДИНИТЕЛЬ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В конце первой трети XII в. русские земли вступают в период удельной (феодальной) раздробленности. В политической истории страны это время характеризуется резким усилением центробежных тенденций. На месте относительно единого в прошлом Древнерусского государства образуется около десятка крупных княжений-уделов, которые в свою очередь постепенно также начинают дробиться на более мелкие волости. Правившие в отдельных землях князья в проведении своей внешней и внутренней политики все больше ориентируются на защиту своих областных интересов, стремятся ослабить свою зависимость от Киева, а по возможности и полностью освободиться из-под его власти. Падает авторитет и значение великого киевского князя. Хотя киевский князь по-прежнему номинально считается «старейшим» из князей, сохраняя в своих руках большое количество общерусских функций, теперь он всего лишь не более чем первый среди равных из русских владетелей. С началом удельной раздробленности значительно обостряются междоусобные отношения. Рост численности князей правящей династии Рюриковичей приводит к выделению из ее состава самостоятельных генеалогических линий – Мономашичей, Святославичей, Ростиславичей, Рогволодовичей, Мстиславичей и др. Стремясь к укреплению своей позиции, отдельные ветви владетельного рода на протяжении всего домонгольского времени ведут между собой войны за власть и политическое преобладание в русских землях.

Однако, несмотря на усиление процессов децентрализации, на Руси в это время продолжали сохранять свою роль и объединительные тенденции. Воспоминания о блеске и могуществе Киевской Руси были настолько свежи среди князей, что некоторые из них стремились вновь воссоздать единство русских земель, но только уже под своей властью. В 1140-е гг. с подобной широкой программой объединения страны выступил черниговский князь Всеволод Ольгович.

Всеволод Ольгович родился в семье печально известного князя Олега Святославича, который при своей жизни так нещадно истерзал русские земли усобицами, что спустя девяносто лет после его смерти безымянный автор «Слова о полку Игореве» переделал его отчество из Святославича в Гориславича¹. Дед Всеволода Святослав Ярославич был третьим сыном знаменитого киевского князя Ярослава Мудрого. При разделе Древнерусского государства по «ряду» (завещанию) Ярослава в 1054 г. Святослав как второй из оставшихся на тот момент пяти сыновей киевского князя (наследник Ярослава Владимир умер за несколько лет до смерти отца) получил в княжение третий в иерархии русских городов Чернигов. В состав его удела вошли также земля вятичей, Рязанско-Муромский край и Тмутаракань. Киев и Новгород достались старшему брату Святослава Изяславу, который в итоге после смерти своего отца Ярослава и стал новым великим киевским князем. Третий из старших сыновей Ярослава Всеволод получил в княжение Переяславль. Двум младшим сыновьям Вячеславу и Игорю достались Владимир-Волынский и Смоленск. При этом в соответствии с принятыми в древнерусском обществе нормами родовых отношений, согласно которым в сложном ряду, состоящем из братьев с их семействами (то есть из дядей и племянников), первое, властное поколение состоит только из трех наследников – трех старших братьев, а остальные младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваясь к племянникам², младшие Ярославичи были исключены из наследования великокняжеского стола.

¹ Слово о полку Игореве М., 1978. С. 63.

² Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М., 1989. С. 11.

Поступая в соответствии с завещанием отца, трое старших Ярославичей составили между собой союз, чтобы совместными силами хранить единство русских земель. Хотя в этом своеобразном «триумvirате» формальное главенство принадлежало киевскому князю Изяславу Ярославичу, Святослав заметно превосходил своих братьев военными и иными дарованиями. В 1068 г. черниговский князь сыграл выдающуюся роль в отражении вторжения половецкого хана Шарукана на Русь. После того, как в первом сражении войска братьев были разбиты половцами и Изяслав бежал из охваченного восстанием Киева в Польшу, а Всеволод в Курск, он один не побоялся снова выступить против кочевников и нанес им сокрушительное поражение³.

Со временем в характере Святослава все чаще стали проявляться нетерпение, коварство, склонность к интригам, которые впоследствии передались его сыну Олегу Святославичу, отцу Всеволода, а через него унаследованы и его не менее знаменитым внуком. После половецкого нашествия Святослав, по-видимому, все больше тяготился своим подчиненным положением по отношению к своему бездарному старшему брату Изяславу. В 1073 г., по словам летописца, он «возжелал большей власти» и при поддержке Всеволода изгнал Изяслава из Киева, сев вместо него на великом княжении. По примеру своего отца Ярослава Мудрого, Святослав стремился единолично управлять русскими землями, посадив на столы в наиболее значимых уделах своих многочисленных сыновей⁴. Княжение Святослава оказалось, однако, недолгим. После его смерти в 1076 г. в соответствии с принятым в роду Рюриковичей лестничным порядком наследования власти, великим киевским князем стал Всеволод Ярославич. В следующем 1077 г. Всеволод передал великое княжение вернувшемуся из изгнания Изяславу Ярославичу. Братья разделили между собой многочисленные владения умершего Святослава, позабыв при этом достойно наделить уделами его сыновей. Лишившись удела в богатом Владимире-Волынском, отнятом у него дядей Изяславом Ярославичем, Олег Святославич (к этому времени старший из Святославичей Глеб, княживший в Новгороде, был убит) обратился к Всеволоду Ярославичу, севшему на княжение в Чернигове, с просьбой о выделении ему нового удела. Однако вместо этого Всеволод и его сын Владимир Мономах угостили его обедом⁵. Не стерпев такой обиды, Олег бежал в Тмутаракань, где в это время княжил его брат Роман. Заключив здесь военный союз с кочевавшими в южнорусских степях половцами, в следующем 1078 г. Олег вместе с присоединившимся к нему еще одним изгоем Борисом, сыном смоленского князя Вячеслава Ярославича, «поидоша на Всеволода к Чернигову». В битве на р. Сожице (приток Сулы) двоюродные братья разбили наспех собранное против них войско черниговского князя и овладели Черниговом. Половцы же, по словам летописца, «земли Русей много зла сотворивше»⁶.

Разбитый на Сожице Всеволод бросился в Киев искать помощи у старшего брата Изяслава. Объединенные дружины старших Ярославичей выступили к Чернигову. «Мнящееся», после недавней победы, что они «одолевши» Всеволода, Олег и Борис были застигнуты врасплох и бежали. Вскоре собрав кое-как воинов в пограничных землях, они двинулись на выручку осажденному Ярославичами Чернигову. 3 октября 1078 г. дядья и племянники сошлись в сражении на Нежатиной ниве. Отличавшаяся невиданным кровопролитием эта битва закончилась сокрушительным поражением князей-изгоев. Оба возглавлявших войска противников предводителя Борис и Изяслав погибли

---

³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2000. Стб. 161.

⁴ В Новгороде правил старший сын Святослава Глеб, Тмутаракани – Роман, Владимире-Волынском – Олег, Смоленске – Давид, Муроме – Ярослав.

⁵ Поучение Владимира Мономаха своим детям // Повести Древней Руси. М., 2002. С. 244.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 191.

в бою. Чудом избежавший смерти, Олег с небольшим числом сторонников ушел в Тмутаракань⁷.

В следующем 1079 г. Святославичи вновь наняли в степях половцев и продолжили борьбу за отчины. На этот раз попытать счастья против ставшего после смерти Изяслава киевским князем Всеволода решил брат Олега Роман, а сам Олег остался на княжении в Тмутаракани. Встретив противников на границе Руси, Всеволод благоразумно уклонился от битвы и, завязав за спиной Романа переговоры с половецкими ханами, уговорил их прервать поход. Повернув обратно, половцы убили по дороге в родные степи Романа и бросили его тело в степи⁸. Не повезло и Олегу: подкупленные, Всеволодом тмутараканцы арестовали его и отослали морем в Константинополь⁹ под надзор византийских властей.

В Византии Олег провел долгих четыре года. В 1079 или 1080 г. он оказался замешан в мятеже придворной гвардии, состоявшей из русов и варягов, против императора Никифора III Вотаниата. Мятеж был подавлен, после чего зачинщиков, по приказу императора, разослали по дальним крепостям¹⁰. Олега отправили на Родос, где он провел последующие два года.

С этого времени судьба, однако, стала благоволить изгнаннику. В 1081 г. Никифор Вотаниат был свергнут военачальником Алексеем Комнином. Положение Византийской империи в это время было отчаянным. Со всех сторон ее владениям угрожали враги. Стремившийся к возрождению византийской армии и флота Алексей Комнин остро нуждался не только в средствах на ее содержание, но и массовом производстве самого грозного византийского оружия – «греческого огня», основным компонентом которого была нефть. Поскольку доступные империи нефтеносные источники находились на Таманском полуострове, при византийском дворе сложился план организации похода с целью захвата Тмутаракани. Здесь-то в окружении Алексея Комнина и вспомнили о находившемся в ссылке на Родосе бывшем тмутараканском князе. Олег был возвращен в столицу, где, по-видимому, Алексей обратился к нему с предложением – подарить свободу и оказать военную помощь в овладении тмутараканским столом, в обмен на признание того вассалом империи и бесперебойное снабжение Константинополя нефтью¹¹. По-видимому, Олег легко принял это предложение, поскольку выбирать ему все равно было не из чего. С тем чтобы придать прочность союзу между императором и опальным русским князем, заключенная сделка была скреплена женитьбой Олега на родственнице Алексея Комнина Феофано из рода Музалон¹². Очевидно, от этого брака в середине 1080-х – начале 1090-х гг. и родился Всеволод Ольгович. Помимо Всеволода (после смерти Феофано в 1097 г. Олег повторно женился на дочери половецкого хана Аепы) у Олега родились также еще три сына Игорь, Святослав и Глеб.

В 1083 г. Олег при поддержке византийских войск без боя овладел Тмутараканью. Княжившие в это время в городе князья-изгои Давид Игоревич и Володарь Ростиславич были взяты им в плен и отпущены на Русь с миром. Тмутараканцев же, участвовавших в его высылке в 1079 г. в Византию, Олег приказал «изсече»¹³.

В течение последующих десяти лет Олег мирно правил тмутараканской волостью в качестве наместника византийского императора. Власть его над городом, очевидно, была признана киевским князем Всеволодом, так как последний не сделал в те-

---

⁷ Там же. Стб. 193.

⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 196.

⁹ Там же.

¹⁰ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 345-354.

¹¹ Там же. С. 290 – 291.

¹² Цветков С. Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц 1054 – 1212. М., 2009. С. 97.

¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 196.

чение всего периода княжения своего племянника в нем никаких попыток отобрать захваченный удел обратно. Возможно, это было сделано на условии отказа «Гориславича» от борьбы за вотчину своего отца – Чернигов. Пока был жив Всеволод Ярославич, Олег сохранял негласное перемирие с киевским князем. Тем не менее, он не терял надежды вернуться на Русь.

Случай такой представился уже после смерти Всеволода Ярославича. В 1093 г. русские князья Святополк Изяславич Киевский и Владимир Мономах потерпели страшное поражение от половцев в битве на р. Стугне. Этой неудачей и решил воспользоваться Олег для начала нового раунда борьбы за отвоевание наследства своего отца. В 1094 г. он заключил союз с половцами и двинулся из Тмутаракани на Русь. Сидевший на княжении в Чернигове давний противник Олега Владимир Мономах был ослаблен недавней войной с половцами и не смог оказать ему организованного сопротивления. По договору, заключенному между князьями, Олег согласился беспрепятственно пропустить Владимира из осажденного Чернигова в Переяславль, а тот уступил черниговский стол тмутараканскому князю¹⁴. Однако это не прекратило борьбы между ним и Олегом. После ряда военных столкновений, в 1097 г. наиболее влиятельными князьями на съезде в Любече был принят принцип династического разделения Русской земли между различными княжескими ветвями при соблюдении ее единства перед лицом внешней опасности¹⁵. По этому решению Черниговское княжество и его восточная окраина – рязанско-муромские земли были признаны вотчиной Святославичей. Однако сам Олег Святославич не смог сохранить в своих руках управление Черниговом и вынужден был разделить власть со своим безвольным и во всем покорным Святополку и Владимиру Мономаху старшим братом Давидом, изгнанным незадолго перед тем противниками Святославичей из Смоленска. Позже Давид и Олег, по-видимому, уже сами разделили между собой черниговские земли: Курское Посемье и Новгород-Северский, бывший вторым по значимости городом Черниговского княжества отошли во владение Олега Святославича, а Чернигов и остальная часть княжества остались в руках Давида.

В этой обстановке непрерывных усобиц, постоянных перемещений отца с одного княжеского стола на другой, превратностей судьбы, то возносившей Олега на вершину власти, то низвергавшей его вниз, и прошло детство и юношество Всеволода Ольговича. После Любечского съезда 1097 г. Олег Святославич предпочитал больше не участвовать в продолжавшейся борьбе различных княжеских группировок за власть. Давала о себе знать приближающаяся старость, к тому же продолжать борьбу со своим противником Владимиром Мономахом у него просто не доставало ресурсов. Олег сосредоточился на благоустройстве своего удела, хотя и продолжал играть значительную роль в политической истории Руси. Благодаря его усилиям был создан условия для будущего экономического и политического подъема северских земель, вызвавшего восхищение и удивление летописцев середины XII в.

В старости Олегу Святославичу пришлось еще раз столкнуться с несправедливостью. В 1113 г. со смертью киевского князя Святополка Изяславича между отдельными представителями Рюрикова дома вновь обострилась борьба за великокняжеский стол. Основным претендентом на великое княжение выступил наиболее влиятельный и популярный среди населения переяславский князь Владимир Мономах. Однако по сравнению с ним Олег имел важное преимущество, поскольку был старше возрастом. Это означало, что он должен был занять великокняжеский стол прежде Владимира. Однако киевляне о «Гориславиче» не хотели и слышать, опасаясь, что он вновь будет как

---

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 217.

¹⁵ Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. М., 1975. С. 78.

прежде наводить на Русь половцев. В итоге, новым киевским князем стал Владимир Мономах.

В последние годы своей жизни Олег Святославич часто болел. Черниговские и северские дружины в бой все чаще теперь водил его старший сын Всеволод. Впервые сын Олега Святославича упоминается в Лаврентьевской летописи среди участников знаменитого похода русских князей против половцев на Северский Донец в 1111 г. Совершив по заснеженным степям 500-километровый бросок, возглавляемое киевским князем Святополком и переяславским князем Владимиром Мономахом объединенное русское войско вышло в центр половецких кочевий и захватило две ханские ставки Шарукан и Сугров. На обратном пути, отягощенные добычей и пленными, княжеские полки были перехвачены половецкими войсками. В двух сражениях князя одолели противника и благополучно вернулись на Русь.

После смерти в 1115 г. своего отца Олега Святославича Всеволод, по-видимому, без каких-либо трудностей наследовал его удел. Однако как и остальные черниговские князья он вынужден был признать себя вассалом великого киевского князя. В 1116 г., очевидно, по приказу киевского князя Владимира Мономаха, Всеволод вместе с братом Святославом и другими удельными властителями ходил походом против отказавшегося повиноваться Киеву полоцкого князя Глеба Всеславича¹⁶. В том же году вместе с сыном Владимира Мономаха Ярополком Всеволод принял участие в новом походе против половцев на Северский Донец. Дойдя до Донца, князья взяли три половецких городка Шарукань Сугоров и Балин и заставили основные силы половцев бежать в глубь степи¹⁷.

Следует отметить, что ни половцы, ни усобицы в это время не угрожали черниговским землям. Поэтому в литературе сложилось мнение, что участие Всеволода Ольговича в походах Мономашичей было вынужденным. Новгород-северский князь действовал по приказу киевского князя, вассалом которого он считался. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что активное участие в общерусских мероприятиях, организованных великими киевскими князьями, объективно укрепляло позиции северского князя в русских землях. Положение Ольговичей между тем оставалось сложным. Владея за несколько десятилетий до этого при основателе Черниговского княжества Святославе Ярославиче едва ли не половиной русских земель – Черниговом, Новгородом (1068 – 1077), Владимиром-Волынским (1073 - 1077), Тмутараканью, Белоозером (1071 – 1076.), Ростово-Суздальским краем (1071 – 1077), Смоленском (1073 – 1096), – к началу XII в. они лишились всех владений, за исключением главной своей вотчины Чернигова. При этом если во второй половине XI в. Чернигов был вторым после Киева в иерархии русских городов, то теперь он вынужден был откатиться на третье место, пропустив вперед себя Переяславль¹⁸, выдвинувшийся благодаря выдающейся роли, сыгранной его князьями в борьбе с половцами. Но хуже всего было то, после неудачи Олега Святославича с занятием Киева по смерти Святополка Изяславича, черниговские князья оказались полностью оттеснены от великокняжеского стола младшими по отношению к ним Мономашичами, что свидетельствовало об утрате ими своих ведущих позиций в русских землях.

В этих условиях возглавившему после смерти своего отца Ольговичей Всеволоду было над чем призадуматься. Как и его отец, Олег Святославич, молодой северский князь мечтал вернуть Чернигову его былое значение, а своему роду прежнее положение среди других княжеских линий. Но как это сделать он не знал. После 1116 г. его имя

---

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 282.

¹⁷ Там же. Стб. 284.

¹⁸ Янин В.Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М., 1960. Т. XVI. С. 121-122.

почти на десять лет исчезает со страниц летописей. Возможно, в поисках средств для реализации своих честолюбивых планов Всеволод вынужден был на время покинуть Русь и уехать в прежнюю вотчину своего отца – Тмутаракань¹⁹.

Тем временем, заняв Киев в обход Святославичей, Владимир Мономах стремился еще больше укрепить свои позиции в русских землях. В период своего княжения он последовательно проводил политику по объединению русских земель. После ряда организованных им успешных походов в степь были разгромлены угрожавшие русским землям половцы. Одновременно Мономах железной рукой смирлял мятежи князей, не желавших признавать свою зависимость от Киева. К концу жизни переяславскому князю удалось объединить под своей власти практически все русские земли, за исключением Полоцкого княжества, воссоздав, таким образом, единство распавшейся к концу XI в. державы своего знаменитого деда Ярослава Мудрого.

Пытаясь укрепить Древнерусское государство, Владимир Мономах не забывал и о личных интересах. Кроме самого Мономаха, сидевшего в Киеве, его сыновья и внуки занимали большинство крупных уделов: Смоленск, Новгород, Переяславль, Владимир-Волынский, Туров, Ростово-Суздальскую землю. Такая концентрация власти в руках одного княжеского рода являлась залогом политической стабильности страны, лояльности отдельных земель Киеву. С другой стороны, это позволяло Мономаху легко отразить претензии на великокняжеский стол других князей. Впрочем, таковых в рассматриваемый период фактически уже не оставалось. Законные претенденты, какими считались Святополковичи, представители старшей ветви сыновей Ярослава Мудрого, к началу XII в. фактически сошли с исторической сцены, владели мелкими окраинными уделами и, больше не помышляя о Киеве²⁰. Полоцкие князья Всеславичи и галицкие Ростиславичи были вычеркнуты из наследников великокняжеского стола еще при Ярославе Мудром и не могли претендовать на Киев²¹. Черниговские же Святославичи с трудом удерживались даже в собственном Чернигове и, с точки зрения Мономаха не являлись серьезными конкурентами ему и его потомству в борьбе за великое княжение.

В этих условиях Мономах стремился окончательно оттеснить старшие ветви Рюриковичей (на тот момент Святополковичей и Святославичей) от наследования великокняжеского стола и сделать Киев наследственной отчиной своего потомства, закрепив за последним династическую привилегию на владение великокняжеским столом²². Поскольку существовала опасность, что в будущем усобицы за власть могли начаться уже среди самих Мономашичей, Владимир, по-видимому, предполагал ограничить круг наследников Киева только своими старшими сыновьями Мстиславом и Ярополком, а после смерти последнего (Ярополк был бездетен) – потомством Мстислава²³. Остальные же сыновья Мономаха и их дети должны были удовольствоваться уже имеющимися уделами.

Созданный Владимиром Мономахом новый политический порядок игнорировал интересы других княжеских родов и потому не мог вызвать их одобрения. Особенно недовольны должны были быть черниговские князья, традиционно претендовавшие на ведущие позиции в русских землях. В случае реализации планов Мономашичей закрепить за собой монополию на владение Киевом, Ольговичи, бывшие их старше, не толь-

---

¹⁹ Тмутараканским князем Всеволода Ольговича называет, в частности, В.Н. Татищев, использовавший не дошедшие до нас летописи. В 1127 г. именно отсюда, по данным историка, Всеволод отправился в поход на Чернигов с целью изгнать из него своего дядю Ярослава Святославича. По мнению П.П. Толочко, Всеволод занимал тмутараканский стол вплоть до перехода в Чернигов (Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 119).

²⁰ Толочко П.П. Указ. соч. С. 108.

²¹ По завещанию 1054 г.

²² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X – XIII столетия. СПб., 1909. С. 68.

²³ Там же. С. 71-72.

ко исключались из наследников великокняжеского стола, но и низводились до положения второстепенных правителей, Всеволод Ольгович и его братья рассматривали происходившее не просто как ущемление своих родовых прав, но и как попытку своих противников окончательно погубить сам их род! Однако как-либо изменить ситуацию в свою пользу, пока был жив Владимир Мономах, Ольговичи не могли и мечтать.

В 1123 г. скончался черниговский князь Давид Святославич. Черниговский стол перешел к дяде Всеволода, муромскому князю Ярославу, последнему из оставшихся в живых сыновей Святослава Ярославича. Новый черниговский князь был довольно бесцветной личностью, лишенным каких-либо талантов. Всю свою жизнь он просидел в своем Муроме, не слишком удачно воюя с окружающими мордовскими племенами. Населению Чернигова Ярослав практически был неизвестен и потому не пользовался среди горожан симпатиями. Вместо того, что заботиться о возвышении Чернигова, отстаивать его интересы в отношениях с другими русскими землями, Ярослав проводил политику по дальнейшему подчинению черниговских земель Киеву. Этими своими действиями он быстро настроил против себя своих новых подданных, а вскоре произошли события, которые окончательно дискредитировали муромского князя и в глазах его племянников Ольговичей и Давидовичей.

В 1125 г. умер великий князь Владимир Мономах. Новым киевским князем стал его старший сын Мстислав. Несмотря на то, что он не был «старшим» из русских князей, никаких преград к занятию великокняжеского стола он не встретил. Единственным, кто мог оспорить права Мстислава на великое княжение был все тот же муромский князь Ярослав. Он был значительно старше Мстислава по возрасту и к тому же его отец Святослав Ярославич был киевским князем в 1073 – 1076 гг., что обеспечивало Ярославу формально законные права на занятие великокняжеского стола. По-видимому, Всеволод Ольгович надеялся, что его дядя так и поступит. Однако вскоре выяснилось, что Ярослава больше занимал вопрос не о соблюдении своих законных прав на киевский стол, а о том, чтобы его не выгнали из Чернигова его же собственные подданные! Он не только согласился уступить Мстиславу великое княжение, но и поспешил заключить с ним договор, по которому тот гарантировал ему помощь в сохранении черниговского стола. От кого должен был защищать Ярослава киевский князь, источники не сообщают, но не исключено, что это был Всеволод Ольгович, который к этому времени сам стал претендовать на власть в черниговских землях.

Решив, видимо, что своим отказом от борьбы за Киев Ярослав окончательно лишился прав на «старейшинство» в роду черниговских князей, в 1127 г. Всеволод Ольгович неожиданным ударом захватил Чернигов, перебил и разграбил Ярославову дружину и захватил в плен своего дядю Ярослава²⁴. По-видимому, поддержку в свержении Ярослава новгород-северскому князю оказала черниговская городская община, которая давно тяготилась прокиевской ориентацией своего князя и стремилась заменить его на черниговском столе более сильным и энергичным племянником. Захват власти Всеволодом признали также его родные братья Ольговичи и двоюродные Давидовичи, хотя последние были старше и имели больше прав на черниговский стол.

Не имея сил бороться со своим племянником, Ярослав заключил мир с ним и, признав черниговским князем, был отпущен в Муром. Вскоре, однако, он пожалел, что так легко уступил черниговский стол и обратился с жалобой на племянника к великому киевскому князю Мстиславу. Хотя Всеволод Ольгович приходился ему зятем, во исполнение крестной клятвы, данной им Ярославу, Мстислав обратился к Ольговичу с требованием вернуть Чернигов дяде. Не добившись успеха, Мстислав пригрозил Всеволоду войной. В ответ Всеволод обратился за помощью к давним союзникам своего

---

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 296; ПСРЛ. Т. II. Стб. 290.

отца половцам. Собрав семь тысяч воинов, кочевники во главе с ханами Селуком и Всташем подошли к границе Руси. Встав лагерем за рекой Вырем (приток Сейма), половцы отправили в Чернигов гонцов с известием о своем прибытии. По дороге к Всеволоду половецкие послы попали в руки переяславского князя Ярополка, брата Мстислава Владимировича и были препровождены им в Киев. Не дождавшись от Всеволода никаких известий, половцы ушли обратно в степь²⁵.

Оставшись без союзников, Всеволод обратился к Мстиславу с предложением мира, прося оставить ему черниговский стол. Используя захваченную казну своего дяди, он подкупил наиболее влиятельных советников киевского князя, и тем удалось уговорить последнего отказаться от похода на Чернигов. По заключенному между князьями мирному договору, Мстислав отдал черниговский стол Всеволоду, а тот подтвердил прежние вассальные обязательства Чернигова по отношению к Киеву. Кроме того, в обмен за свое признание черниговским князем, Всеволод вынужден был отдать киевскому князю Курск с Посемьем²⁶. Ярославу же пришлось ни с чем вернуться в свой прежний удел – Муром.

Овладение черниговским столом в нарушение родового старейшинства дорого обошлось Всеволоду Ольговичу. С переходом Курска и земель вдоль Сейма в руки Мономашичей, от Черниговского княжества была отторгнута значительная часть его южной и юго-восточной окраины. К тому же это была одна из «вотчин» отца Всеволода Олега Святославича, полученная им после Любечского съезда 1097 г., вследствие чего утрата родительского наследства сама по себе должна была стать для его сыновей тяжелым ударом. Существенные территориальные потери черниговские князья понесли и на востоке. После бесславного возвращения дяди Всеволода Ярослава в Муром, его потомки стали считаться изгоями в роду Святославичей, вследствие чего рязанско-муромские земли выделились в особое владение независимое от Чернигова²⁷. В результате, Всеволод Ольгович не только не добился укрепления независимости Чернигова, но и фактически оказался в еще большей зависимости от Киева, чем его дядя Ярослав.

В 1129 г. как вассал киевского князя Всеволод принял участие в конфликте Мстислава Владимировича с полоцкими князьями, отказавшимися участвовать в продолжавшихся войнах Руси с половцами. Объединенное киево-черниговское войско во главе с Мстиславом и Всеволодом вторглось в Полоцкое княжество и захватило его столицу. В 1131 г. мятежные полоцкие князья, продолжавшие бунтовать против великого князя, были схвачены и отправлены в изгнание: каждого из них посадили вместе с женами и детьми в отдельную ладью и отправили вниз по Днепру в далекую Византию²⁸. Очевидно, эта демонстративная расправа над мятежниками оказала какое-то влияние и на Всеволода Ольговича, который в течение княжения Мстислава не предпринимал никаких попыток выступить против великого князя.

После смерти Мстислава в 1132 г. на киевский стол сел его брат Ярополк Владимирович. Свое княжение он начал с того, что попытался выполнить клятву, данную им Мстиславу позаботиться о наделении его сыновей волостями. Важнейшей частью этого договора был Переяславль – старшая вотчина Мономашичей, игравшая роль своеобразного трамплина для наследования великокняжеского стола. Выполняя обещание, Ярополк Владимирович перевел старшего из племянников Всеволода Мстиславича из Новгорода в Переяславль²⁹. Однако эта попытка посадить Всеволода в родовой отчине Мономашичей, неожиданно натолкнулась на сопротивление братьев великого

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 290-291.

²⁶ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 76.

²⁷ Цветков С.Э. Указ. соч. С. 200.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 293.

²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301; ПСРЛ. Т. II. Стб. 294 – 295.

князя Юрия и Андрея, которые опасались, что Ярополк прочит своего племянника в обход старших родичей в наследники Киева³⁰. В итоге Всеволод не сумел прокняжить в Переяславле и одного дня. Утром в воскресенье он въехал в город, а уже в обед был изгнан из него своим дядей Юрием. Сам Юрий, впрочем, также продержался на переяславском столе недолго, и через восемь дней, вынужден был покинуть его под нажимом Ярополка³¹.

Стремясь разрешить возникший кризис миром, Ярополк отправил своего племянника Всеволода обратно на княжение в Новгород и передал Переяславль второму по старшинству из сыновей Мстислава Великого полоцкому князю Изяславу Мстиславичу. Однако это решение оказалось еще более неудачным, чем прежде. Следует иметь в виду, что Изяслав княжил в Полоцке, который совсем недавно был захвачен Мономашичами и удерживался под их контролем только благодаря имевшимся в распоряжении Изяслава крупным военным силам. Изяслав, покинув Полоцк, передал контроль над ним своему младшему брату Святополку. Но тот, не имея под рукой дружины, ушедшей вместе с Мстиславом, не смог удержать город. Обидевшись на то, что Мстиславичи пренебрегли княжением в их земле, полочане изгнали Святополка и взяли себе князем представителя местной династии Василька Святославича³². В результате, Полоцк, захваченный Мстиславом в 1129 г. вновь обрел независимость от Киева. Тем временем вокняжение Изяслава Мстиславича на переяславском столе не устроило братьев Ярополка так же как, и за несколько месяцев до этого кандидатура Всеволода Мстиславича. Против Изяслава выступили не только Юрий и Андрей Владимировичи, но и другой их брат Вячеслав, княживший в Турове³³. Юрий с войсками вновь прибыл под Переяславль, намереваясь изгнать оттуда племянника.

Опасаясь, что распря в стане Мономашичей, может привести к утрате ими власти и в других землях, великий князь Ярополк резко изменил свою политику. Он вывел Изяслава из Переяславля и посадил княжить в нем следующего по старшинству за собой брата туровского князя Вячеслава Владимировича. В результате Мстиславичи лишились не только Полоцка, но и Переяславля. Чтобы смягчить недовольство племянника, Ярополк в качестве компенсации отдал ему прежние владения Вячеслава – Туров и Пинск³⁴.

Однако эти запоздалые решения великого князя уже не могли внести успокоения в Мономахово семейство. Хотя братья Ярополка Юрий и Андрей чувствовали себя вполне удовлетворенными – Переяславль остался в руках Владимировичей, и, следовательно, их племянники Мстиславичи не могли получить власть раньше своих дядьев, недовольным оказался теперь сам Вячеслав Владимирович. Просидев до этого без малого двадцать лет в полюбившемся ему Турове, Вячеслав не хотел княжить в Переяславле, хотя в иерархии княжеских столов тот был выше его прежней вотчины. В 1134 г. он покинул хлопотный для него Переяславль и попытался вернуться в Туров, но по дороге был остановлен великим князем Ярополком и нехотя повернул обратно. Прокняжив в Переяславле несколько месяцев, Вячеслав в начале 1135 г. «иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка»³⁵. Княживший в Турове племянник Вячеслава Изяслав Мстиславич без боя уступил дяде волость и уехал в Минск. На сей раз великий князь Ярополк никаких территориальных компенсаций Изяславу не дал и ограничился

³⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 2. М., 1988. С. 404; Грушевський М.С. Історія України – Руси. В 11 т. Т. 2. Київ, 1992. С. 132; Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 71; Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М., 2000. С. 67.

³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301; ПСРЛ. Т. II. Стб. 295.

³² ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

³³ Татищев В.Н. История Российская. Т.1. М., 2003. С. 385.

³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 295.

тем, что передал ему сбор дани над «печерой» в Новгородской земле и подарил часть своего личного имущества.

Все это было слабым утешением для Мстиславичей, которые видели, как их дядя со всех сторон теснит их позиции. В своих угрозах племянникам Владимировичи доходили до того, что грозились лишить их вообще всех уделов, которые они имели. Великий князь Ярополк вынужден был отказаться от поддержки Мстиславичей и фактически перешел на сторону своих братьев. Не видя другой возможности улучшить свое положение, сыновья Мстислава Великого решили сами поискать себе уделов. Собравшись в Новгороде, Изяслав, Святополк и Всеволод решили воевать ростово-суздальскую волость своего дяди Юрия³⁶. Мероприятие Мстиславичей активно поддерживали новгородцы, заинтересованные в ослаблении суздальского князя, постоянно угрожавшего их владениям.

За начавшийся конфликт в Мономаховом племени из Чернигова внимательно следил Всеволод Ольгович. До поры до времени он не вмешивался в борьбу между дядьями и племянниками, ожидая, чем кончится дело. Убедившись в том, что примирения между Владимировичами и Мстиславичами не будет, Всеволод увидел в этом благоприятную возможность вмешаться в конфликт и попытаться отбить захваченные Мономаховичами в 1127 г. свои прежние владения – Курск и Посемье. Он заключил союз с Мстиславичами, которые приходились ему свойственниками (шурьями, братьями жены), и объявил о своем намерении стоять за их «дело».

Первыми военные действия открыли Мстиславичи с новгородцами. Летом 1134 г. они отправились воевать Ростов, но дойдя до Верхней Волги выяснили, что Юрий и Ярополк заключили между собой новый договор, обменявшись владениями. После очередного ухода Вячеслава из Южной Руси в Туров, Юрий уговорил брата передать ему Переяславль, а Ярополку отдал Суздаль и Ростов и «прочую волость, но не всю»³⁷. Не желая воевать с великим князем, новгородцы вместе с Всеволодом Мстиславичем прервали поход и повернули обратно³⁸. Изяслав же и Святополк остались на Волоке, где в бездействии провели все лето и осень.

Окрыленные успехом на севере, Мономаховичи во главе с Ярополком решили нанести удар по Ольговичам на юге. Подойдя к Чернигову, они пожгли посады вокруг города, но Всеволод, ожидавший помощи от половцев уклонился от битвы, предпочитая отсидеться за крепостными стенами. Постояв в нерешительности несколько дней в окрестностях Чернигова, Мономаховичи вернулись на правый берег Днепра. Не ожидая от противника с началом зимы каких-либо ответных действий, Ярополк отказался заключить с Ольговичами перемирие и распустил воинов по домам.

Этой оплошностью киевского князя немедленно воспользовался Всеволод Ольгович. Дождавшись подхода половецких союзников и соединившись с пришедшими с Волги Изяславом и Святополком Мстиславичами, Ольговичи вторглись в Переяславское княжество и огнем и мечом прошли по его территории «воююще села и городы... и люди секуще». Союзники взяли Городок и Нежатин, сожгли Баруч и захватили огромное количество пленных и скота³⁹. Забрав добычу, Ольговичи с триумфом отступили к Чернигову.

Вскоре между воюющими сторонами завязались переговоры о мире. Ольговичи и Мстиславичи возлагали ответственность за развязывание усобицы на Владимировичей: «Вы начали есте первое нас губити» и требовали возвращения прежде отнятых у них вотчин – Курского Посемья и Переяславля: «что наш отец держал при вашем отци,

---

³⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

³⁷ Там же.

³⁸ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000. С. 23, 208.

³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 303.

того же и мы хотим». Однако борьба за вотчины, очевидно, была лишь предлогом для выступления против Ярополка. Называя в качестве причины усобицы погубление Мономаховичами их рода, Ольговичи фактически высказывали протест против всей проводившейся со времен Владимира Мономаха политики киевских князей, при которой Мономашичи стремились ограничить круг наследников великокняжеского стола лишь представителями своего рода, отстранив другие княжеские рода от управления страной. Несмотря на то, что противники выступали в своих требованиях к Ярополку единым фронтом, было ясно, что Мстиславичи примкнули к Ольговичам лишь по необходимости, не имея других союзников. Учитывая это, киевский князь предпринял попытку расколоть вражескую коалицию. Он перевел своего брата Юрия из Переяславля обратно в Суздаль и посадил на переяславский стол другого своего брата Андрея, правившего на Волыни. Владимир-Волынский же и Луцк вместе с соответствующими волостями Ярополк отдал Изяславу Мстиславичу⁴⁰. Удовлетворенный этим решением дяди, Изяслав разорвал союз с Ольговичами и перешел на сторону Ярополка. Потеряв союзника и не получив никаких выгод от предложенного мира, Ольговичи вынуждены были ни с чем вернуться в Чернигов.

Раздосадованный неудачными исходом переговоров, Всеволод Ольгович объединился с половцами и летом следующего 1135 г. снова вторгся в Переяславское княжество. Черниговцы и половцы осадили Переяславль и три дня непрерывно атаковали его стены, пытаясь ворваться в город. Вскоре стало известно о подходе на помощь осажденным наспех собранного Ярополком войска из правобережных княжеств. Прервав осаду, Ольговичи отступили на север в верховья Супоя, где решили дать противнику решительное сражение. Вскоре к Супою подошли полки Ярополка, Юрия, Вячеслава и Андрея Мономаховичей. 8 августа обе стороны выстроили свои войска и пошли друг на друга. Лучшие силы киевлян ударили против половцев Всеволода и, быстро обратив в бегство, бросились их преследовать. Тем временем, остававшиеся войска Мономаховичей атаковали Ольговичей, но без поддержки отборных дружин, сами подверглись разгрому, потеряв великокняжеское знамя. Водрузив его над полем боя Ольговичи устроили западню для киевской конницы, которая после преследования половцев, вернулась, чтобы встать под знамя великого князя, и, не разглядев обмана, оказалась прямо посреди боевых порядков черниговцев. Победители взяли в плен цвет киевского боярства во главе тысяцким, множество знатных воинов были убиты, в том числе внук Владимира Мономаха, «царевич» Василько Леонович⁴¹.

Спасшийся после разгрома на Супое, великий князь Ярополк едва убежал в Киев с «малой дружиной». Здесь он стал собирать новое войско для продолжения борьбы с Ольговичами. Несмотря на недавнее поражение, перевес в силах все еще был на стороне Мономаховичей и Всеволод Ольгович, взвесив все обстоятельства, вновь предложил Ярополку заключить мир на прежних условиях. Ответом снова был отказ. Раздосадованный неуступчивостью великого князя, Всеволод опять призвал к себе половцев и возобновил наступление против Мономаховичей.

29 декабря 1135 г. лавина половецкой конницы перешла по льду Днепр и обрушилась на территорию Киевского княжества. Ольговичи и половцы «пожгли землю всю и попленили», разграбили города Треполь, Халеп, Детинск, Красный, Василев и Белгород. Далее они прошли по окраинам Киева к Вышгороду и обстреляли из луков толпу киевлян, высыпавшую из-за любопытства на берег речки Лыбедь. Перед лицом нависшей угрозы, Ярополк стянул для защиты Киева воинов «из всех земель». Собранные им войска вполне могли померяться силами с Ольговичами. Однако на этот раз в дело вмешалась Церковь в лице митрополита Михаила, который стал уговаривать киев-

⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 303. ПСРЛ. Т. II. Стб. 297.

⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 304. ПСРЛ. Т. II. Стб. 298.

ского князя не проливать христианской крови. Послушавшись митрополита, Ярополк заключил мир с Ольговичами, дав им то, что они просили. «И тако утеша благоумный князь Ярополкъ брань ту лютую»⁴² – удовлетворенно заметил летописец.

Победа над Мономаховичами, одержанная черниговским князем Всеволодом Ольговичем в ходе долгой и упорной борьбы, коренным образом изменила расстановку сил в русских землях. Впервые со времен Владимира Мономаха, объединительная политика киевских князей, направленная на подчинение отдельных областей Киеву, завершилась полной неудачей. Ольговичам удалось не только добиться независимости своих земель, но и превратиться в силу, с которой нельзя было не считаться. Восстановив Черниговское княжество в его прежних размерах, Всеволод Ольгович стремился теперь распространить свое влияние и на другие русские земли. В том же 1136 г., ему удалось одержать новую внушительную победу, на этот раз на севере.

Несмотря на замирение Мономашичей и Ольговичей на юге Руси, между Новгородом и суздальским князем Юрием продолжались военные действия. Используя постоянно ощущавшиеся потребности Новгорода в хлебе из «низовых» русских земель, Юрий установил вокруг города экономическую блокаду, пытаясь заставить новгородцев с помощью голода пойти на уступки. Это вынудило новгородцев зимой 1134 г. организовать повторный поход в Суздальскую землю. Стремясь не допустить ослабления своего брата Юрия, на поддержку которого он рассчитывал в борьбе с Ольговичами на юге, киевский князь Ярополк направил в Новгород с мирной миссией митрополита Михаила. Прибыв в город, Михаил стал увещевать горожан оставить «злые речи» и отказаться от похода. Но «нецы злыи челоуецы возмушаху на суздальцы и ростовцы, не слушающе митрополита». Михаил, «видя их глупость», решил вернуться в Киев. Однако новгородцы, опасаясь, что он сообщит о провале своей миссии Юрию и Ярополку и тем самым даст князьям возможность подготовиться к отпору, «не пустиша его».

Оборвав с арестом Михаила всякую возможность для примирения с Мономашичами, поздней зимой 1134 г. новгородцы во главе со своим князем Всеволодом Мстиславичем выступили в Суздальскую землю. 26 января 1135 г. в лютой мороз новгородская рать столкнулась с суздальцами в битве на Ждановой горе и потерпела тяжелое поражение⁴³. Вернувшись в Новгород, разъяренные новгородцы свалили вину за разгром на своего князя Всеволода Мстиславича, предъявив ему длинный список обвинений, начиная от трусости на поле боя до небрежения интересами управляемого им Новгорода⁴⁴. Весной 1136 г. новгородское вече постановило «изгонити князя»⁴⁵. Узнав об этом, Всеволод Мстиславич решил бежать в «Немцы», но новгородцы взяли его под стражу и вместе с семьей два месяца продержали под арестом⁴⁶.

События в Новгороде положили начало новому витку борьбы между Мономашичами и Ольговичами. Вступив в переговоры с новгородцами, они стали разными посулами перетягивать их на свою сторону: Ярополк «к собе зваше новгородце, а черниговский князь [Всеволод Ольгович] к собе»⁴⁷. После некоторых колебаний новгородцы

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 299.

⁴³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 303; ПСРЛ. Т. II. Стб. 300; НПЛ. С. 23, 208.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 24, 209.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ События 1136 г. в Новгороде часто рассматриваются в исторической литературе как настоящая революция, приведшая к утверждению новой формы политического строя – республики. Более убедительной выглядит точка зрения И.Я. Фроянова, считавшего, что, изгоняя Всеволода, новгородцы действовали не против князя вообще, а против конкретного лица, нежеланного местному обществу (Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 335). Как показали последующие события, не смог Новгород освободиться и из-под власти Киева.

⁴⁷ По сообщению Новгородской первой летописи, переходу новгородцев на сторону Ольговичей предшествовала неудачная попытка Новгорода в 1135 г. выступить посредником в усобице между южными кня-

решили принять сторону Ольговичей. Летом 1136 г. по их просьбе Всеволод Ольгович прислал в Новгород своего младшего брата Святослава Ольговича. 19 июля Святослав вступил в Новгород и был провозглашен вечем новым новгородским князем⁴⁸. Арестованный новгородцами прежде Всеволод Мстиславич был отпущен к своему дяде Ярополку, который дал ему в удел Вышгород⁴⁹.

Включение Новгорода в сферу влияния Ольговичей привело к значительному укреплению позиций черниговских князей на Руси. Однако для самих новгородцев вокняжение Святослава Ольговича обернулось новыми раздорами. Несмотря на изгнание новгородцами Всеволода Мстиславича, в городе оставалось немало его сторонников. Не имея сил склонить вече к возвращению Всеволода, они попытались убить Святослава Ольговича, устроив на него засаду, но князь был лишь ранен и остался жив⁵⁰. Вызванный изгнанием Всеволода раскол в городской общине Новгорода усугублялся обострением противоречий между новгородцами и жителями «пригородов», прежде всего Пскова. Переживавший как и другие русские земли в это время период своего политического подъема Псков стремился использовать затруднения Новгорода для того, чтобы освободиться из-под его власти и обзавестись собственным князем⁵¹. Сговорившись между собой, псковичи и некоторые новгородцы из числа сторонников Мстиславичей отправили к Всеволоду в Вышгород посольство с призывом снова пойти на княжение в Новгород: «Поиди, княже, опять к нам, тебе хотят вси людие новгородцы и псковичи»⁵². Обрадованный Всеволод с разрешения великого князя Ярополка выехал в Псков с братом Святополком, и был принят там с «честью».

Вокняжение Всеволода в Пскове, привело к новому мятежу в Новгороде. Желая подчеркнуть свою приверженность Ольговичам, новгородцы разграбили дома сторонников Мстиславича, заставив многих из них бежать в Псков. Иных же обложили пенями, а вырученные деньги ссудили купцам «крутиться» на войну с псковичами⁵³. Одновременно, собрав множество воинов среди новгородцев и призвав на помощь из Чернигова своего брата Глеба вместе с курскими полками и половцами⁵⁴, Святослав Ольгович выступил в поход на Псков, с целью изгнать Всеволода Мстиславича. Псковичи же «изыдоша смело противу ему, и заградиша пути», устроив на лесных дорогах засеки. Увидев решимость псковичей защищаться, новгородцы отказались воевать и вернулись в Новгород.

В феврале 1137 г. Всеволод Мстиславич умер. Несмотря на это, псковичи отказались принять сторону Ольговичей и посадили у себя князем брата Всеволода Святополка Мстиславича⁵⁵. Тем временем положение Святослава Ольговича, оказавшегося не способным решить многочисленные проблемы новгородцев, также значительно осложнилось. «В то время не было мира ни с Псковом, ни с Суздаем, ни со Смолен-

---

зьями. «Ходи Мирослав посадник из Новагорода мирить кыянь съ черниговъци, и приде, не успевь ницто же» (ПСРЛ. Т. III. С. 23, 208). Градус ненависти между Мономашичами и Ольговичами был в это время настолько велик, что они не только не откликнулись на миротворческую миссию новгородцев, но и стали призывать их принять активное участие в своей усобице. Переход новгородцев на сторону черниговских князей, по-видимому, был вызван прежде всего поражением Мономашичей в битве на р. Су-пое.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 204, 209.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 304. ПСРЛ. Т. II. Стб. 300.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 24. Новгородская первая летопись младшего извода о покушении на Святослава Ольговича не упоминает.

⁵¹ Цветков С. Э. Указ. соч. С. 234.

⁵² ПСРЛ. Т. III. С. 24, 210.

⁵³ ПСРЛ. Т. III. С. 25, 210.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 25, 210.

ском, ни с Киевом, ни с Полоцком»⁵⁶, – сообщает о его правлении новгородский летописец. Весной 1138 г. доведенные войной до отчаяния новгородцы выгнали Святослава и пригласили на его место Ростислава, сына Юрия Долгорукого⁵⁷. Возвращаясь в Чернигов, Святослав Ольгович был задержан в Смоленске Ростиславом Мстиславичем и провел несколько недель в заключении. Выйдя на свободу, Святослав ни с чем вернулся к брату Всеволоду Ольговичу.

Непосредственным результатом изгнания Святослава стал выход Новгорода из-под влияния черниговских князей. Крупнейший и богатейший город Руси снова оказался в руках Мономашичей, которые могли использовать его людские и материальные ресурсы для борьбы с Ольговичами. Это нарушило хрупкое равновесие сил, сложившееся между двумя княжескими группировками, и привело к новой усобице на Руси.

Опередив своих противников, Всеволод Ольгович соединился с половцами и вторгся в принадлежавшее Мономашичам Переяславское княжество. Ольговичи и половцы захватили некоторые города вдоль пограничной со степью реки Сулы, после чего окрыленный успехом Всеволод решил идти напрямик на Киев. Однако на этот раз великий князь Ярополк сумел собрать для отпора Ольговичам внушительные силы, включавшие «Ростовце, Полочаны, Смолняне, Галичане... и Кыяне, Переяславци, Володимерци, Туровци»⁵⁸. Кроме того, вспомогательное войско в 30 тысяч берендеев⁵⁹ (по другим данным, 10 тыс.⁶⁰ или даже 40 тыс.⁶¹) Мономашичам прислал венгерский король. По данным В.Н. Татищева, общая численность великокняжеской рати, включая иностранных союзников, составила 60 тысяч человек⁶². Со всей этой армией Ярополк перешел Днепр и двинулся против Ольговичей. Известие о приближении великого князя застало Всеволода во время осады Прилук. Сняв осаду, черниговский князь поспешно отступил к Чернигову, но быстро понял, что не сможет устоять против собранных Ярополком сил, и решил бежать в половецкие степи. Однако этому решению Всеволода неожиданно воспротивилось черниговское вече, которое обратилось к своему князю с ультиматумом: «Ты надеешься бежати в Половце, а волость свою погубиши. То к чему ся опять воротишь? Луче того останися высокооумья своего и проси ся мира!»⁶³ Всеволод послушался и послал к Ярополку послов с просьбой о мире.

В начале 1139 г. под Моравийском обе стороны вступили в переговоры, которые закончились подписанием мира. Основные его условия сохранились только в изложении В. Н. Татищева, использовавшего не дошедшие до нас летописи. Согласно договору, Ольговичи вынуждены были согласиться не «вступатися в волость Володимерову», то есть отказаться от попыток расширения своих владений за счет уделов Мономашичей. Одновременно великий князь Ярополк счел необходимым урегулировать отношения со своими племянниками Мстиславичами. Во владении последних закреплялись Владимир-Волынский и Новгород. Тем самым Ярополк стремился не допустить перехода Мстиславичей на сторону Ольговичей, что в будущем могло привести к новым усобицам. Так как на момент подписания мира, Новгород находился под контролем брата великого князя Юрия Владимировича, очевидно, суздальский князь должен был передать его сидевшему в Пскове Святополку Мстиславичу. Что должен был получить в качестве компенсации за потерю Новгорода сам Юрий, неизвестно. Но и Новгород Мстиславичам, очевидно, доставался не безвозмездно. Новгородцы обязывались возоб-

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 305 – 306.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 397.

⁶¹ ПСРЛ. Т. IX. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 162.

⁶² Татищев В.Н. Указ. соч. С. 397.

⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 301.

новить выплату Киеву традиционной ярославовой дани, восстановив тем самым свою зависимость от великого князя⁶⁴. Заключив мир, Ярополк и Ольговичи целовали друг другу крест и, обменявшись дарами «разыдошася разню, славяще бога».

В своих общих чертах мир 1139 г. представлял собой попытку великого князя Ярополка вернуться к политической системе, сложившейся на Руси в последние годы жизни Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича. В ее основе лежало сохранение за Мономашичами власти в большинстве уделов и исключительного права на великокняжеский стол, обеспечивавшего их доминирование в русских землях. Однако было очевидным, что долговечность этого политического порядка как и раньше во многом зависела прежде всего от того, насколько долго Мономашичи смогут сохранять между собой единство. Как показали последующие события, единства среди потомков Владимира Мономаха как раз и не было.

Мир 1139 г. завершился тяжелым поражением Всеволода Ольговича. Несмотря на то, что источники мало что говорят о положении черниговского князя после договора в Муравийске, можно предполагать, что он вновь вынужден был признать свою зависимость от великого князя, хотя, по-видимому, и смог отстоять территориальную целостность Черниговского княжества. Однако неудачи не убавили политических амбиций Всеволода, который считал свое поражение временным. Неизвестно как развивались бы события дальше, но уже вскоре политическая ситуация в русских землях вновь изменилась для Всеволода Ольговича в благоприятную сторону.

18 февраля 1139 г. в Киеве умер великий князь Ярополк Владимирович. Так как у него не было детей, киевский стол перешел к следующему по старшинству брату Ярополка Вячеславу Владимировичу, княжившему в Турове. 22 февраля тот торжественно въехал в Киев и сел на великое княжение⁶⁵. Однако не успел Вячеслав как следует укрепить свое положение в этом качестве, как стало известно, что собственные претензии на киевский стол предъявил черниговский князь Всеволод Ольгович. Собираясь изгнать Вячеслава из Киева, Всеволод заручился поддержкой своих братьев, обещая щедро наделить их за помощь в захвате великокняжеского стола уделами: двоюродному брату Владимиру Давидовичу и родному Игорю отдать Чернигов, а младшему Святославу Ольговичу, оставшемуся после изгнания из Новгорода без владений – Курск с Посемьем. Одновременно, чтобы не допустить объединения Владимировичей с Мстиславичами, Всеволод вступил в переговоры со своим зятем Изяславом Мстиславичем, обещая ему всякие блага и отговаривая от союза со ставшим великим князем Вячеславом: «Хотя тебе после отца Киев надлежит, но дядья твои, а особенно Юрий, не дадут тебе удержать. Как сам знаешь, и прежде вас изгоняли, и если бы не я то б вы никакого удела от Юрия получить не могли. То же ныне хочу я Киев взять и вас, как братию содержать. Не только ныне надлежащими владениями вас удовольствую, но и после смерти моей Киева мимо тебя никакому сыну моему не отдам. Только вы не сообщайтесь против меня со стрями вашими»⁶⁶. Не устояв перед столь заманчивыми предложениями Всеволода, Изяслав Мстиславич отказался от поддержки родного дяди Вячеслава и перешел на сторону Ольговичей.

Тем временем, собрав небольшое войско, Всеволод с братьями поспешил к Киеву. Черниговские князья заняли Вышгород, откуда выстроив полки, 4 марта подошли к Киеву и, демонстрируя свою силу, принялись зажигать дома в Копыревом конце – густонаселенном районе на северо-западе столицы, посылая к Вячеславу: «Иди з добром из города»⁶⁷. У черниговского князя было немного воинов и Вячеслав вполне мог отра-

⁶⁴ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 397.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 306; ПСРЛ. Т. II. Стб. 302.

⁶⁶ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 398.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб.306; ПСРЛ. Т. II. Стб. 302–303.

зять нападение его или продержаться в городе до подхода своих братьев. Однако киевский князь не отличался решительностью. Видя, что киевляне «его не хотяху имети, ни за нь битися» и не желая сам «кровь проливати», Вячеслав выслал в черниговский стан митрополита Михаила, через которого униженно обратился к Всеволоду с просьбой о мире: «Аз, брате, приидох зде по братии своей Мстиславе и Ярополке, по отец наших завещанию; аще ли ты восхотел еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, аз есмь мний [младше] тебе буду; но отъиди ныне Вышегороду, а аз иду в переднюю [прежнюю] свою власть [волость, то есть Туров], а Киев тебе»⁶⁸. Продержавшись у власти всего восемь дней, Вячеслав уступил Всеволоду Ольговичу киевский стол и уехал в Туров. Киевляне же, по словам летописца, приняли черниговского князя «с честью и славою великой».

Изгнав Вячеслава с киевского стола, Всеволод Ольгович вполне мог считать себя отомщенным за все годы унижения своего рода перед Мономашичами. Четвертьвековая монополия Мономахова рода на Киев была нарушена, – причем Ольговичи, казалось, навечно отстраненные от власти, захватили великокняжеский стол в нарушение каких-либо родовых принципов, с помощью одной силы. Однако, опираясь на созданный черниговскими князьями прецедент, начать борьбу за великое княжение могли и другие русские правители, не имевшие раньше на Киев никаких прав. Это должно было еще больше запутать и без того не отличавшиеся стабильностью межкняжеские отношения, обострить противоречия между ведущими родами Рюриковичей.

Овладев великим княжением, Всеволод Ольгович показал, что намерен править в соответствии с традициями прежних киевских князей. Прежде всего черниговский князь предпринял попытку заручиться поддержкой киевлян. Вступив город, Всеволод, по свидетельству Никоновской летописи, устроил «съ отцем своим с Михаилом митрополитом, и з братиею своею, и со князи, и з бояры своими и съ всеми людьми пирование светло, и постави по улицам вина, и мед, и перевару, и всякое ядение, и овощи, и роздаде по церквам и по монастырем милостыню многу»⁶⁹. Устройство пира, раздача богатств являлись древней традицией задобрить киевлян, поднять престиж новой власти⁷⁰. Одновременно Всеволод вынужден был заняться внешними делами. Покинув на несколько дней Киев, Всеволод выступил в поход против половцев. В сражении он нанес половцам поражение и захватил множество пленных⁷¹. Как и предыдущее мероприятие, этот поход, видимо, преследовал целью укрепить позиции черниговского князя среди населения Правобережья Днестра, которое традиционно страдало от набегов кочевников. В результате значительная часть киевской городской общины высказала Всеволоду свою поддержку. Впрочем, полное умиротворение половцев, благодаря помощи которых он, собственно, и захватил великокняжеский стол, не входило в планы Всеволода, и вскоре он снова возобновил с ними союзнические отношения.

Перед новым киевским князем стояли те же задачи, что и за несколько лет до этого перед Владимиром Мономахом и Мстиславом Великим – закрепить Киев за новой династией, превратить его в «отчину» черниговских князей⁷². Вчерашний сепаратист, Всеволод на киевском столе начал проводить политику укрепления единства русских земель⁷³. Он отказывается от прежней политической линии Олега Святославича, боровшегося всю свою жизнь за независимость своих земель от Киева и становится на путь политического и идейного противника своего отца Владимира Мономаха. Как и

---

⁶⁸ ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. М., 2000. С. 32.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. IX. С. 163.

⁷⁰ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 260.

⁷¹ ПСРЛ. Т. IX. С. 163.

⁷² Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 104.

⁷³ Толочко П. П. Указ. соч. С. 119.

Мономах, Всеволод превращается в наиболее последовательного сторонника сохранения единства Руси, но уже только под своей властью. По сути дела речь шла о восстановлении всей прежней системы межкняжеских отношений, но теперь во главе ее должны были стоять уже не Мономаховичи, а Ольговичи.

Решение этих поистине глобальных задач требовало колоссальных военных, людских и материальных ресурсов. Однако их-то в руках нового великого князя и не было. Поэтому уже с первых своих шагов Всеволод фактически вынужден был проводить политику «разделяй и властвуй», лавировать между различными политическими силами, ссорить князей между собой, прибегать к созданию сомнительных комбинаций, вступать во временные коалиции со своими нередко более сильными противниками с тем, чтобы позднее объединиться против последних уже с их врагами.

В своих попытках укрепить власть, Всеволод мог опираться на первых порах только на поддержку своих родных и двоюродных братьев – Ольговичей и Давидовичей. Однако при этом существовала опасность, что поддержав Всеволода в захвате киевского стола в обмен на получение уделов, те могли настолько усилиться, что легко были способны превратить великого князя в игрушку в своих руках. Стремясь не дать братьям объединиться, Всеволод решил столкнуть их между собой. Он передал освобожденной после своего ухода в Киев черниговский стол не родному брату Игорю, а двоюродному – Владимиру Давидовичу и этим насмерть перессорил их между собой⁷⁴. Чтобы отразить претензии Ольговичей на Чернигов, Давидовичи вынуждены были продолжать поддерживать Всеволода. В свою очередь, чтобы крепче привязать к себе обиженных Ольговичей, Всеволод пообещал их наделить волостями за счет родовых владений Мономаховичей.

Одновременно Всеволод стремился добиться признания своей власти со стороны других князей. Первым Всеволода в качестве великого киевского князя фактически еще до захвата им Киева признал, как упоминалось выше волынский князь Изяслав Мстиславич. По-видимому, довольно быстро Всеволоду удалось также добиться признания своего старейшинства со стороны враждебных Мономашичам, а, следовательно, рассматривавших Ольговичей в качестве потенциальных союзников, галицких и полоцких князей. В то же время Владимировичи и большинство Мстиславичей отказались признать Всеволода киевским князем.

Рассчитывая избежать новой усобицы, Всеволод предпринял попытку договориться со своими противниками миром. Однако те ответили отказом на мирные предложения Ольговича и «ссылахуться сами меж собою, хотяче на нь пойти Киеву». Первым против Всеволода выступил суздальский князь Юрий Владимирович. Поскольку старший него возрастом Вячеслав отказался от Киева, Юрий считал, что старейшинство, а, следовательно, и законные права на великое княжение перешли теперь к нему. Летом 1139 г. суздальский князь приехал в Смоленск, где принялся сколачивать коалицию из своих братьев и родни для похода на Киев. Свою поддержку дяде высказал его племянник смоленский князь Ростислав Мстиславич. Потеря Киева стала настолько сильным потрясением для Мономашичей, что на сторону Юрия, по-видимому, склонялись встать также его родные братья Вячеслав и Андрей Владимировичи и другой его племянник Изяслав Мстиславич, успевший к этому времени разочароваться в дружбе с Ольговичами. Но как показывал предшествующий опыт, одних сил Мономашичей было явно недостаточно для победы над Ольговичами, и Юрий обратился с посланием к новгородцам, призывая их присоединиться к походу. Однако новгородцы ответили отказом. Более того, 1 сентября они выгнали от себя княжившего у

---

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. С. 303. Дело между двоюродными братьями дошло до войны. В 1141 г. Игорь ходил на Владимира Давидовича к Чернигову, пытаясь выбить его из столицы, но, затем примирился с главой Давидовичей, поскольку в это время Всеволод пообещал оставить ему после себя Киев.

них сына Юрия Ростислава⁷⁵. Скорее всего, это было вызвано давними противоречиями новгородцев с Юрием, чем кознями «прочерниговской партии». Ставшая очевидной невозможность суздальского князя опереться на мощный потенциал Новгорода, привела к развалу всей античерниговской коалиции, так как Ростислав Мстиславич, без новгородской помощи, видимо, также отказался выступить против Всеволода Ольговича⁷⁶. Разгневавшись, Юрий выехал в Суздальскую землю. По пути он захватил принадлежавший новгородцам Новый Торжок на границе новгородской и суздальской земли, что привело к началу новой войны между ним и Новгородом.

Провал похода Юрия на Киев убедил Всеволода Ольговича в слабости его противников, и он решил теперь сам перейти в наступление против Мономашичей. К этому времени положение великого князя настолько упрочилось, что надеясь на свою силу, он «сам хотяше землю всю держати, искаше подь Ростиславомъ Мстиславичем Смоленска, а подь Изяславомъ Володимеря [Волынского]»⁷⁷. По данным более позднего Никоновского летописца, Всеволод «искаше» не только под Мстиславичами, но и под «дядею ихъ, княземъ Юрьемъ Володимеричемъ Маношимъ, великого княжения Суждаля, а под другим дядею ихъ, подо княземъ Андреемъ Володимеричемъ Маношимъ, великого княжения Переаславля»⁷⁸. Опираясь на эти сведения, ряд историков считают, что Всеволод Ольгович собирался лишить опасных для себя Мономаховичей и Мстиславичей их владений и отдать завоеванные земли своей родне Ольговичам и Давидовичам. По мнению В.В. Мавродина, Всеволод стремился лишь захватить все земли и подчинить себе их князей⁷⁹.

Летом 1139 г., набрав в степи множество половцев, великий князь направил большое войско во главе со своим братом Игорем Ольговичем на Волынь против туровского князя Вячеслава Владимировича и его племянника Изяслава Мстиславича, понуждая их оставить свои уделы. Наступление против противников великого князя поддерживалось союзными Всеволоду галицкими князьями Владимиром Володаревичем и Иваном Васильковичем⁸⁰, которые должны были ударить по владениям Мономашичей с запада. Однако поход Игоря не имел успеха. Дойдя до Горыни – пограничной речки между Киевской и Волынской землями, великокняжеское войско неожиданно «пополовшившеся», то есть испугалось и повернуло назад в Киев. Более успешно действовали галицкие князья и поляки. Вторгшись на Волынь, они повоевали волости Вячеслава и Изяслава Мстиславича. Но тут уже испугался сам великий князь Всеволод Ольгович. Опасаясь, что разгром Мономашичей приведет не только к подчинению Волынской и Турово-Пинской земли Киеву, но и может чрезмерно усилить галицких князей и враждебную Руси Польшу, великий князь приказал союзникам прервать военные действия и отступить в свои земли.

Тем временем сам Всеволод вместе с другим своим братом Святославом выступил против переяславского князя Андрея Владимировича, потребовав от него добровольно оставить Переяславль и перейти на княжение в Курск⁸¹. В Переяславле же должен был сесть Святослав Ольгович.

Предложение великого князя встретило категорический отказ Андрея и его дружины. «Лепши ми того смерть и с дружиною на своей отчине и на дедине взятии, нежели Курское княжение. Отец мой Курьске не седел, но в Переяславли. Хочю на

---

⁷⁵ НПЛ. С. 25, 210.

⁷⁶ Карпов А. Ю. Указ. соч. С. 109.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 304.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. IX. С. 104.

⁷⁹ Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. С. 274.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 304.

⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 307; ПСРЛ. Т. II. Стб. 305.

своей отчине смерть прияти. Оже ти, брате, не досыти волости, всю землю Рускую държачи, а хочеси сея волости, а убив мене, а тебе волость. А жив не иду из своей волости». Но как показали последующие события, Всеволод очевидно и не очень хотел выгонять Андрея из Переяславля. Встав с основными силами на Днепре, он предоставил своему брату Святославу в одиночку сражаться с Андреем. Как только тот подошел к городу, переяславцы храбро ударили по его войску и наголову разгромили. На следующий день, 31 августа Всеволод заключил с Андреем мир, скрепив его по обычаю крестоцелованием. Андрей целовал крест Всеволоду 31 августа. Сам же великий же князь должен был целовать крест на следующий день. Однако в ночь на 1 сентября из-за неосторожного обращения с огнем одного из горожан в Переяславле вспыхнул пожар, уничтоживший его деревянные стены. Несмотря на советы своих приближенных немедленно воспользоваться этим несчастьем и захватить беззащитный город, Всеволод проявил благородство и целовал крест Андрею на прежних условиях⁸². Переяславль остался в руках Андрея, который признал Всеволода великим князем киевским и согласился не воевать с ним. Вскоре на условии сохранения за ними их вотчин «старейшинство» Всеволода признали также Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич⁸³.

Всеволоду Ольговичу не удалось изгнать Мономаховичей из их владений и наделить отнятыми уделами своих братьев. Однако вопреки распространенному в литературе мнению⁸⁴, по-видимому, Всеволод вовсе и не собирался этого делать. Проявленные им нежелание помогать своему брату Святославу в захвате Переяславля, отказ от штурма города после уничтожения пожаром его укреплений – все эти шаги великого князя показывают, что он больше стремился склонить своих противников к подчинению демонстрацией силы, чем реально собирался с ними воевать. Главной целью Всеволода было добиться от враждебных ему Мономашичей своего признания в качестве великого князя, заставить их сложить оружие и возобновить выплату дани Киеву. Эта задача была полностью выполнена. К концу 1139 г. власть Всеволода была признана фактически всеми русскими князьями, за исключением суздальского Юрия Владимировича. Однако пока продолжался его конфликт с Новгородом и он был лишен поддержки родичей, суздальский князь не представлял серьезной угрозы для власти Всеволода.

Добившись впечатляющих успехов, Всеволод Ольгович в короткий срок фактически вновь объединил Русь почти в таких же масштабах, как и при своих великих предшественниках Владимире Мономахе и Мстиславе Великом. В какой-то степени были удовлетворены и территориальные претензии братьев великого князя – Игоря и Святослава Ольговичей. В том же 1139 г., после изгнания Ростислава, сына суздальского князя Юрия Владимировича, по согласованию с Всеволодом, новгородцы вновь приняли к себе на княжение Святослава Ольговича⁸⁵.

Упрочить свое положение Всеволод Ольгович пытался не только силой, но и через заключение родственных связей с князьями, которых он хотел видеть своими союзниками или не мог победить в открытой борьбе. В 1143 г. Всеволод женил своего старшего сына Святослава на дочери полоцкого князя Василька Святославича⁸⁶. Породнившись с полоцкими князьями, на протяжении многих десятилетий враждовавших с Киевом, Всеволоду удалось не только превратить их из своих врагов в союзников, но и прочно втянуть в орбиту своего влияния. В 1144 г. Всеволод Ольгович выдал дочь

---

⁸² ПСРЛ. Т. II. Стб. 306.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 416.

⁸⁵ НПЛ. С. 25, 210.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 310; ПСРЛ. Т. II. Стб. 313.

умершего тремя годами ранее городенского князя Всеволода Давидовича за своего двоюродного брата Владимира Давидовича⁸⁷, укрепив через этот брак влияние черниговских князей в западных областях Руси.

По примеру предшествовавших великих киевских князей, Всеволод Ольгович использовал матримониальные связи и для расширения своего влияния за пределами Руси. Одна из дочерей великого князя Звенислава в 1142 г. вышла замуж за Болеслава, сына краковского князя Владислава II⁸⁸, разделив участь многих русских княжон, отданных на чужбину из политических интересов. Втянутый к тому времени в конфликт со своими младшими братьями Болеславичами, Владислав II надеялся с помощью своего влиятельного русского родственника укрепить свою власть. Воспользовавшись усобицей среди поляков, Всеволод Ольгович в том же году направил в Польшу большое войско во главе со своим сыном Святославом, двоюродным братом Владимиром Давидовичем и галицким князем Васильком Володаревичем. Появление сильной великокняжеской рати на берегах Вислы остудило горячие головы мятежных Болеславичей, неожиданно увидевших, что под видом помощи их старшему брату русские стали прибирать к рукам пограничные польские земли, и заставило их искать мира с Владиславом. Русские князья вынуждены были прервать поход и вернуться домой, успев все же захватить большое количество пленных⁸⁹. Однако стоило им уйти, как Болеславичи изгнали своего брата в Германию.

В 1145 г. в ответ на неоднократные просьбы Владислава помочь ему в борьбе с братьями Всеволод Ольгович вновь направил в Польшу войско во главе со своими братьями Игорем Святославичем и Изяславом Давидовичем и старшим сыном Святославом. Проникнув далеко вглубь польских земель, русские полки встретились в центре страны с войсками Болеслава и Мешко. Польские князья не захотели биться и предложили русским заключить мир. Младшие Болеславичи согласились уступить своему брату Владиславу во владение четыре города. Игорь же в качестве компенсации получил в свою собственность пограничный польский город Визну. Сочтя дело выигранным, русские князья вернулись домой «много полон взявше»⁹⁰.

Возобновление активной внешней политики Руси на западе в княжение Всеволода Ольговича была последним крупным актом общегосударственного масштаба периода удельной раздробленности. В последующем, осуществление отношений с Польшей и Венгрией перешло от Киева к Галицкому и Волынскому княжествам.

Активизация внешней политики Руси в княжение Всеволода происходило и на юге. В начале 1140 г. вместе с переяславским князем Андреем Владимировичем Всеволод заключил в местечке Молотин мир с половцами⁹¹. Хотя условия мирного договора не сохранились, можно предполагать, что речь в нем шла о прекращении набегов кочевников на южную границу Руси. Кроме того, по-видимому, был возобновлен традиционный союз половцев с Ольговичами, которые издавна привлекали кочевников к участию в борьбе со своими политическими противниками в русских землях. Союз с половцами пришелся Всеволоду как нельзя кстати, так как созданное им с большим трудом единство русских земель вскоре вновь стало распадаться.

Повод к тому подал сам великий князь Всеволод Ольгович. В январе 1142 г. скончался переяславский князь Андрей Владимирович. Воспользовавшись этим, Всеволод перевел в Переяславль, считавшийся главной «отчиной» Мономаховичей, брата умершего Вячеслава Владимировича, а на освободившийся туровский стол посадил

---

⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 310; ПСРЛ. Т. II. Стб. 313.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 310; ПСРЛ. Т. II. Стб. 313.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 318.

⁹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 308; ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

своего сына Святослава. В результате этой как ему казалось, беспроигрышной комбинации, великий князь получил под свой контроль одну из богатейших областей Руси.

Однако это решение вызвало открытое недовольство родных братьев Всеволода – Игоря и Святослава Ольговичей. Всеволод обещал передать им Переяславль и другие земли Мономаховичей еще в период своей борьбы за Киев. Теперь же они увидели, что великий князь не только не выполнил своего обещания, но и явно не собирается давать им вообще каких-либо других волостей. По сообщению летописца «бысть братьи его тяжко сердце ... «волости бо дасть сынови своя, а братьи не надели ничем же». Всеволод понял, что слишком долго кормил братьев обещаниями и предложил им четыре небольших города из вновь приобретенной Туровской земли: Берестье, Клецк, Дрогичин, Черторыйск. Но это только разозлило Игоря и Святослава.

Обиженные братья собрались в Городце на левом берегу Днепра, откуда послали Всеволоду требование разделить принадлежащие земли: отдать им Черниговскую и Новгород-Северскую волости, а себе оставить Киев. В случае отказа отдать указанные волости, Игорь и Святослав пригрозили, что сами их возьмут⁹². Несмотря на это, Всеволод не пожелал уступить, чем спровоцировал вооруженный конфликт.

Ольговичи вступили в союз с Давидовичами, которые были недовольны тем, что передав им Чернигов, Всеволод оставил себе входившую в состав Черниговского княжения землю вятичей, и двинулись ратью на Переяславль, намереваясь изгнать оттуда Вячеслава и посадить в нем Игоря, которому великий князь обещал отдать город еще три года назад. В ответ Всеволод Ольгович, верный политике стравливания между собой князей, заключил союз со своими противниками Мономашичами и направил на помощь осажденному Переяславлю своего воеводу Лазаря Саковского с вассальными Киеву печенегами и берендеями. Одновременно на помощь своему дяде Вячеславу из Владимира-Волынского и Смоленска подошли со своими полками племянники Изяслав и Ростислав Мстиславичи. Не ожидавшие встретить под стенами Переяславля серьезного сопротивления, мятежные князья потерпели сокрушительное поражение и отступили в Чернигов. Вторгшись вслед за ними в черниговскую волость, Мстиславичи подвергли ее грабежу и разорению.

Ольговичам и Давидовичам пришлось ехать в Киев с повинной. Надеясь все же добиться от великого князя уступок, братья поклялись «стоять за один» и не соглашаться на заключение мира, пока не будут удовлетворены все их требования. Узнав об этом, Всеволод пообещал Давидовичам наделить их лучшими волостями, если они отступят от союза с Ольговичами. Когда же Давидовичи поверив, нарушили клятву, данную Игорю и Святославу и перешли на его сторону, великий князь легко заставил каждого из братьев отказаться от своих прежних требований. В итоге, мир был заключен на выгодных для Всеволода условиях. Вместо черниговских и северских земель родные братья великого князя Игорь и Святослав получили несколько незначительных городков: Городец Остерский, Рогачев, Клецк и Черторыйск, а Давидовичи – в дополнение к Берестью и Дорогочину просимую ими черниговскую волость – Вщиж и Ормину⁹³. Всеволод не только сохранил в своих руках контроль над всеми важнейшими русскими землями, но и сумел смертельно перессорить между собой Ольговичей и Давидовичей, которые в последующем уже больше никогда не могли объединиться друг с другом.

Несмотря на победу над своими братьями, Всеволоду было ясно, что те могут попытаться вновь отобрать Переяславль у слабовольного Вячеслава. Поэтому он перевел Вячеслава в прежнюю его волость Туров, а в Переяславль направил его племянника Изяслава Мстиславича, княжившего во Владимире-Волынском. Освободившийся же после ухода Изяслава владими́ро-во́лыньский стол великий князь отдал своему сыну

---

⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 311.

⁹³ Там же. Стб. 312.

Святославу, правившему в Турове. Перераспределение княжеских столов снова вызвало возмущение Ольговичей, но на этот раз наученные горьким опытом они не рискнули в одиночку выступить с оружием в руках против распоряжений великого князя⁹⁴.

Однако теперь предпринятое Всеволодом перераспределение княжеских столов задело интересы другого его союзника галицкого князя Владимира Володаревича. Вокняжение сына Всеволода Ольговича Святослава во Владимире-Волыньском, Владимир Володаревич расценил как попытку великого князя поставить Волынь, на которую он в это время сам претендовал, под более жесткий контроль Киева. Всеволод и Владимир «почаста на ся искати вины». В итоге, галицкий князь отослал в Киев свою крестоцеловальную грамоту, объявив тем самым войну Всеволоду⁹⁵.

Для борьбы с галицким князем Всеволод Ольгович поднял практически все силы Руси. Собранное им огромное войско состояло из дружин 12 князей. Помимо самого великого князя Всеволода и его многочисленной родни: родных братьев Игоря и Святослава Ольговичей, двоюродных Владимира и Изяслава Давидовичей черниговских и сына Святослава Всеволодовича, в поход выступили туровский князь Вячеслав Владимирович Мономахович, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, княжившие в Переяславле и Смоленске, Ростислав Глебович Полоцкий, городенские князья Борис и Глеб Всеволодовичи, внуки Давида Игоревича. Кроме того, в усобице приняли участие также иностранные союзники Всеволода Ольговича – Владислав II Польский и половцы, без которых теперь не обходилась ни одна война русских князей. В свою очередь, Владимир Володаревич заручился поддержкой венгров, приславших ему вспомогательный отряд конницы. Таким образом, конфликт между Всеволодом Ольговичем и Владимиром Галицким из внутрирусского перерос фактически в международный.

После ряда маневров обе армии встретились у Свиногорода на территории Галицкого княжества. Владимир Володаревич занял сильную оборонительную позицию перед городом на возвышенности, отгородившись от противника рекой Белкой и прикрыв фланги болотами. Но затем галицкий князь неожиданно покинул свой укрепленный лагерь и передвинулся поближе к реке. Этой ошибкой Владимира и воспользовался умудренный опытом великий князь. Пока часть киевлян отвлекала галичан ложными атаками, Всеволод переправил ночью выше по течению через реку свои основные силы и после изнурительного марша по болотам вышел в тыл Владимира Володаревича, отрезав его от Галича и Перемышля. Проснувшись поутру, галичане увидели, что их обошли и впали в панику. Несмотря на благоприятную возможность, Всеволод все же не решился атаковать деморализованного и готового капитулировать противника. К вечеру обе стороны завязали переговоры о мире. Галицкий князь был мастером интриг не хуже Всеволода Ольговича. За спиной великого князя Владимир Володаревич тайно завязал переговоры с Игорем Ольговичем и попросил его выступить посредником между ним и его старшим братом. В награду галицкий князь обещал Игорю помочь сесть на киевский стол после смерти Всеволода Ольговича. Поверив обещанию, Игорь явился к Всеволоду и убедил его пойти на мировую с Владимиром. В тот же день между Всеволодом и Владимиром был заключен мир. По его условиям, Владимир Володаревич обязывался признать вассальную зависимость от Киева и уплатить победителям военную контрибуцию в 1200 гривен серебра, а Всеволод возвращал галицкому князю захваченные у него прежде пограничные городки Микулин и Ущицу⁹⁶.

Непросто складывались в это время отношения Всеволода Ольговича и с Новгородом, который после памятных событий 1136 г. норовил всячески освободиться из-под власти Киева. После разрыва в 1139 г. отношений с суздальским князем Юрием

---

⁹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 313.

⁹⁵ Цветков С.Э. Указ. соч. С. 247.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 312; ПСРЛ. Т. II. Стб. 316.

Долгоруким и захвата Ольговичами Киева, новгородцы вновь вынуждены были принять к себе князем изгнанного ими прежде брата Всеволода Святослава Ольговича, дав ему, по сообщению летописца, клятву, содержание которой нам неизвестно. Однако уже вскоре Святослав вновь вступил в конфликт с новгородцами. Желая во что бы то ни стало удержать Новгород в подчинении, Всеволод Ольгович в 1140 г. направил к новгородцам своего боярина Ивана Войтишича. Прибыв в город, тот арестовал несколько наиболее последовательных противников великого князя и отправил их в оковах в Киев⁹⁷. Но эти меры только усилили волнения среди новгородцев. Собравшись на вече, горожане постановили арестовать Святослава Ольговича, но тот, не дожидаясь неблагоприятного для себя исхода, ночью бежал из Новгорода. Оставшиеся в городе его сторонники были избиты и ограблены новгородцами⁹⁸.

Несмотря на очередное изгнание ставленника Киева, новгородцы опасались окончательно порывать отношения с великим князем и направили к Всеволоду Ольговичу представительное посольство во главе с епископом Нифонтом с просьбой заменить изгнанного ими Святослава Ольговича сыном великого князя Святославом. Это лишний раз доказывает, что новгородцы в это время в выборе своего князя в значительной степени продолжали ориентироваться на Киев и были готовы признавать его власть при соблюдении последним интересов Новгорода. Приняв посольство, Всеволод согласился удовлетворить просьбу новгородцев и отправил своего сына Святослава в Новгород. Но когда тот был уже на пути в Чернигов, новгородцы неожиданно переменили мнение и заявили Всеволоду: «Не хотимъ сна твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Володимера; ...даи ны шюрина своего Мстиславича»⁹⁹. Вызывающее поведение новгородцев оскорбило великого князя. Разгневавшись, он приказал арестовать новгородское посольство и продержал его в Киеве всю зиму и следующее лето. Не желая, по словам летописца, «перепустити Новагорода Володимерю племени», Всеволод Ольгович призвал к себе племянников Святополка и Владимира Мстиславичей и дал им во владение Брест на западной границе, запретив принимать приглашение новгородцев: «Новагорода не березита [не берите], ати сеждать о своей силе, где си князь ни налезуть»¹⁰⁰.

Полагая, что оставшись без князя, новгородцы рано или поздно ему покорятся, Всеволод запретил русским землям вступать с ними в контакты и помогать продовольствием. Из-за блокады Новгородской земли как со стороны суздальского князя Юрия, так и со стороны Киева, в городе царил страшная дороговизна, «ни жито к ним не идяше, ни отколе же». Конфликт между Новгородом и Всеволодом Ольговичем продолжался девять месяцев. Все это время новгородцы вынуждены были обходиться без собственного князя, но не желали отступаться от своих требований. Наконец, «не стерпяче» – по словам летописца – больше «бесъ князя седити» новгородцы решили выдать из двух зол меньшее и обратились с просьбой о мире не к Ольговичам, а к суздальскому князю Юрию Владимировичу, пригласив его приехать на княжение в Новгород лично или прислать своего сына. Юрий отправил в Новгород сына Ростислава, которого новгородцы «с великою чстью посадиша на столе своего емоу отца»¹⁰¹.

Узнав об этом, Всеволод Ольгович решил переиграть ситуацию. Он принял прежние требования новгородцев и, освободив посольство во главе с епископом Нифонтом, отправил на княжение в Новгород Святополка Мстиславича. Когда об этом

---

⁹⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 26, 210.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. III. С. 26, 210.

стало известно в Новгороде, горожане отослали принятого ими сына Юрия Ростислава и возвели на новгородское княжение Святополка Мстиславича¹⁰².

Конфликт с Новгородом закончился не так, как надеялся Всеволод Ольгович. Тем не менее, это не сильно сказалось на его позициях. Хотя ему и не удалось навязать новгородцам свои требования, Новгород, пусть и под властью Мстиславичей, формально продолжал подчиняться великому князю. Кроме того, вокняжение Мстиславичей в Новгороде вновь рассорило их с дядей Юрием Владимировичем¹⁰³, что было очень выгодно Всеволоду, вынужденному постоянно опасаться возможного совместного выступления Мономашичей против своей власти. Стремясь ослабить ненавистного ему суздальского князя еще больше, в том же году Всеволод захватил принадлежавший Юрию Городец-Остерский и ряд других владений на юге и разграбил находившееся в них его имущество: «коне, скот, овце, и где чьто чюя товар» были разграблены¹⁰⁴. Лишившись своей главной базы в южнорусских землях, Юрий надолго оказался изолированным в своих владениях и вплоть до смерти Всеволода Ольговича потерял возможность играть активную роль на Руси.

Расправа над доселе непобедимыми Владимиром Галицким и Юрием Суздальским значительно укрепила позиции Всеволода Ольговича на великокняжеском столе. В последние годы жизни великий князь все чаще задумывался о назначении своего наследника. Еще в 1139 г. он обещал передать Киев после своей смерти Изяславу Мстиславичу, а в 1142 г. перевел его на княжение в Переяславль, считавшийся среди Мономашичей «предсто́льем» к Киеву, подтвердив тем самым свое стремление передать великое княжение после своей смерти главе Мстиславичей. Однако в конечном итоге Всеволод решил передать киевский стол не Изяславу, а своему родному младшему брату Игорю Ольговичу. В 1145 г. сразу после завершения галицкой войны он собрал своих родных и двоюродных братьев Ольговичей и Давидовичей и шурина Изяслава Мстиславича в Киеве и объявил им свою волю: оставить Киев Игорю. При этом Всеволод ссылался на пример Мономашичей, которые первыми смогли удержать за собой Киев и старейшинство и передать его по наследству. «Володимер посадил Мьстислава, сына своего, по себе в Киеве, а Мьстислав Ярополка, брата своего. А се я мольвлю: оже мя Бог поиметь, то аз по себе даю брату своему Игореву Киев»¹⁰⁵. Судя по этой речи, Всеволод собирался воссоздать прежнюю политическую систему Владимира Мономаха и его старших сыновей Мстислава Великого и Ярополка, при которых Киев фактически превратился в генеалогическую отчину лишь одного княжеского рода Мономашичей, с той лишь разницей, что теперь их должны были заменить Ольговичи.

Поскольку большинство участников собранного Всеволодом совещания составляли его родня, ему без труда удалось добиться среди них одобрения своего решения назначить Игоря наследником. Изяслав и Владимир Давидовичи и Святослав Ольгович целовали Игорю крест быть с ним «на всею любви»; в свою очередь, Игорь целовал братьям крест «яко имети братью в любовь». Однако попытка привести к кресту Изяслава Мстиславича натолкнулась на его сопротивление. Переяславский князь прямо обвинил Всеволода в нарушении своего слова отдать ему Киев после своей смерти. «Отче, ты первее ми прирек по себе Киев, а се даеши иному». Никогда не отличавшийся высокими моральными качествами и угрызениями совести, великий князь заявил в ответ, что «аз ти рех тогда, а ты не был в воли моей». Этим он недвусмысленно дал по-

---

¹⁰² Там же. С. 27, 210.

¹⁰³ Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 112.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 309.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 317 – 318.

нять Изяславу, что не выпустит его из Киева, пока тот не поклянется в верности Игорю. Лишенный поддержки других князей, Изяслав «по нуже» целовал крест¹⁰⁶.

Тем временем, мир Всеволода с галицким князем Владимиром Володаревичем продержался недолго. В 1146 г. между ним и Владимиром вновь началась война. После поражения в войне 1144 г. положение галицкого князя значительно ослабло. Не любившие своего князя галичане воспользовались тем, что зимой 1144 – 1145 гг. Владимир с частью своей дружины выехал из столицы Галича на охоту, и посадили у себя княжить его племянника звенигородского князя Ивана Ростиславича. Однако в ходе войны с вернувшимся дядей Иван не смог удержать власть в своих руках и бежал в Киев к Всеволоду Ольговичу¹⁰⁷. Решив, что мятежный племянник нашел убежище у киевского князя не случайно, Владимир разорвал прежнее соглашение с Всеволодом и захватил Прилуки – пограничный город Киевской земли¹⁰⁸. В ответ великий князь снова объявил поход на Галич. Несмотря на многочисленное войско, собранное из дружин своих братьев и шуринов, а также присоединившихся поляков и большое количество «диких» половцев, Всеволод Ольгович основные надежды в войне со своим противником возлагал, прежде всего, на массовое недовольство галицким князем его собственных подданных. После подавления Владимиром Володаревичем восстания в Галиче, центром антивладимировских выступлений был Звенигород, прежний стольный город Ивана Ростиславича, нашедшего приют у киевского князя. Решив овладеть Звенигородом, Всеволод осадил город. На второй день осады звенигородцы на вече постановили сдать город великому князю. Но воевода Владимира, боярин Иван Халдеевич решительными мерами пресек измену. Он схватил трех горожан, наиболее активно призывавших к сдаче, и, приказав рассечь их тела пополам, выбросил за стены города. Остальные, устрешенные этой расправой, стали биться «без лести». Убедившись, что звенигородцы не собираются сдаваться, великий князь приказал взять осажденный город штурмом. Продолжавшиеся весь день атаки киевлян на Звенигород были отбиты. Опасно заболевший к тому времени Всеволод Ольгович вынужден был снять осаду и отступить в Киев¹⁰⁹.

Придя в Вышгород и предчувствуя приближение смерти, великий князь еще раз пожелал добиться подтверждения крестного целования назначенному им в свои преемники Игорю Ольговичи от князей Давидовичей, а также от Изяслава Мстиславича. Всеволод послал в Чернигов и Переяславль своих приближенных к «братье» с вопросом: «Стоите ли в хрестьном целованьи у брата своего у Игорю?» «Стоимы» – отвечали те. Одновременно Всеволод обратился через знатных горожан к киевлянам, чтобы и они принесли присягу Игорю. Толпа «с радостью» целовала крест новому князю¹¹⁰. Но, как выяснилось позже, эти слова были сказаны с «лестью», то есть притворством.

1 августа 1146 г. Всеволод Ольгович скончался. После его смерти новым киевским князем в соответствии с завещанием покойного стал Игорь Ольгович. Однако на великом княжении он смог удержаться всего две недели. 13 августа Игорь был разбит подошедшим к городу переяславским князем Изяславом Мстиславичем и взят им в плен. Победитель заточил Игоря в монастырь. Здесь он был пострижен в монахи, а через некоторое время убит восставшими киевлянами.

Деятельность Всеволода Ольговича получила неоднозначную оценку в исторической литературе. Отрицательную характеристику черниговскому князю давали, по видимому, еще некоторые древнерусские летописцы. Одна из них сохранилась в изло-

---

¹⁰⁶ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 401.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316-317.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 312.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

¹¹⁰ Там же.

жении В.Н. Татищева: «Сей великий князь ростом был муж велик и вельми толст, владов мало на голове имел, брада широкая, очи немалые, нос долгий. Мудр был в советах и судах, для того – кого хотел, того мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и более в веселиях, нежели в расправах упражнялся. Чрез сие киевлянам от него тягость была великая. И как умер, то едва по нем, кроме баб любимых, заплакал, а более были рады»¹¹¹. Вслед за маститым историком XVIII в. в подобном негативном ключе Всеволода рассматривали многие крупные исследователи истории Древней Руси. Согласно П.П. Голубовскому, все его княжение представляло собой «ряд хитростей и надувательств. Наследуя от своего отца, Олега, упорство и стойкость, он от своего деда, Святослава, получил уменье запутывать интересы тех, с кем имел дело. Он умел прикрыться и общерусскими интересами, и в этом случае возможна параллель между ним и Владимиром Мономахом. Всеволод Ольгович, добившись киевского стола, держался на нем только благодаря своему уменью хитрить и вывертываться в затруднительных обстоятельствах, а также опираясь на черниговскую партию»¹¹². В.В. Мавродин считал, что Всеволод, «идя в известной мере по стопам Мономаха в деле объединения Руси, все же действовал, руководствуясь корыстными целями, и не пользовался популярностью в различных слоях русского общества»¹¹³.

По мнению А.Е. Преснякова, глава черниговских князей, заняв Киев, лелеял самые широкие планы, чувствовал себя призванным к объединению отчин старших Ярославичей в одной политической системе, построенной в духе Мономаха, но на более широком основании. Всеволод Ольгович сделал попытку вступить на путь Мономаха, но эта попытка была безнадежной, так как он не имел на самом деле ни одной из тех опор, на каких покоилось положение Мономаха: ни в солидарности своей семьи, ни в перевесе сил над другими князьями, ни в сочувствии населения¹¹⁴.

Б.А. Рыбаков, признавая Всеволода одним из видных политических деятелей середины XII в., отмечал такие его отрицательные черты характера, как жестокость, лукавство, компрометирующие связи с половцами, которые причинили Руси столько бед и несчастий¹¹⁵.

Неспособность Всеволода, несмотря на все его попытки, восстановить единство русских земель, распавшееся после смерти Владимира Мономаха и Мстислава Великого, отмечает новейший отечественный исследователь С.Э. Цветков¹¹⁶.

Несколько реже в литературе дается положительная оценка деятельности главы Ольговичей. Н.М. Карамзин считал Всеволода «лучшим из князей Олегова мятежного рода»¹¹⁷. Согласно Б.Д. Грекову, Всеволод, будучи прекрасным политиком, достиг очень многого. Он, оставаясь князем черниговским, владел и значительной частью бывшего Древнерусского государства¹¹⁸. По мнению П.П. Толочко, то, что «отрицательные черты Всеволода не создали ему на Руси доброй славы, несомненно. Но несомненно и то, что на Руси середины XII в. не нашлось князя, который бы смог соперничать с талантливым политиком в государственных делах. Даже когда, будучи смертельно больным, Всеволод объявил, что передает киевский стол Игорю, никто из князей не воспротивился этому решению»¹¹⁹.

¹¹¹ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 411.

¹¹² Голубовский П.П. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 121-122.

¹¹³ Мавродин В.В. Указ. соч. С. 281.

¹¹⁴ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 86-88.

¹¹⁵ Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве и его современники». М., 1971. С. 103-104.

¹¹⁶ Цветков С.Э. Указ. соч. С. 241.

¹¹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. М., 1991. Т. II – III. С. 125.

¹¹⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 510.

¹¹⁹ Толочко П.П. Указ. соч. С. 123.

Несмотря на негативные оценки главы Ольговичей в исторической литературе, следует все же признать, что Всеволод был последним киевским князем, которому удалось объединить под своей властью большинство русских земель. Проводимая им политика в своих основных чертах повторяла политику его великих предшественников Владимира Мономаха и Мстислава Великого. Но в отличие от них Всеволоду не удалось добиться прочных успехов. Причину этого, однако, необходимо искать не в отрицательных чертах характера черниговского князя, а прежде всего в объективно изменившихся социально-экономических и политических условиях развития русских земель, вызванных усилением в них центробежных тенденций, обострением между отдельными князьями противоречий. В условиях ослабления великокняжеской власти Всеволод уже не имел в своем распоряжении, как Мономах или Мстислав огромных военных сил для того, чтобы подчинять других князей силой. Чтобы удержаться на великокняжеском столе, ему постоянно приходилось лавировать между различными враждебными княжескими группировками, ссорить своих противников, хитрить, изворачиваться, нарушать клятвы. Не находили объединительные планы Всеволода понимания и среди его многочисленных братьев, не раз восстававших против них. Не имея опоры внутри страны, Всеволод вынужден был искать помощи извне. По примеру своего отца Олега Святославича, он наводнил Русь ордами половцев, которые грабили и истребляли население. Этими своими действиями великий князь объективно способствовал еще большей дестабилизации политической обстановки на Руси, так как вслед за Всеволодом использовать кочевников в своих усобицах стали и другие князья.

Инков Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Д.М. ВОЛОДИХИН
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОМАНДОВАНИЯ «ЗЕМСКОЙ» АРМИИ В ПЕРИОД
ОПРИЧНИНЫ

Социально-политический феномен опричнины получил разработку в трудах нескольких поколений российских и советских историков. Внутреннее устройство опричнины, социальный состав опричной элиты, а также ее влияние на политический строй Московского государства к настоящему времени хорошо изучены. Значительно отстает по уровню изученности вопрос о влиянии, оказанном опричными преобразованиями на военное дело России во второй половине XVI столетия. Как правило, историки русской армии ограничиваются фразами о том, что опричина «уничтожила местничество» или о том, что опричина «истребила цвет отечественных военачальников». И то, и другое до настоящего времени не получило серьезных научных обоснований. Помимо этого, за пределами интереса специалистов по военной истории Московского государства остается целый ряд проблем. Одной из них является динамика социального состава высшего командования вооруженными силами. Очевидно, опричина должна была оказать серьезное воздействие на то, из каких социальных групп рекрутируется воеводский корпус, и прежде всего, его важнейшая часть – командиры полков и самостоятельных полевых соединений (армий). Речь идет не только том, каким образом подбирались воеводские кадры в рамках самого опричного боевого корпуса. Гораздо важнее другое: «земские» военачальники контролировали значительно больший процент вооруженных сил, в том числе действующих «в поле», нежели опричные; поэтому возникает вопрос, изменился ли, и если да, то как именно, механизм назначения на высшие воеводские должности в «земщине» в период существования опричной военной системы?

Решению этого вопроса и посвящена данная работа.

Опричный боевой корпус был развернут в полную силу относительно недолго. В 1565 г. небольшие отряды опричников осуществили первый боевой выход – под Болхов, против крымцев¹. От 1566 г. не осталось свидетельств о каком-либо участии опричников в боевых операциях. Осенью 1567 г. опричные силы участвовали в большом походе, прерванном (из-за боязни измены) до соприкосновения с неприятелем². Лишь на исходе 1567-го и в первые месяцы 1568 г. на поле боя появляются самостоятельные трехполковые, а затем и пятиполковые опричные соединения³. Воинские разряды дают сведения о существовании подобного рода соединений до майской оборонительной операции под Москвой 1571 г., где участвовал так называемый «опричный разряд». Для более позднего времени нет достоверных свидетельств о существовании опричных боевых соединений. Общие действия опричных ратей и земских встречаются как минимум с 1569 г., когда З.И. Плещеева-Очина отправляют с опричным отрядом на поддержку земской армии воеводы М.Я. Морозова, идущей отбивать Изборск. Но до середины 1571 г. разряды четко отделяли участвующие в крупной операции соединения опричников от соединений земцев. А с зимы 1571–1572 г. начинается расписывание опричных и земских воевод в один и тот же полк без обозначения их принадлежности к опричнине и земщине.

Разрядная запись выхода опричников под Тарусу, относящаяся к 7080 (1571/1572) г. вроде бы говорит о самой поздней крупной самостоятельной операции опричного воинства. Однако свидетельство тарусской разрядной записи 7080 г. выглядит сомнительно. Вот что она сообщает:

---

¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 45.

² Там же. С. 51–54.

³ Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 249–250.

«Того же году в Тарусе из опришнины воеводы были по полком:

В большом полку воеводы князь Михайло Темрюкович Черкасский да князь Иван Васильевич Темкин.

В правой руке воеводы князь Микита Романович Одоевский да князь Ондрей Петрович Хованской.

В передовом полку воеводы князь Василей Иванович Борбашин да окольников Микита Васильевич Борисов.

В сторожевом полку воеводы князь Василей Иванович Телятевский да князь Иван Охлябинин.

В левой руке князь Иван да князь Дмитрий Щербатые»⁴.

Она присутствует только в сокращенной редакции разрядной книги.

Информация, содержащаяся в ней, использовалась исследователями, в частности, В.Б.Кобрин учел ее при составлении списка опричников⁵.

Однако очень сомнительно, что этот выход опричного корпуса в действительности состоялся. Во всяком случае, он не мог пройти при том составе воевод, который приведен в разрядной книге.

Прежде всего, кн. М.Т. Черкасский был казнен после прорыва хана Девлет-Гирея к Москве. Казнь состоялась в конце мая – начале июня 1571 г.⁶

Возможно, его имя попало в заготовку разряда, предназначенного для выхода полков осенью 1571 г. Когда эта заготовка составлялась, приказные люди еще не знали о смерти Черкасского. В этом случае, возможны два варианта: либо поход к Тарусе все-таки состоялся, но без участия покойного князя (это могло произойти только осенью 1571 г., поскольку названные в записи воеводы – князь Д. Щербатый, Н. Одоевский, И. Охлябинин и А. Хованский – участвовали зимой, весной и летом 1572 г. в других походах: к Новгороду Великому, «на берег», а также в оборонительной операции против очередного набега Девлет-Гирея), либо похода не было, хотя заготовка и вошла в состав разрядной книги.

За второй вариант говорит почти полная идентичность этой записи и другой, составленной за год до того, для похода опричного корпуса туда же, к Тарусе. На всех воеводских постах стоят те же персоны, лишь последняя строка звучит иначе: «В левой руке князь Иван Черкасской, да князь Дмитрей Щербатой»⁷. Но и эта разница может объясняться одной только оплошностью писца: случайно пропустив слово «Черкасской» он мог создать ошибочное впечатление, что в состав разряда введен князь Иван Щербатый.

Необыкновенное сходство двух разрядов носит уникальный характер: небывалое дело, чтобы командование полевых соединений, назначенное с хронологической дистанцией в год, при совершенно разных обстоятельствах, тем не менее, во всем или почти во всем повторяло друг друга. Вероятнее всего, переписчик дважды ввел в состав разрядной книги одну и ту же запись: подобного рода дубликаты в воинских разрядах XVI в. не редкость. Но тогда сама возможность похода опричной армии к Тарусе выглядит крайне сомнительно. Пользоваться данными тарусского разряда 7080 г. для определения состава опричной военной элиты означает делать источниковедчески неоправданный шаг.

⁴ Разрядная книга 1559–1605 гг. С.86-87.

⁵ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропоники: Избранные труды. М., 2008. С. 96.

⁶ Р.Г. Скрынников придерживается мнения, согласно которому кн. М.Т. Черкасский «...между 16 и 23 мая 1571 г. был зарублен опричными стрельцами на дороге между Москвой и Серпуховом». – Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С.434.

⁷ Разрядная книга 1559–1605 гг. С.69.

В этом случае дата последней крупной операции опричного корпуса как самостоятельного соединения должна быть перенесена на значительно более раннее время. Осенью 1570 г. его вывели к Тарусе, плюс еще два значительных отряда опричников были развернуты под Калугой и у Сенькина перевоза⁸. Большая часть этих сил была сконцентрирована в мае 1571 г. для крупной оборонительной операции. Во всяком случае, когда против Девлет-Гирея, рвущегося к Москве, стали собирать полки, то опричные полковые воеводы были назначены в основном из числа тех, кто был выставлен охранять южный рубеж еще осенью⁹. Против крымцев опричники и армия «земщины» действовали в условиях раздельного командования и притом крайне неудачно. Большая часть опричного корпуса покинула поле боя вместе с царем, а оставшиеся полки жестоко пострадали, пытаясь отстоять столицу. Результатом же стал общий разгром вооруженных сил Московского государства и сожжение татарами столицы. Видные опричные военачальники, участвовавшие в походе как полковые воеводы, подверглись смертной казни: кн. М.Т. Черкасский, кн. В.И. Темкин-Ростовский, В.П. Яковлев. После лета 1571 г. опричный корпус как самостоятельная боевая сила не собирался.

Опровергнув достоверность свидетельств из тарусского опричного разряда 7080 года, остается констатировать: в распоряжении историка нет данных, которые доказывали бы участие опричного боевого корпуса даже в обороне южных рубежей Московского государства осенью 1571 г., хотя в 1567 – 1570 гг. опричные полки регулярно несли «береговую» службу на Оке. Для того, чтобы отменить ежегодный осенний выход опричников на Оку требовалось особое решение государя и оно, как видно, было тогда принято.

Таким образом, полномасштабное существование опричного воинского корпуса относится к периоду с конца 1567-го по 1571 г.

В его истории различается два периода, связанных с кадровой политикой в отношении воеводского корпуса. До середины 1570 г. заметен высокий процент представителей старомосковских боярских семейств среди военачальников опричнины, в том числе и главнокомандующих опричными соединениями. Этот процент намного выше представительства нетитулованной служилой знати в русской армии доопричного периода на хронологическом пространстве от 1510-х гг. Особенно велика роль двух влиятельных боярских семейств: Плещеевых и Колычевых-Умных. Из 8 командующих полевыми соединениями опричников, назначавшимися на протяжении всего периода существования опричнины, четыре – представители нетитулованной старомосковской знати: И.Д. Плещеев Колодка, А.И. Плещеев-Очин, З.И. Плещеев-Очин и Ф.А. Плещеев-Басманов; один – из выезжей северокавказской знати (кн. М.Т. Черкасский); и три – из родов титулованной знати: кн. А.П. Телятевский, кн. В.И. Телятевский и кн. Ф.М. Трубецкой¹⁰; притом лишь последний из них, родовитый Гедиминович, относится к первостепенной, знатнейшей служилой аристократии. Опричная армия с осени 1567 по май 1571 г. совершила 9 боевых выходов в составе трех- и пятиполковых соединений, когда во главе этих соединений стояли представители русской служилой знати¹¹. В пяти случаях опричные полевые соединения возглавляли представители нетитулованной знати, в четырех – титулованной (соответственно, 56% и 44%). За то же время на посты первых воевод отдельных полков 17 раз ставились представители русской служилой

⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 271–272.

⁹ Там же. С. 277–278.

¹⁰ Володихин Д.М. Указ. соч. С. 250.

¹¹ Еще в двух случаях это был кн. М.Т. Черкасский. – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 228; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 68–69.

знати; из них 12 (71%) титулованных аристократов и 5 нетитулованных (29%)¹². Худородные выдвигенцы были допущены на командные должности опричного воинского корпуса в весьма незначительном количестве, скорее, как исключение¹³. Зато среди опричных воевод встречается немало выходцев из родов титулованной знати, стоявших в середине XVI столетия на втором плане – по знатности, влиянию и земельным богатствам. Ни одного военачальника, принадлежащего среде высшей титулованной аристократии, «княжат», до 1570 на воеводские должности в опричнину привлечено не было (тот же кн. Ф.М. Трубецкой получал в опричнине высокие и высшие армейские назначения с мая 1570 г.).

С середины 1570 г. кадровая политика резко изменилась: командование опричного боевого корпуса «усилили» целым рядом знатнейших аристократов с княжеским титулом¹⁴. Князь Ф.М. Трубецкой, знатнейший аристократ, дважды возглавляет основные силы опричной армии¹⁵. Зато нетитулованной знати в принципе перестают давать назначения на должности полковых воевод и командующих полевыми соединениями. Социальный состав опричных воевод в 1570–1571 гг. лишь незначительно отличался от социального состава командования вооруженных сил Московского государства в 1550-х и первой половине 1560-х гг.

Но до какой степени сохранилось доопричное состояние в сфере назначения на высшие командные должности, в «земщине», если рассматривать ее за тот же период – 1568–1571 гг.? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде понять, в чем коренное отличие между опричным и доопричным механизмами комплектования воеводского корпуса.

А отличие это весьма велико.

С середины 1530-х по начало 1560-х гг. социальный состав командования вооруженных сил Московского государства выглядел совершенно не так, как установилось в ранней опричнине. Чтобы сравнить ситуацию, сложившуюся в армии опричнины и «земщины», с системой рекрутирования военачальников в российские вооруженные силы на протяжении всего периода регентства Елены Глинской и царствования Ивана IV¹⁶, автором этих строк были проанализированы сведения воинских разрядов по 124 кратким боевым выходам и значительным кампаниям русских войск с лета 1534 г. по осень 1559 г.¹⁷, а также данные по зимней 1562–1563 г. наступательной операции под Полоцком.

За период с 1534-го по 1559 г. включительно первыми воеводами большого полка, т.е. командующими крупным самостоятельным полевым соединением представители нетитулованной знати назначались только 5 раз. А это составляет всего лишь 4 % от числа всех назначений – ничтожная цифра и серьезный показатель падения служилого статуса нетитулованной знати. Первыми воеводами не большого, а других полков представители нетитулованной знати за всё это время назначались 104 раза. За этот же пери-

¹² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2. С. 221, 228, 237, 250–251; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 58–60, 57.

¹³ За все годы опричнины выходцы из среды «худородных» дворян полками (только полками и никогда – соединениями!) командовали трижды: два раза К. Поливанов и один раз И. Блудов: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 237; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 57.

¹⁴ Володихин Д.М. Не за совесть, а за страх: воеводы князя Владимира Андреевича Старицкого на опричной службе // Историческое обозрение. М., 2010. Вып. 11. С. 14–26.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 2. С. 261–262; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 72.

¹⁶ До середины 1560-х гг.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 2. С. 244–246, 249–255, 257, 260–261, 263–266, 273–281, 283–285, 287, 289–291, 294–296, 298–300, 302–305, 307, 310–311, 313–318, 321, 328–335, 342–345, 348–351, 353–363, 365–366, 382–383, 385, 387–388, 392–393, 395, 398, 402–404; М., 1978. Т. I. Ч. 3. С. 410, 412–413, 418–419, 426, 441–444, 448, 452–454, 461, 463, 467–468, 475–476, 491, 495–496, 501–502, 504, 506, 508; Т. II. Ч. 2. С. 4, 6–7, 17–19, 24–28, 32–34, 38, 39–40, 45–47, 56–57, 59–61.

од представители титулованной аристократии побывали на аналогичных воеводских постах 315 раз – в 3 раза больше. Иначе говоря, «княжатам» досталось несколько более 75 % подобного рода назначений, а представителям боярских родов – чуть менее 25 %. По сравнению с периодом правления Василия III произошло не столь уж значительное изменение. Однако если взглянуть на период с 1534 по 1546 г., то соотношение будет другим: 33 назначения к 136. Иначе говоря, 19% и 81%. Для сравнения: при Иване III, в период с осени 1478 по лето 1505 г. нетитулованная знать занимала места командующих полевыми соединениями в 14 % случаев, а отдельные полки возглавляла в 37 % случаев; при Василии III, с осени 1505 по лето 1533 г.¹⁸, процент нетитулованной знати в высшем командовании русской армии составил по обоим параметрам соответственно 8% и 25%¹⁹

М.М. Кром собрал данные по пожалованиям в боярский чин периода с конца правления Василия III (1533) до кончины Елены Глинской в 1538 г.: преобладание титулованной знати в списке пожалований незначительно, почти незаметно²⁰. В армии сложилась принципиально иная ситуация. Приведенные выше цифры дают совершенно определенную картину: титулованная знать, особенно та ее часть, которая относится к числу знатнейших родов царства, занимающих верхние позиции в системе местнических счетов, абсолютно преобладает.

Положение нетитулованной знати в армии несколько улучшилось с 1547 г., вероятно, в связи с браком Ивана IV на Анастасии Захарьиной-Юрьевой, происходившей из старомосковского боярского рода. М.М. Кром считает, что к концу 1548 г. «...в Думе установился своего рода баланс между старинной ростово-суздальской знатью..., потомками литовских княжат... и старомосковским боярством... Так создавалась основа для консолидации придворной элиты»²¹. Но в армии положение старомосковского боярства улучшилось лишь незначительно; вряд ли социальные амбиции его представителей были удовлетворены. Возврата к временам Ивана III не произошло.

Зимой 1562–1563 г. русская армия проводила стратегически важную операцию: лучшие силы ее были собраны для осады и взятия Полоцка. Во главе полевого соединения встал сам Иван IV. Поскольку данному походу придавалось особое значение²², в состав командования должны были отрядить наиболее надежных, искусных и опытных воевод.

Воинский разряд полоцкого похода показывает следующее: за вычетом самого царя, кн. В.А. Старицкого и представителей выезжей татарской знати, командные кадры состояли из 22 воевод. Из них три – кн. М.П. Репнин, М.И. Вороной Волынский и Б.И. Сукин – были фактически исключены из местнической системы старшинства, поскольку командовали «нарядом»²³, а служба артиллерийских командиров не сопоставлялась со службой командиров полковых. Командование ертаулом также не могло сопоставляться с командованием полками, поскольку ертаул был явно «честию ниже» всех полков. Во

¹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. С. 21-22, 27-31, 33-40, 43, 49, 51, 53-72, 74-75, 79, 87.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. С. 88-91, 93-101, 104, 107-108, 114-117, 120-145, 147-167, 169-171, 174-175, 186-188; М., 1977. Т. I. Ч. 2. С. 189-190, 196-198, 204-205, 209-210, 213, 215, 218-223, 227-230, 238, 239.

²⁰ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010. С.163-164.

²¹ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010. С.352.

²² Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 88, 90; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 322.

²³ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 128.

главе ертаула в Полоцком походе стоял кн. А.П. Телятевский, вторым воеводой ему дали И.А. Бутурлина²⁴.

Что же касается прочих воеводских назначений, то они имели довольно четкую сетку старшинства по службе и по «чести», заданную «Приговором» о полковых воеводах 1550 г.²⁵

Первым воеводой большого полка числился кн. И.Д. Бельский, знатнейший Гедиминович (его следовало бы считать командующим полевого соединения, если бы старшинство его должности не становилось формальным в присутствии самого царя), а вторым воеводой ему дали кн. П.И. Шуйского, знатнейшего Рюриковича²⁶.

Вот список первых воевод прочих полков: кн. И.Ф. Мстиславский, кн. В.М. Глинский, кн. И.И. Пронский, кн. П.М. Щенятев²⁷. Все – титулованные служилые аристократы самого высокого уровня знатности. Ни одного представителя старых московских боярских родов. Им достались менее значительные места третьих (!) воевод в некоторых полках и лишь в одном случае – второго воеводы (передовой полк, воевода И.В. Шереметев Большой)²⁸. Казалось бы, эта ситуация хотя бы отчасти компенсируется тем, что первым «дворовым воеводой», т.е. командиром «государева двора» поставлен боярин Иван Петрович Яковля²⁹. Но «государев двор» или, иначе, «государев полк» не получил в воинской иерархии четкого статуса ни по служебному старшинству, ни по старшинству чести. Так что общую картину абсолютного преобладания высшей титулованной знати в армейском командовании это назначение смягчает лишь в очень малой степени.

К середине 1560-х гг., таким образом, положение представителей боярских родов в военной иерархии оставалось стесненным. И поколение выходцев из этой среды, которые начали делать карьеру в 1520-х – 1540-х гг., условно говоря, «поколение Алексея Даниловича Плещеева-Басманова», видело, сколь резко ухудшился его служилый статус по сравнению с временами Ивана III и Василия III. Быстрое и весьма болезненное сокращение возможностей выйти на главные командные посты в армии должно было вызвать недовольство; по всей видимости, оно стало источником серьезной социальной напряженности внутри военно-служилого класса.

Ранняя опричнина создала условия для «реванша» нетитулованной аристократии на армейской службе.

Но если проследить по разрядам за 7076–7079 (1567–1571) гг., т.е. за период расцвета опричной военной системы, кого ставили на главные воеводские посты в «земщине», то и здесь станут очевидными радикальные изменения в комплектовании армейского командования по сравнению с доопричным временем.

В этот период земская армия осуществила 14 боевых выходов, в рамках которых формировались соединения от трех полков и более³⁰. В четырех операциях земские воинские соединения действовали под командой представителей нетитулованной знати – В.А. Бутурлина, И.П. Хирона Яковлева, И.В. Меньшого Шереметева и М.Я. Морозова. Особенно велико значение боярина И.П. Хирона Яковлева: за это время его ставят на

²⁴ Баранов К.В. Указ. соч. С. 128.

²⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 29–30.

²⁶ Баранов К.В. Указ. соч. С. 125–126.

²⁷ Там же. С. 126–128.

²⁸ Там же. С. 126.

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ Движение «с Невля на Полоцк» в 7076 (1567/1568) г., выход «к Вязьме... для литовских людей» в 7076 (1567/1568) г., операции под Уллой и Изборском зимой 1568–1569 г., а также 10 выходов на «береговую службу» и против появившихся в южных регионах татарских отрядов в 7076–7079 (1567–1571) гг.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2. С. 230–231, 234, 235, 238, 239, 240, 247–248, 261, 277, 282–283.

высокие воеводские посты пять раз. Всё это представители родовитой боярской аристократии. Выходцы из названной среды, таким образом, назначались на высшие командные должности в 29% случаев. Что же касается первых воевод в отдельных полках (не считая большого полка, первый воевода которого считался командующим всего соединения), то и по этому параметру боярская знать заняла твердые позиции: 12 назначений из 39, т.е. порядка 30%. Если же присовокупить к этим цифрам число назначений на пост второго воеводы большого полка (он приравнивался к первым воеводам других полков по служебному старшинству), то представительство нетитулованных боярских родов в высшем командовании «земской» армии возрастет до 35%.

Такого в русской армии не было весьма долго. Фактически, в «земщине» произошёл возврат более чем на 60 лет назад – к порядкам периода правления Ивана III. Следует также обратить внимание на ещё один впечатляющий факт: в «земщине» представители нетитулованной знати, т.е. в основном выходцы из старинных московских боярских родов, получили на армейской службе положение, сравнимое с тем, какое занимали представители их среды в опричнине.

В итоге напрашивается вывод: взлет, которого добились Плещеевы, Колычевы-Умные и другие древние боярские семейства в опричнине, сказался также на положении московской нетитулованной знати и в «земщине». Предположительно, титулованная российская аристократия (и в первую очередь ее «сливки» – «княжата») должна была потесниться на своих позициях в армейском командовании. Очевидно, расширяя канал для возвышения старомосковских боярских родов на воинской службе, верхушка титулованной знати добивалась консолидации «земщины» перед лицом того наступления, которое в опричные годы вел на права служилой аристократии Иван IV.

Володихин Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Г.А. ЕЛИСЕЕВ
ЭЛИТА И НАРОД В РУССКОМ РЕЛИГИОЗНОМ РАСКОЛЕ
СЕРЕДИНЫ XVII В.

Традиционно считается, что временем культурного разделения русского народа на две части (эли́ту и собственно народ) стало начало XVIII в., период Петровских реформ. В реальности же подобное разделение произошло значительно раньше, в середине XVII в., когда ход церковных реформ привел к глубокому религиозному и духовному расколу общества Московской Руси.

Титаническая фигура Петра Первого, благодаря как умелой пропаганде XVIII в., так и исторической мифологии, без всякого умысла творимой историкам века XIX, закрыла от потомков весь ужас русского раскола и все его значение для дальнейшей русской истории. Создавалось впечатление, что реформы Петра начались на пустом месте, что усилия этого царя-реформатора действительно радикальным образом переломили русскую жизнь. А ведь, по большей части, это не так. Петр уже пришел к развалинам, к сокрушенному русскому обществу, пережившему полную потерю всяческих духовных ориентиров во время раскола.

В XX веке понимание истинного значения событий середины XVII в. становилось все более ясным и историкам, и философам, изучавшим этот период. Сохраняется внимание к этому времени и по сей час. Более того, возникают уже совсем удивительные теории, вроде попытки истолковать раскол как русскую Реформацию, которая якобы должна была привести к совершенно невиданным результатам, чуть ли не появлению общества, осуществившего бы синтез модернистских идей и древнего благочестия (как это подспудно проповедуется в достаточно новой книге А.Н. Глинчиковой¹).

Среди многочисленных трагических последствий русского раскола одним из немаловажных стал сам факт культурного разделения русского народа на три группы, так или иначе проявившие себя по отношению к церковным реформам Никона и последующим событиям в Московской Руси. Элита почти однозначно оказалась на стороне реформ, наиболее активная духовно часть простого народа – резко выступила против, а основная масса населения безмолвствовала, все-таки не одобряя того, что творят правители Руси.

Однако, прежде чем анализировать, в каких именно формах состоялся этот реальный культурный разрыв середины XVII в., необходимо присмотреться к тому, в каком именно виде русское общество пришло ко времени начала церковных реформ, затеянных патриархом Никоном.

Московская Русь первой половины XVII в. – это объединение людей, глубоко травмированных Смутой. Социальный распад начала века привел к тому, что после изгнания интервентов и заключения «худых миров» с Польшей и Швецией русскому обществу пришлось полностью восстанавливать свою социальную ткань. В общественном сознании господствовал страх перед всем иностранным и иноверным. Отношение к иностранцам после Смуты изменилось в значительной степени; их стали воспринимать как представителей сугубо враждебного мира и стремились отделиться от них. Причем это происходило на уровне государственной политики – в 1633 г., по требованию патриарха Филарета, иностранцы в Москве переселялись в особую слободу. Венцом неприязненного отношения к жителям зарубежных стран стало в еще большей степени решение 1652 г., когда иностранцам запретили вообще жить где-либо, кроме этой слободы.

---

¹ Глинчикова А.Н. Раскол, или срыв русской Реформации. М., 2008.

Если страх перед иностранным и иноверческим миром был чувством, охватывавшим все общество без исключения, элиту Руси мучили и другие, не менее острые подсознательные ужасы. Разгул масс, ставший столь заметным признаком Смуты, и проявившаяся тогда же способность этих масс к самостоятельному социальному творчеству, доходящему до стремления к воссозданию государства и власти, одновременно беспокоили элиту. Причем способность эта зиждилась на немаловажном духовном ощущении, сформировавшемся на Руси после Флорентийского собора и падения Константинополя – на представлении о том, что Русь – это единственно правильное христианское государство, которое Господь защищает особым образом и ни в коем случае не оставит в беде.

Раздражал светскую власть и усилившийся за годы смуты авторитет Церкви. Моральная власть Церкви, которая, в отличие от государства, сумела упорно противиться иностранному вторжению, в годы правления Михаила Федоровича была подтверждена и укреплением формальной власти патриарха. Отец молодого царя, патриарх Филарет не только был фактически реальным правителем Руси, но даже подписывался царским титулом – «Великий Государь». Упрочению патриаршей власти способствовало и то, что с 1625 г. полный судебный контроль над всеми монастырями и церковными землями был передан в ведение патриарших чиновников². В эти годы элита Русской Церкви, ее высший, архиерейский чин, по сути дела представлял собой собрание крупнейших земельных магнатов, поскольку число епархий было невелико, а территории многих из них – весьма велики.

При патриархе Филарете боярское окружение царя даже помыслить не могло о каком-нибудь законодательном наступлении на Церковь или изменении ее прав. Однако после кончины Филарета, уже в 1634 г., при патриархе Иоасафе главу Русской Церкви престают именовать «великим Государем», начинает использоваться термин «великий Господин»³. Еще большим стремлением к ограничению прав Церкви были проникнуты отдельные статьи Соборного Уложения 1649 г., а также решение об организации Монастырского приказа. Возникновение подобного учреждения, деятельность которого сводилась к постоянному вмешательству во внутрицерковные дела, свидетельствовало об одном – дискредитация Церкви и постановка ее хотя бы под частичный контроль стали к середине XVII в. одной из важнейших задач для светской власти Московской Руси.

Каковы же были главные «актеры», поучаствовавшие в тяжелой драме русских церковных реформ середины XVII века? В качестве первой силы можно выделить участников так называемого «протопопского обновления» – русского реформаторского движения, стремившегося решить застарелый вопрос о превосходстве «черного» духовенства над «белым», одновременно стараясь изменить к лучшему духовное и моральное состояние русского народа. Протопопы, руководившие целым церковным округом из нескольких приходов, возглавлявшихся местными священниками, по сути дела исполняли функции епископов, не обладая при этом ни их правами, ни их влиянием. Они естественным образом стали главными выразителями идей и потребностей русского «белого» духовенства.

Наиболее заметные идеологи и руководители «протопопского обновления» по большей части вошли в так называемый кружок «боголюбцев», оказывавший сильное влияние на молодого царя Алексея Михайловича. Два самых заметных и талантливых представителей движения – священники Иван Неронов и Аввакум Петров – позднее стали и самыми заметными идеологами раннего старообрядчества. И. Неронов и его сподвижники были во многом выразителями идей мирян и «белого» духовенства, стре-

---

² Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. С. 109.

³ Там же. С. 110.

мившихся к умеренным реформам в Русской Церкви. Радикализация этого движения произошла позже и под влиянием тех резких и непродуманных действий, которыми были ознаменованы первые годы патриаршества Никона. Впрочем, «протопопское движение», ригористичное и моралистическое, и ранее вызывало резкое раздражение как со стороны представителей светской элиты (например, против проповедей Неронова резко выступил воевода Б. Шереметьев), так и простого народа, не желавшего менять сложившихся привычек в религиозной области и обыденной жизни. (Привычки эти, кстати, были весьма далеки от представлений о якобы сугубом благообразии жизни допетровской Руси. В Юрьевце, за постоянные обличения местных жителей в пьянстве, протопопа Аввакума избили до полусмерти, а дом его разгромили. При этом собралась толпа в полторы тысячи человек, радостно одобрявшая действия погромщиков⁴).

Вторым участником драмы оказались царь Алексей Михайлович и его ближайшее окружение, стремившееся использовать «протопопское движение» для того, чтобы усилить контроль над Церковью, продолжив процесс, начатый Соборным уложением 1649 г. Царь, находившийся под сильным влиянием сначала своего духовника С. Волифатьева, а затем и настоятеля Кожеозерского монастыря Никона, всегда был склонен интересоваться церковными делами. Более того, он считал, что разбирается в них не хуже, чем представители иерархии Русской Православной Церкви.

Действия церковной и царской власти в последние годы патриаршества Иосифа показывали, что царь Алексей Михайлович, хоть и видел идеал в подконтрольной государственной власти Церкви, все же первоначально рассматривал эту Церковь, как исключительно русскую и опору именно Московского государства. Активное прославление русских святых, происходившее в это время, подчеркивало в глазах верующих исключительное положение русского православия, единственного хранителя истинной веры. По-прежнему торжествовала концепция, сложившаяся на «Стоглавом соборе», где были закреплены русские национальные традиции в обрядах, как единственно верные.

Третьей силой, во многом неожиданно для самого себя, стал патриарх Никон. Он сначала искреннее поддерживал «протопопское движение», но затем увидел собственный путь: лавируя между двумя силами, попытаться создать своеобразный вариант православного папства, стоящего над светской властью и одновременно держащего под жестким контролем все архиерейство (сценарий «религиозного самодержавия»).

В качестве четвертого «актера» драмы церковных реформ выступили иностранцы (как реальные представители зарубежного православного духовенства, так и откровенные авантюристы, вроде Паисия Лигарида), стремившиеся решить собственные проблемы в сложной ситуации, сложившейся в русской духовной жизни. Одни пытались спровоцировать русское государство на вмешательство во внутренние дела соседей, апеллируя к православному братству и величию Руси. (Украинцам это удалось, что привело к ухудшению ситуации в годы раскола и последующему засилью малороссийского духовенства среди высших архиереев Русской Православной Церкви). Другие просто пытались получить наибольшие материальные выгоды, во всем поддерживая светскую власть и давая квалифицированное религиозное обоснование любым ее политическим действиям.

Силы эти иногда образовывали разные временные союзы, иногда резко противостояли друг другу. Например, накануне избрания Никона патриархом царь Алексей Михайлович склонен был однозначно поддержать «боголюбцев», видя в их движении

---

⁴ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 138.

способ поставить Церковь под большой контроль, одновременно сделав ее реальной силой, сплывающей и мобилизующей народ.

Однако, за исключением Никона, большинство представителей «боголюбческого движения», одобренного царем, относились к «белому» духовенству и мирянам, причем ни в коей мере не принадлежавшим к элите Московской Руси. Начинаясь снизу реформы постепенно приобретали черты возмущения против епископата, формировавшегося из «черного» духовенства, что резко обозначилось на соборе 1649 г., принявшем решение ничего не менять в обрядах и традициях Русской Церкви. Характерно, что царь в данной ситуации скорее оказался на стороне «боголюбцев», никак не отреагировав на решения собора. В действиях Алексея Михайловича проявилось стремление решать церковные дела в зависимости не от воли иерархии, а от желания светской власти. Видимо, и предложение Никона в патриархи Русской Церкви было продиктовано тем же самым стремлением – иметь во главе иерархов единомышленника и проводника воли государственной власти. Но здесь Алексей Михайлович не до конца сумел выполнить задуманное.

Хотя изначально Никон выступал в качестве постоянного союзника и исполнителя решений царя, вскоре стало ясно, что у патриарха имеется совершенно иной взгляд на положение Церкви в Русском государстве. Так и без того запутанная церковная ситуация усложнилась еще больше. Светская власть, помимо противостояния между иерархией и «протопопским движением», в котором оно выступала третейской, посреднической силой, неожиданно столкнулась с прямыми претензиями со стороны главы Церкви на ведущее положение в государстве.

При этом в качестве отдельной действующей силы нигде не выступает духовная элита Русской Церкви, ее архиереи. Церковные иерархи даже не стремятся проводить собственную политику, покорно следуя за той или иной активной группой, в лучшем случае пытаясь выговорить себе какие-то личные или корпоративные выгоды.

Катастрофа, разразившаяся в Русской Церкви и в Русском государстве, была усугублена внешним фактором. У Московской Руси, как у самого крупного и сильного православного государства, всегда существовал соблазн вмешиваться во внутренние дела других православных земель. Тем более, что хватало «доброхотов», эти стремления растравлявших. Так поступал, например, Иерусалимский патриарх Паисий, уверявший царя Алексея Михайловича, что православные на Балканах и Ближнем Востоке только и ждут пришествия русских войск-освободителей.

Патриарх Паисий обращался к Алексею Михайловичу так: «Да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения, яко же он освободил сынов израильских от фараонских рук жезлом – знаменем честнаго животворящего креста»⁵.

В таком же духе рассуждали и многие другие иерархи православного Востока, а бывший константинопольский патриарх Афанасий Пантеллярый даже уверял Никона, что тому предстоит «освятить соборную апостольскую церковь Софию премудрость Божию» в Царьграде.

Подобные идеи соблазняли не только царя, но и не менее честолюбивого патриарха. Поэтому, когда украинский гетман Б. Хмельницкий обратился за помощью к Московской Руси, его идея объединения с Россией нашла горячую поддержку у Никона. При этом у массы русского населения, в том числе и у духовенства, украинские единоверцы не вызвали никакой симпатии, их считали носителями «испорченного» православия и чуть ли не еретиками. В свою очередь, украинские православные, особенно – представители местной церковной иерархии, склонны были рассматриваться православие Московской Руси как «варварское» и «переполненное суевериями».

---

⁵ Цит. по: Карташев А.В. Указ. соч. С. 122-123.

Для строительства воображавшейся как царем Алексеем, так и патриархом Никоном великой православной империи русский народ и его вера выступали только в качестве удобного материала, не более того. Чтобы облегчить адаптацию православного населения присоединенных в середине XVII в. земель, Никон был готов пойти на любые реформы, изменявшие церковные традиции в пользу тех, что сложились на Украине под поздним греческим влиянием. Тем более, что присоединение Украины мыслилось только первым шагом, за которым должно было последовать освобождение Балкан и Малой Азии. В 1653 г. Алексей Михайлович даже уверял греческих купцов, что для освобождения балканских единоверцев принесет в жертву «свою войско, казну и даже кровь свою для их избавления»⁶.

Длительное участие в боевых действиях против Речи Посполитой сильно повлияли на Алексея Михайловича, прежде всего укрепив его честолюбивые устремления. После 1655 г. он даже начинает гордо подписываться «царь вся Великия, Малыя и Бѣлыя Руси, великий князь Литовский, Волынский и Подольский». В личных его вкусах также становится заметна все большая симпатия к украинской версии православия, его стремление к тем формам быта, что были распространены на территории Литвы и Польши. И если Никон мечтал о создании единой православной империи под властью русского патриарха, о некоем «священном царстве», то Алексея Михайловича все сильнее начинает прельщать идея просто крупного имперского государства, во всем подчиненного его личной власти. Устремления патриарха и царя не могли не войти в конфликт, тем более, что Никон с удивительной слепотой делал все, чтобы оказаться в этом конфликте проигравшей стороной.

В годы войны с Речью Посполитой русское государство становится все менее похоже на то, что возникло в результате Смуты, а начинает все более и более напоминать абсолютистские державы Европы, явно ставшие для Алексея Михайловича идеалом и примером для подражания. Перестают созываться земские соборы, в боярской думе главную роль начинают играть родственники царя, а с 1654 г. возникает бюрократический орган государственного контроля, а иногда и тайного сыска – приказ тайных дел. Царь Алексей Михайлович стал стремиться к всеобщей и непрерываемой власти, для которой сильная и независимая Церковь всегда была помехой.

Избрание Никона патриархом стало одним из самых неудачных решений в истории Русской Церкви. Неаккуратная и непродуманная политика патриарха в области управления Церковью зиждилась на тщеславии и стремлении возвысить «священство над царством». С момента своего избрания Никон все больше отдалялся от бывших соратников по «боголюбческому кружку», одновременно не соглашаясь и со стремлением Алексея Михайловича взять церковную жизнь под государственный контроль. Патриарх все более и более соблазнялся идеей господства Церкви над государством. Он даже приказал включить в новое издание «Кормчей» текст подложного «Константинова дара» – средневековой фальшивки, доказывавшей равенство власти папы и императора. Тем самым он хотел подчеркнуть и особое значение должности русского патриарха, который, при исполнении всех желаний Никона, мог бы стать фигурой, не менее значимой, нежели римский первосвященник. Еще в 1653 г. Никон начинает именовать себя в документах «Великим Государем», а после ухода Алексея Михайловича в поход против Речи Посполитой в 1654 г. фактически становится реальным правителем Руси. Он даже в официальных грамотах ставит свое имя раньше царского, начиная их с формулы «от великого государя светлейшего Никона, патриарха Московского и вся Руси».

С точки зрения Никона, единственно достойным положением русского первосвященника было бы то, при котором его власть и силу признают все другие высшие

---

⁶ Там же. С. 123.

иерархи других православных Церквей. А для этого необходимо было провести такие мероприятия, чтобы в результате их не могло возникнуть даже сомнения в правильности Русского православия. Отличия русской богослужебной традиции от греческой раздражали Никона, препятствовали реализации его честолюбивых устремлений, и поэтому он оказался инициатором церковных реформ середины XVII века.

Начало церковной реформы, выразившееся в исправлении богослужебных книг, было получено не справщикам из Московской Руси, а киевлянину Епифанию Славинецкому и архимандриту Арсению Греку, авантюристу, сосланному в Соловки за измену православию. Деятельность этих справщиков не могла не породить крайне спорных текстов, вызвавших возмущение у большинства образованных русских верующих. Однако еще большее возмущение вызвала попытка Никона в 1653 г. ввести вместо привычного русского двоеперстного крестного знамения троеперстное, распространенное на территориях, находившихся под греческим духовным влиянием. Здесь уже на Никона обрушились все его бывшие друзья по кружку «боголюбцев».

При этом русская духовная элита по-прежнему предпочитали выжидать и помалкивать. Единственным определенно выступившим против Никона архиереем был епископ Павел, Коломенский и Каширский, который еще в 1654 г. объявил анафему изменяющим церковные предания. Патриарх Никон осудил Павла без решения собора и лично приказал сослать в Палеостровский монастырь, на берегу Онежского озера.

Венцом усилий Никона по проведению обрядовых реформ стало составление нового Служебника 1655 г., в котором было предложено такое количество нововведений в обряды, что это вызвало всеобщее возмущение. (Позднее священник Никита Добрынин создал полный перечень никоновских исправлений в молитвах и ритуале, который составил 200 страниц). В апреле 1656 г. Никон добился, чтобы патриархи Макарий Александрийский и Гавриил Сербский произнесли анафему двуперстному крестному знаменю.

Несогласных с собой Никон стремился сокрушить, и в итоге репрессии обрушились на всех его бывших друзей по кружку «боголюбцев», запрещенных в служении и сосланных в отдаленные монастыри. Так, руками патриарха, начался разгром низового «протопопского движения», проходивший под лозунгами реформ в Русской Церкви. При этом Никон, которого не любили представители епископата как выскочку и ставленника царя, губил единственную опору для настоящих, а не надуманных реформ. После разгрома «боголюбцев» и подавления «протопопского движения» единственной опорой Никона оставалась светская власть. И даже уже – лично сам царь Алексей Михайлович.

Никон, лишившись этой опоры, неминуемо бы рухнул. Своими непродуманными действиями запустивший процесс раскола в Русской Церкви, незадачливый и тщеславный патриарх отныне был обречен стать очередной его жертвой.

В 1656 г. царь сильно охладел к Никону, обвинял его в неудаче военного похода против шведов, а однажды напрямую грубо изругал. Претензии Никона на контроль над царской властью вызвали раздражение Алексея Михайловича, и летом 1658 г., воспользовавшись почти случайным скандалом, в котором были еще и виноваты царские слуги, он с гневом обрушился на патриарха. Для начала Никону было запрещено именоваться «Великим Государем», причем было четко сказано: «У нас один Великий Государь – царь».

Поэтому Алексей Михайлович успешно воспользовался оплошностью горячкого и самолюбивого Никона в 1658 г., когда в ответ на оскорбление со стороны царя патриарх заявил, что покидает Москву и отправляется в Воскресенский монастырь. После этого он номинально оставался главой Русской Церкви, но все дальнейшие церковные реформы, только усугубившие начатое Никоном, вершились уже без него. Место

патриарха, по сути дела, занял царь, постепенно все более и более склонявшийся к идее полного подчинения Церкви светской власти. При этом его советниками в этом вопросе становились сомнительные иностранцы, вроде лжемитрополита Паисия Лигарида, авантюриста и самозванца.

Перед соборным осуждением в 1666 г., в тексте «Возражения или раззорения смиренного Никона» патриарх четко определил свой взгляд на соотношение власти царской и первосвященнической: «Священство всюду пречестнейше есть царства, яко же выше назнаменах от божественнаго писания». Однако это был всего лишь «глас вопиющего в пустыне». Позицию Никона не поддерживал никто, в его пользу ни разу не выступил ни один из архиереев Русской Церкви.

Одновременно раскол породил жесткое размежевание между элитой и народом Московской Руси. Характерно, что внутри светской элиты практически не было явных сторонников старообрядцев. Хотя сочувствовали староверами даже царица Мария Ильинична и представители многих крупных аристократических родов (Воротынские, Долгорукие, Хованские, Хилковы, Хрущовы, Плещеевы), открыто выступить в поддержку старых, дореформенных традиций не решился почти никто. Среди элиты самой заметной фигурой, ставшей на сторону старообрядцев, была Феодосья Морозова, вдова Г.И. Морозова, брата воспитателя царя Б.И. Морозова и двоюродная сестра близкого советника царя Ф. Ртищева. Ее поддерживала сестра Е. Урусова. Однако даже ближайшей подругой Урусовой и Морозовой, пострадавшей вместе с ними, была Мария Данилова, жена всего лишь стрелецкого полковника.

Эти женщины не имели никакого политического влияния и не могли оказать реальной поддержки лидерам старообрядчества. Подавляющая часть светской элиты Московской Руси поддержала жесткую и несправедливую политику царя Алексея Михайловича в отношении Церкви и равнодушно отнеслась к старообрядческому движению.

Именно со времени раскола русская элита стали искать опору исключительно в государственной власти; народ же в глазах представителей элитарных кругов стал все больше и больше превращаться в «величину незнаемую». То жесткое разделение на «бар» и «простонародье», которое зримо обозначилось в Петровское время и просуществовало почти весь петербургский период русской истории, на самом деле было заложено в годы раскола, когда вся элита стала «никонианской», тогда как самая активная часть простого народа безусловно поддержала «старую веру».

При этом резкой и жесткой позиции светской элиты, направленной на защиту «старой веры», было бы достаточно, чтобы приостановить реформы. Царь явно не желал конфликтовать с самыми влиятельными боярскими и дворянскими родами. Даже в 1671-1672 гг., во время массовых репрессий против старообрядцев, когда многих сжигали заживо, самой именитой жертвой стал князь Иван Хованский, которого всего лишь выпороли батогамми. Когда в 1674 г. Морозову хотели сжечь, царь отменил это решение, видимо, опасаясь возмущения со стороны шестнадцати главных аристократических семей Московской Руси. В 1675 г. их тайно заморили голодом, с явной санкции не только царя, но и нового патриарха Иоасафа, бывшего Чудовского архимандрита, во всем покорного воле государя.

Поддержка со стороны светской элиты позволила Алексею Михайловичу не принимать во внимание позицию элиты духовной. Раскол спровоцировал тяжелейший кризис в Русской Православной Церкви, от которого она так и не сумела оправиться. Церковная иерархия, даже в еще большей степени, нежели элита светская, стала зависеть от государства, от царской власти, реформы которой она поддержала и одобрила.

Лишь несколько архиереев продолжал служить по-старому и глухо выражать недовольство патриархом (митрополит Новгородский Макарий, Маркелл Вологодский,

Александр Вятский). Однако явно никто не выступал против, и даже челобитную царю с жалобой на Никона епископы подали анонимно. В челобитной, в частности, было указано: «Книги, при патриаршестве его тиснением печатные изданные, мятежа и смущения исполнены. Ужто до него, Никона, неправо веровали и бескровную жертву Господеви всегда приносили туне?»⁷ (Впрочем, перед собором 1666 г. Александр Вятский написал целый трактат против реформ Никона. Однако на соборном суде даже он покаялся в своих «заблуждениях». Позднее он, правда, оставил кафедру и удалился в пустыню возле Сольвычегодска, не желая поддерживать церковные реформы).

Желая окончательно поставить церковь под государственный контроль, царь решил провести церковный собор, санкционировавший бы новую ситуацию, возникшую в Русской Церкви и формально бы отстранил Никона от власти. При подготовке этого собора Алексей Михайлович опирался, прежде всего, на иностранцев, готовых на все, чтобы услужить ему.

Непосредственной организацией собора 1666 – 1667 гг. ведал грек Паисий Лигарид, лже-митрополит Газский, сумевший стать ближайшим советником русского царя в церковных вопросах. Помимо Паисия Лигарида организацией собора ведали другие авантюристы, известные не менее сомнительными, а то и прямо преступными деяниями, вроде диакона Мелетия, уличенного в подделке патриарших грамот или диакона Агафангела, вора и содержателя игорных притонов. И подготовка собора, и его проведение прошло с нарушением сложившихся традиций и правил. Например, присутствовавших на соборе Антиохийского патриарха Макария и Александрийского патриарха Паисия на соборе именовали «вселенскими» при том, что они никогда не имели на это права. Однако, это было необходимо для придания большего авторитета решениям собора и русского царя. Греческие иерархи во всем поддерживали Алексея Михайловича и даже заранее оправдали любые репрессии против старообрядцев, записав в решениях собора 1667 г.: «наказать злочестивых и градским законом, и казнить их разным томлением и разным муками».

В ответ русский царь, при попустительстве русской светской элиты, был готов равнодушно осудить всю предшествующую русскую религиозную традицию, пойдя навстречу столь благоволившим ему грекам. В подготовленном перед собором 1667 г. архимандритом Дионисием, также греком, осуждении старообрядчества прежние русские церковные обычаи объявлялись напрямую еретическими. Как верно отмечал А.В. Карташев, «Дионисий, за ним патриархи, а за ними – увы! – и все русские отцы собора 1667 г. посадили на скамью подсудимых всю русскую московскую церковную историю, соборно осудили и отменили ее»⁸.

Греческие иерархи, во всем готовые угождать царской воле, и русские архиереи, не решившиеся ей противиться, начали с того, что лишили Никона патриаршего сана. При этом реальное осуждение патриарха произошло еще на двух предсоборных совещаниях (28 и 29 декабря 1666 г.), по прямому приказанию царя и до начала реального рассмотрения дела. Собор лишь утвердил готовое решение, которое четко утвердило подчиненное положение власти церковной по отношению к власти царской. Подьяк Ф. Трофимов в обвинительном слове против Никона на соборе четко высказал мысль о необходимости церкви полностью подчиняться царю: «Якоже Бог Един судит всем, тако и вседержай царь. И аще Бог изволит и Великий Государь тое их гордость сломит и под свою высокую руку и под суд подклонит, то все благочестие исправится».

При этом осуждение Никона сопровождалось фактическим оправданием его реформ, поскольку их изначально поддержала светская власть Московской Руси. И вновь русская духовная элита не решилась протестовать – архиереи покорно утвердили все,

⁷ Карташев А.В. Указ. соч. С. 170-171.

⁸ Карташев А.В. Указ. соч. С. 179.

даже самые унижительные решения собора. Однако, и наиболее известные лидеры старообрядчества, за исключением протопopa Аввакума, предпочли на соборе покаяться и согласиться с решениями иерархии. Духовная элита Руси в сложившейся ситуации полностью отступилась от народа и его религиозных традиций.

Решения собора, подготовленные греками и провозглашенные восточными патриархами, иногда даже без упоминания русского патриарха Иоасафа, избранного 10 февраля 1667 г., были сделаны в грубо оскорбительных тонах и унижали Русскую Церковь. Особенно резкой критике были подвергнуты все решения «Стоглавого собора». При прямом поощрении царя Алексея Михайловича иностранцы вершили судьбу Церкви в Московской Руси. Стремясь унижить русскую церковную традицию, греки даже запретили писать на иконах святителей Петра и Алексея в белых клобуках. Как верно отмечал В.В. Зеньковский, «Русь оказывалась хранительницей не православия, а грубых богослужебных ошибок. Миссия России охранять православие была объявлена несостоятельной претензией... Православное русское царство, предвестник грядущего Царства св. Духа на земле, превращалось просто в одну из многих монархий – простое государство, хотя с новыми имперскими претензиями, но без особого освященного Богом пути в истории»⁹. Понятно, что после решений такого собора Петру Первому пришлось искать совершенно новые пути легитимизации царской власти и даже самого смысла существования Русского государства в истории.

В уплату за полное идейное подчинение государство пошло на уступки в хозяйственной и административной деятельности на местах: оно закрыло Монастырский приказ, уничтожило подсудность духовенства светскому суду по гражданским делам.

Впрочем, после собора 1666-1667 гг. светская власть попробовала сначала утвердить свое положение без всяких попыток легитимизации, используя лишь силу для обоснования нового принципа русской жизни: «Церковь во всем подчинена государству». Однако это вызвало решительный протест снизу.

Решения собора, осудившего старые русские религиозные традиции, привели не только к Соловецкому мятежу 1667 г., после которого рухнула вся система обороны Руси на севере, издавна опиравшаяся на Соловки, но и в значительной степени к крупнейшему казачьему и крестьянскому восстанию Степана Разина (1669-1671 гг.). При известном равнодушии к вере самого Разина, он использовал лозунг «защиты старой веры» в войне, а среди лидеров восставших были люди, напрямую выступавшие в поддержку старообрядцев (например, священники Никифор Иванов и Савва). Бывший разинец, казак Самко, был одним из военных руководителей обороны Соловков в начале 70-х гг. XVII в. Восставшие упорно распускали слухи, что на особом струге вместе с ними плывет сам патриарх Никон, движущийся на Москву восстанавливать «старую веру». Подавление же разинского восстания сопровождалось не только жестокостями со стороны карательных отрядов правительства, но и массовыми самосожжениями старообрядцев, не желавших отдаваться на произвол «антихристовых слуг». (Позднее Кондратий Булавин также использовал в начале XVIII в. лозунги борьбы за «старую веру», поднимая свое казачье и крестьянское восстание).

Даже мятеж 1682 г. во многом проходил под лозунгами возвращения к «старой вере», однако князь И. Хованский, лидер восставших стрельцов, не смог использовать религиозный порыв для мобилизации народа. В июле 1682 г. лидеры старообрядцев, до этого упорно дискутировавшие с самим патриархом, были схвачены войсками верными правительнице Софье. Никита Добрынин, их главный вождь, был казнен, другие – сосланы. Это предопределило и падение самого И. Хованского, обвиненного в злоупо-

---

⁹ Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 302.

треблениях и казненного в сентябре 1682 г. В поддержку его не выступил ни один из единоверцев.

В 1685 г. был принят новый закон против старообрядцев («двенадцать статей»), оправдывавший любые жестокости против сторонников «старой веры» и по сути дела, ставивший их вне закона. Основываясь на этом законе, правительство сначала Софьи, а затем и Петра развернуло очередные гонения, продолжавшиеся весь конец XVII в. В результате множество старообрядцев бежало за границу, прежде всего – за литовский рубеж¹⁰.

Действия Никона, а затем и решения собора 1666 – 1667 гг. не только спровоцировали очередной взрыв апокалиптических ожиданий, к которым так склонен русский народ. Они еще создали и базу для распространения самых изуверских религиозных идей, отныне легко маскировавшихся под старообрядчество, а их проповедники – под защитников «старой веры». Возникшее еще до начала исправления церковных книг движение последователей старца Капитона, проповедовавшего в вязниковских лесах о близком пришествии антихриста, стало привлекать множество последователей. Очень быстро возникла болезненная сосредоточенность на этой теме, так как еще в самом начале церковных реформ старец Ефрем (Потемкин) уверял своих слушателей, что именно Никон является антихристом. Впоследствии тема «апокалиптических времен» стала постоянным лейтмотивом всех выступлений старообрядцев, а ожидание близкого явления антихриста и конца света парализовывали всякое разумное социальное творчество в их среде.

Уже преемники Капитона до начала всяких преследований со стороны светской власти начали проповедовать необходимость постоянного поста с полным воздержанием от еды (то есть требовали от своих последователей, чтобы те умирали от голода). Позднее именно они стали организовывать еще в 1665 г. первые «гари» – массовые самосожжения.

Изуверские самоубийства стали самым жутким и заметным признаком религиозного кризиса в Московской Руси. Их участники уже не надеялись на хотя какие-то положительные изменения в духовной жизни страны; они предпочитали смерть продолжению существования в рамках нового, «порезформенного» русского православия. По самым приблизительным подсчетам, к 1690 г. в «гарях» погибло 20 000 человек.¹¹

В религиозной ситуации, сложившейся после собора 1666-1667 г., еретические идеи, в более ранний период находившие не так уж много сторонников и не вызывавшие большого резонанса в народе, теперь получили массовую поддержку. Дискредитация Русской Церкви на соборе, сопровождавшаяся фактическим перечеркиванием ее предшествующей истории, породила нигилистическое отношение ко всей православной традиции на Руси. Отныне массы народы были готовы поверить не только в какую-нибудь экзотическую версию старообрядчества, вроде беспоповства, но даже в хлыстовство и скопческую ересь.

И для элиты, и для простого народа итог неудачных реформ середины XVII в. оказался в высшей степени неутешительным.

У представителей церковной элиты появилась готовность подчиниться любым решениям светской власти; восторжествовал примат материальных интересов епископов над интересами духовными; продолжился разрыв между архиерейским чином и священническим; впоследствии – углубилось противостояние «черного», подвергшегося жестким «проверкам на лояльность» в конце XVII в., и «белого» духовенства. Русское высшее духовенство отказалось от веры в собственно русский путь в православии,

---

¹⁰ Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины.// Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собр. соч. М., 1976. Т. 7. С. 222.

¹¹ Карташев А.В. Указ. соч. С. 241.

стало слепо следовать зарубежным примерам и преклоняться перед зарубежными авторитетами. Уже в конце XVII в. на Руси споры шли лишь о приемлемости грецизированной или латинизированной версии православия (например, противостояние Лихудов и Сильвестра Медведева), но не о возможности возрождения православия русского.

В светской элите стало формироваться восприятие религии, как исключительно полезной «подпорки» для царской власти; возникло равнодушие к духовным вопросам; прагматизм по отношению к религиозным идеям; готовность легко менять собственные убеждения. Именно с середины XVII века у представителей светской элиты возникает моральная готовность к любым радикальным нововведениям в культурной области.

У большинства народа также стало формироваться равнодушие к религиозным вопросам; возникло отождествление церковной и светской власти; скептическое и даже ироничное отношение к духовенству. Религиозно активное меньшинство народа перешло в оппозицию к официальному православию. Его представители полностью отрицали духовный авторитет государственной («никонианской») церкви, либо пытались создать собственную иерархию (поиски архиерейства у поповства); либо практикуя ничем не ограниченное религиозное «творчество», приводившее к возникновению нехристианских или антихристианских идей, а также принципиально антигосударственных воззрений (беспоповство, другие секты собственно русского происхождения).

События середины XVII в. породили тяжелый кризис в национальной самоидентификации русского народа, особенно в том, что касалось представлений русских о себе, как о хранителях истинного, неискаженного православия.

Раскол создал такие условия в русской духовной жизни, при котором ее нормальное дальнейшее развитие было фактически невозможно. Петр Первый сумел найти выход из этого тупика. Он, сохранив ту же тенденцию на зарубежные заимствования и подчинение зарубежным влияниям в духовной сфере, радикальным образом изменил как место заимствования (протестантская северная Европа вместо православных или католических территорий), так и содержание (светские дисциплины и технические знания вместо религиозных концепций). В то время это был фактически единственный радикальный способ очнуться от религиозного паралича, в котором оказалась духовная жизнь Московской Руси, однако этот выход еще больше углубил культурный разрыв между элитой и народом, жестко обозначившийся в период раскола. В остальных же действиях в религиозной сфере Петр Первый оказался продолжателем политики своего отца. Он стремился к полному подчинению церкви светской власти; практиковал неограниченные репрессии против священнослужителей, не согласных с политикой царя; активно интересовался заграничным опытом в религиозной области и презирал собственно русские традиции. В то же время Петру был свойственен некоторый прагматизм в вопросе раскола, что привело к смягчению участи старообрядцев, не считавших царя антихристом.

В новую, имперскую и синодальную, эпоху Россия вступила духовно разорванной страной, с элитой, культурно далекой от народа, однако случился этот разрыв не в период правления Петра, а раньше, в годы царствования Алексея Михайловича и патриаршества Никона.

Елисеев Глеб Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент (Москва).

А.Б. ГУЛАРЯН
«СПАСТИ ЧЕСТЬ РОССИИ...»
(ИСТОРИЯ ЧЕРНИГОВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА)

Так получилось, что название Черниговского полка носили два разных соединения, существовавшие в различное время, с интервалом в 60 лет. Но новый Черниговский полк, история которого связана с городом Орлом, свято хранил память о предшественниках, соблюдая традиционную для русской армии преемственность.

Старый Черниговский полк вел свое начало от сформированного в 1668 году гетманом Малороссии Демьяном Игнатьевичем Многогрешным Компанейского охотного полка. Слово «охотный» означало добровольность при формировании полка, а «компанейский» – указывало на иррегулярность полка и на право казаков самим выбирать командиров. Первые компанейские полки именовались не по месту формирования, а по полковнику – утверждаемому гетманом командиру полка. Название «Черниговский» возникло позднее, и полной уверенности, что в 1668 году возник именно тот полк, у историков нет. Однако в 1898 году было высочайше утверждено старшинство полка с 1668 года. Таким образом признавалось, что Черниговский драгунский полк старше Первой бригады российской Лейб-гвардии. В этом нет ничего удивительного: многие полки, сформированные в XVII веке на Украине из полурегулярных казачьих формирований – Киевский, Харьковский, Глуховский – также считались старше регулярных частей, сформированных в петровскую эпоху. Но никаких преимуществ перед Лейб-гвардией им это не давало.

Служба в «компанейских охотноконных» полках была многотрудной. Охотные казаки жили в постоянных столкновениях с турками и татарами, в разведке и конвойной службе. При Мазепе число таких полков было увеличено до семи, однако после измены гетмана они были расформированы, за исключением трех, оставшихся верными России. Эти полки получили территориальные наименования – Черниговский, Киевский и Северский. Командир Черниговского полка полковник Андрей Денисович Колбаса ходил с полком в атаку на шведов под Полтавой, участвовал в осаде Очакова, и после атаки на Русскую косу взял в плен 300 человек изменников-казаков, за что Петр I приказал ему самому выбрать себе награду.

Переформированный в 1775 году в легкоконный, названный в 1784 году карабинерным, в 1796 году кирасирским, а в 1801 году драгунским, Черниговский кавалерийский полк принимает участие в сражениях при Рымнике и Фокшанах, во время польской кампании полк участвовал в бое под Брест-Литовском, где был разгромлен корпус польского генерала Сераковского. В славное суворовское время командовал полком бригадир Ермолай Поливанов.

В эпоху наполеоновских войн Черниговский драгунский полк участвовал в составе Русской армии в войне 1805 года на территории Австрийской империи. Третья антинаполеоновская коалиция ставила своей целью освобождение от французов Германии, Ганновера, Италии, Голландии и Швейцарии и утверждение в Европе порядка, гарантирующего в будущем неприкосновенность границ европейских монархий. Но этим планам не дано было сбыться: Наполеон разгромил под Ульмом австрийскую армию генерала Мака и 13 ноября 1805 года вступил в Вену. Австрийский император и его двор бежали.

Своими действиями австрийское командование поставило Русскую армию под командованием М.И. Кутузова в труднейшее положение. Кутузову стало ясно, что единственным выходом из создавшегося положения может быть только отвод войск из района Браунау, для соединения с подходившими из России войсками Буксгевдена. Разрушив переправы через реку Инн, оставив Браунау, русские войска начали труд-

нейший маневр к Ольмюцу в Моравии. После переправы через Дунай русские войска дали бой французам у Кремса и Шенграбина, где отличился в арьергардных боях будущий герой Отечественной войны 1812 года генерал Петр Багратион. Багратион должен был пожертвовать собой и своим отрядом и дать возможность армии Русской армии отойти. В отряд Багратиона входили полки: Киевский гренадерский, Подольский и Азовский мушкетерские, Павлоградский и Гессен-Гамбургский гусарские, Черниговский драгунский, один батальон Новгородского и один батальон Нарвского мушкетерского полка. Отряд с честью справился с поставленной перед ним задачей. Кутузов назвал Шенграбинский отряд «дружиной героев». За этот бой Черниговский драгунский полк получил полковой георгиевский штандарт с надписью: «За подвиг при Шенграбине 4-го ноября 1805 года в сражении 5000 корпуса с 30000 неприятелем». Во время Отечественной войны 1812 года командир полка майор Мусин-Пушкин, офицеры и рядовые также не раз были отмечены в приказах по 2-й русской армии генерала Багратиона. «Багратионовыми волками» называл черниговцев маршал Мюрат.

Переформированный в конце 1812 года в конно-егерский, Черниговский полк участвовал и в заграничном походе русской армии. За действия во время битвы под Кацбахом полк получил 13 серебряных георгиевских труб с надписью: «Черниговскому конно-егерскому полку за отличие против неприятеля в сражении у Кацбаха 14 августа 1813 года». После окончания заграничного похода Русской армии Черниговский конно-егерский полк просуществовал еще двадцать лет, до 1833 года, после чего был расформирован в числе прочих конно-егерских полков. К знаменитым кровавым событиям января 1826 года черниговские кавалеристы не имеют никакого отношения: в восстании декабристов принимал участие Черниговский пехотный полк.

При расформировании полка все его реликвии – георгиевский штандарт, серебряные трубы и полковая икона Покрова Пресвятой Богородицы-были переданы вместе с эскадронами в другие части Русской армии – Каргопольский драгунский и гусарский принца Оранского полки, а потом были сосредоточены в 16-м драгунском Глуховском полку (кроме полковой иконы, которая находилась в 21-м драгунском Белорусском полку). Так закончилась история старого Черниговского полка. История этого полка никак не пересекалась с городом Орлом. Полк был расквартирован в городе Березна Черниговской губернии, где еще до революции не осталось ни одного старого здания, связанного с историей Черниговского полка, в том числе, была разобрана за ветхостью деревянная полковая церковь черниговцев.

28 сентября 1896 года в город Орел прибыл первый эскадрон вновь созданного высочайшим повелением 51-го драгунского Черниговского полка. Орел был определен местом формирования и расквартирования полка. С этого времени и до 1914 года история Орла, и история Черниговского полка тесно связаны между собой.

Новый полк формировался из эскадронов, выделенных из 21-го Белорусского и 16-го Глуховского драгунских полков. Вместе с ними вернулись в полк и старинные реликвии – штандарт, трубы, икона. Эта икона Покрова Пресвятой Богородицы была «сооружена», как говорили в старину, в 1820 году 5-м эскадронном черниговских конных егерей – капитаном Чайковским и рядовыми чинами. Первый праздник возрожденного полка состоялся 77 лет спустя, в октябре 1897 года, на праздник Покрова. В этом совпадении увидели Знамение и Помысел Божий.

Как уже говорилось выше, старшинство нового полка было определено с момента формирования старого Черниговского «компанейского охотноконного». Этому способствовало ходатайство командира полка, полковника Афанасия Андреевича Цурикова, который стремился возродить старые традиции прежнего полка. Это было особенно актуально в общественных условиях того времени. Дело в том, что при проведении милютинской военной реформы русские генералы находились под большим влиянием

опыта военных действий Гражданской войны между Севером и Югом Северо-Американских Соединенных Штатов и Франко-прусской войны. В частности, существовавшие в армии кавалерийские части переводились в драгуны (что объясняет большую цифру номера Черниговского полка). Именно драгунские части, одинаково обученные действовать как в конном, так и в пешем строю, показали себя наиболее эффективными в американской Гражданской войне. Но решение перевести всю кавалерию в драгуны имело как минимум два отрицательных последствия. Во-первых, американская легкая кавалерия была эффективна в условиях полурегулярной гражданской войны и в столкновениях с индейцами; но регулярным, профессионально обученным частям европейских армий она явно уступала. Во-вторых, при проведении этой реформы терялись традиции и бесценный опыт военной практики, передававшиеся в русских войсках из поколения в поколение. Поэтому инициатива А.А. Цурикова имела важное для дальнейшей судьбы полка значение.

За время существования полк сменил шесть командиров – А.А. Цурикова, В.С. Зенкевича, А.И. фон Кауфмана, кн. Н.В. Урусова, Великого князя Михаила Александровича и Н.С. Блохина.

Черниговский полк имел своего шефа из императорской фамилии – Великую княгиню Елизавету Федоровну, сестру последней русской императрицы. Сейчас она более известна как покровитель Марфо-Мариинской общины сестер милосердия. Шефство Елизаветы Федоровны над полком было очень деятельным: был оборудован первоклассный госпиталь, обязательная по тем временам походная полковая церковь, на маньчжурском фронте солдаты получали от Великой княгини праздничные подарки.

В качестве полкового священника А.А. Цуриков пригласил отца Митрофана Сребрянского, бывшего до этого настоятелем Двинского крепостного собора. В Орле отец Митрофан устроил церковь Черниговского полка в честь Покрова Святой Богородицы, а при церкви – школу на средства прихожан и почитателей. Благодаря ему была возведена и железнодорожная церковь Иверской иконы Божьей Матери, сохранившаяся в настоящее время. Сборы средств на ее сооружение производились на молебнах отца Митрофана. Впоследствии он служил священником в московской Марфо-Мариинской обители. И это не случайно: во время одного из визитов в Орел Елизавета Федоровна присмотрелась к отцу Митрофану, и решила, что это и есть тот духовный пастырь, который нужен Марфо-Мариинской обители. С большим трудом ей удалось уговорить Митрофана Сребрянского оставить службу в Орле и переехать в Москву.

Под штаб полка и офицерское собрание был отведен городской дом на Московской улице – бывший дом орловского дворянина Перельгина, который был заложен в 1658 году. С этим домом связаны банкротства двух банков – в конце XIX века в нем располагался разорившийся Орловский коммерческий банк, а в конце XX века там же разорился банк «Ока».

С военными постояльцами дому Перельгина повезло больше. Особы из царской фамилии были частыми гостями в полковом офицерском собрании. Так 6 мая 1904 года (ст. стиль) отец Митрофан совершал службу в присутствии последнего русского императора Николая II, его брата, Великого князя Михаила, и дяди царя, московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, мужа Елизаветы Федоровны. Отстояв службу в Покровской церкви, император лично благословил полк иконой в объявленный перед этим маньчжурский поход.

На фронт Русско-японской войны полк отбыл 11 июня 1904 года (ст. стиль) во главе с командиром, полковником В.С. Зенкевичем. Провожал его весь Орел. 17 июля Черниговский полк прибыл к театру военных действий под Ляоян, и был приписан к 2-й отдельной бригаде 17-го армейского корпуса (командующий – генерал Н.В. Степанов). Как отдельное соединение полк во время кампании не использовался, а действо-

вал в составе бригады совместно с 52-м драгунским Нежинским полком, а также в составе других крупных кавалерийских соединений.

Служба полка заключалась в разведке и заграждении. На практике это означало постоянно находиться на передовой, постоянную боевую готовность. Первая серьезная стычка произошла 15 августа 1904 года (ст. стиль) между 6-м эскадронам Черниговского полка, несшим дозорную службу, и двумя ротами японской пехоты. Пять солдат было убито, четыре ранено и еще четверо пропали без вести. С этого времени стычки не прекращались, потери росли. Несмотря на этот полк с честью нес передовую службу. При ведении разведки отличились офицеры Калинин, Залесский, Гольдгаар, Свидерский, Тимофеев, Пантелеев. Особо же отличился унтер-офицер Власов – он добровольно ходил в разведку, много раз пробирался в расположение японских войск и вел наблюдение за их позициями. Он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и был представлен к Георгию 3-й степени.

Еще один подвиг солдата Черниговского полка подробно описан в дневнике отца Митрофана Сребрянского. Рядовой Раскопатин попал в плен во время стычки 15 августа 1904 года, когда под ним убили лошадь. Десять дней он провел в плену, пока не удалось бежать. Неделю он блуждал по полям, питаясь сырым гаолянном и утоляя жажду из луж, пока китайцы не вывели его к линии фронта. Раскопатина произвели в унтер-офицеры и представили к Георгиевскому кресту. Главнокомандующий Куропаткин лично приколот награду на грудь героя во время смотра 3 ноября 1904 года. На 27 сентября 1904 года в Черниговском драгунском полку было 14 георгиевских кавалеров.

Но, не смотря на весь героизм солдат и офицеров, благодаря бездарности и нерешительности командования, отсутствию крепкого тыла, русская армия отступила сначала от Лаояна, потом с реки Шахе, наконец, от Мукдена. Все это рождало недовольство и недоумение солдат и офицеров, не проигравших явно ни одного сражения. В дневнике отца Митрофана появляются строчки: «Спасать, спасать нам нужно честь России! Я представить себе не могу положения нашего государства в случае неудачи здесь. Не говоря уже лично за себя и каждого из военных. Уж лучше останусь служить в Сибири, чем с позором вернусь домой».

Среди русского командования были и решительные генералы. Один из них – Павел Иванович Мищенко – предложил рейд в глубокий тыл японцев, на Инкоу. Для этой цели были собраны все кавалерийские соединения армии, что позволило сформировать три колонны. 2-я отдельная бригада Н.В.Степанова вошла в третью колонну, возглавляемую генералом Самсоновым. Однако этот поход, начатый 25 декабря 1904 года (ст. стиль), провалился. Инкоу не был взят, хотя и подожен артиллерией. Главная причина – использование японцами пулеметов для обороны Инкоу. Черниговский полк потерял в этом деле одного офицера, четырех солдат убитыми и восьмерых пропавшими без вести. Пятнадцать солдат было ранено. Вернувшись из похода, черниговцы узнали о начавшейся в России революции.

После отступления русской армии на границу внутренней Монголии и до заключения мирного договора Черниговский драгунский полк в составе отряда кавалерии генерала Грекова несет службу на аванпостах перед армией. Вся армия была прикрыта завесой из кавалерии. Грекову достался для прикрытия четырехугольник вокруг города Чженцзятунь – 70 верст на север, 50 верст на юг, 30 – на восток и 20 – на запад. Эту территорию «держали» 12 эскадронов и конная батарея, выделяя ежедневно в службу половину отряда. Один эскадрон нес боевое охранение города, еще один держал границу Монголии и северный фланг отряда. Один эскадрон держал летучую почту до штаба корпуса, два уходили на юг в разведку, еще половина эскадрона уходила в горы, пока вторая половина занималась заготовкой скота. Такую службу нельзя назвать легкой. Зато армия могла спать спокойно.

Остается добавить, что, к чести России, регулярная русская армия, несмотря на все неудачи, продолжала стоять твердо, готовая к бою. Но боя не было. После ратификации мирного договора Черниговский полк погрузился 3 мая 1906 года в эшелоны и 2 июня прибыл в Орел. Можно сказать словами отца Митрофана: «Слава Богу, помогшему благополучно совершить тяжкий и опасный поход».

Признание же заслуг Черниговского полка во время Русско-японской войны со стороны Николая II задержалось на три года. Только 1 октября 1909 года из Ливадии была получена высочайшая телеграмма следующего содержания: «Передайте славным черниговским гусарам мою благодарность за их преданность и доблесть в минувшую кампанию. Николай». 51-й драгунский Черниговский полк был в это время переименован в 17-й гусарский. В качестве особой монаршей милости Николай II назначил 16 мая 1909 года (ст. стиль) командиром полка своего брата, Великого князя Михаила Александровича. Эта милость, как и запоздавшая телеграмма, очень походила на неудовольствие – Великий князь Михаил был в опале.

Формальным поводом для царского неудовольствия стал морганатический брак Михаила с графиней Н.С. Брасовой, урожденной Шереметьевской, по первому мужу Мамантовой по второму мужу – фон Вульферт. Фамилию Брасова она взяла по имени Михаила Александровича на Орловщине. Весть об этом браке скандализировала весь дом Романовых. Однако отношения между братьями и до этого были далеко не безоблачными. Во-первых, вдовствующая императрица Мария Федоровна не оставляла своих планов «рокировки на престоле». Она стремилась заменить «менее способного» к правлению сына «более способным». Во-вторых, уже было известно о тяжелой болезни наследника престола, цесаревича Алексея, при котором Михаил Александрович состоял «условным регентом», что весьма раздражало царствующую императрицу Александру Федоровну. Прощтрафившегося «условного регента» решили убрать из Петербурга и из Лейб-гвардии. А так как в Орловской губернии находилось большое Брасовское имение, принадлежавшее Михаилу, выбор пал на Орел.

В Орле Великий князь Михаил жил в сохранившемся по настоящее время доме Лесковского на углу улиц Салтыкова-Щедрина и Красноармейской (бывшей Борисоглебской улицы и бывшего Зиновьевского переулка). К его приезду улица и переулок были заново замощены, возле дома поставлены фонари. В советское время он был более известен как дом, в котором после освобождения Орла останавливался генерал Родин.

Однако Брасовским имением и Черниговским полком связи Великого князя Михаила Александровича с Орлом не исчерпываются. Он был хорошо знаком с некоторыми дворянскими семьями Орловщины, например, Стаховичами. Род Стаховичей польского происхождения. В середине XVII века шляхтич Федор Стахович вышел в Россию и записался в казаки. Его сын Андрей был уже городничьим сотником. После измены Мазепы новым гетманом Украины был избран Скоропадский. Однако Петр I якобы сказал Андрею Стаховичу: «А гетманом-то следовало быть тебе». В 1819 году полковник артиллерии Александр Иванович Стахович женился на елецкой дворянке Наталье Михайловне Перваго (род Перваго происходит от первого конюшего князя Василия Темного) и получил в качестве приданого имение Пальна Елецкого уезда. Оно стало родовым гнездом Стаховичей.

Один из Стаховичей – Михаил Александрович – с 1892 по 1895 год избирается уездным Елецким, а с 1895 по 1907 годы – Орловским губернским предводителем дворянства. На этой должности он способствовал развитию народного образования и земского самоуправления в губернии. Будучи либералом, М.А. Стахович принимал участие в деятельности кружка «Беседа» и в совещаниях земских деятелей, организованных Д.Н. Шиповым. М.А. Стахович и Д.Н. Шипов были вызваны к всесильному мини-

стру внутренних дел В.К. Плеве, который пригрозил обоим отрешением от должностей. М.А. Стаховича спасло знакомство с Великим князем Михаилом Александровичем. Будучи представлен Великому князю в 1902 году на курских маневрах, М.А. Стахович пригласил его в Орел на открытие сельскохозяйственной выставки, и Михаил это приглашение принял. После чего Плеве не решился провести в жизнь свою угрозу.

Когда же в 1909 году Великий князь Михаил Александрович был назначен полковым командиром, его непосредственным начальником стал другой Стахович, Павел Александрович, генерал-майор, с 1909 по 1912 год командир 2-й отдельной кавалерийской бригады. П.А. Стахович также был примечательным человеком. В 1884 году он закончил Пажеский корпус первым учеником, служил в Лейб-гвардии Кавалергардском полку, стал офицером Генерального штаба. Во время Англо-бурской войны 1899-1902 годов был русским военным агентом при английской армии. Опубликована его записка: «Донесение генерального штаба полковника Стаховича, командированного на театр военных действий в Южной Африке 1899-1900». С 1900 года П.А. Стахович командовал 52-м драгунским Нежинским полком, расквартированным в Ельце. Участвовал в Русско-японской войне, за битву при Лаояне награжден золотым оружием.

Великий князь Михаил Александрович прокомандовал Черниговским гусарским полком три года, проявив себя дельным военным. Будучи хорошим кавалеристом и прекрасным спортсменом, Великий князь Михаил выиграл ежегодный приз Стипль-Чез в конных скачках 1910 года. Он участвовал в учениях 2-й бригады под Калугой, под его руководством Черниговский гусарский полк был удостоен царской благодарности на смотре в Царском Селе в 1911 году. Примечательно, что сразу после этого смотра Михаил Александрович был отставлен от полка, и в скором времени вынужден был покинуть вместе с графиней Брасовой пределы Российской империи. Однако в память о командовании Черниговским полком Великий князь был назначен его новым шефом.

В 1912 году в полк был призван рядовым Александр Васильевич Горбатов, будущий советский полководец и генерал, освободивший в 1943 году Орел от немецких захватчиков. Именно в Черниговском полку А.В. Горбатов стал профессиональным кадровым военным, кавалеристом, с отличием провоевавшим в 1914-1917 годах в составе полка на Юго-Западном фронте.

Торжественные проводы полка на фронт русско-германской войны состоялись 13 июля 1914 года (ст. стиль) в 12 часов дня на плацу Орловского кадетского корпуса. Был отслужен торжественный молебен за победу русского оружия. В память о пребывании в городе горожане преподнесли черниговским гусарам новую икону Покрова Пресвятой Богородицы, серебряную братину и приветственный адрес, подписанный гласными Городской думы. Полк, в свою очередь, подарил городу фотографии полка в полном составе. Никто не знал тогда, что полк уходит из Орла навсегда, а война закончится революцией.

На Юго-Западном фронте полк действовал в составе 13-го армейского корпуса, позднее – 17-й кавалерийской дивизии, участвовал в славном Брусиловском прорыве в мае 1916 года и разделил судьбу старой русской армии – был распущен в 1917 году. Новой власти старые традиции оказались не нужны...¹

Гуларян Артём Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Орловского государственного аграрного университета

---

¹ При написании статьи использованы следующие издания и материалы: Минаков С.Т. Взвихренной Россией рожденный // Вече. 1991. № 3; Сребрянский М.В. Дневник из времен русско-японской войны священника 51 Драгунского Черниговского Ее Императорского Величества Великой Княгини Елизаветы Федоровны полка. М., 1912; Государственный архив Орловской области. Ф.305. Оп.1. Д. 3, 4; Ф.593. Оп.1. Д.1110, 1111, 1183; Ф.711. Оп.1. Д.4. См. также: Гуларян А.Б. «Спасти честь России...» // Краеведческие записки. Вып. 1. Орел, 1995.

А.Б. ШАТИЛОВ РУССКИЕ КРАСАВИЦЫ ПАРИЖА

Принято считать, что первые конкурсы женской красоты стали проводиться в Советском Союзе в 1980-х годах с началом «перестройки». Однако раскрашенные вульгарные особы, претендовавшие на звание сначала «Мисс СССР», а затем «Мисс РФ» мало общего имели с русскими национальными представлениями о женственности, красоте и достоинстве прекрасной половины человечества.

Совсем иной тип русской женщины запомнился парижанам в 20-30-е годы XX в. Именно тогда русская колония столицы Франции стала проводить свои, национальные ежегодные фестивали женской красоты¹.

Впервые идея проведения подобного конкурса возникла в 1925 г. у редактора популярного эмигрантского журнала «Иллюстрированная Россия» М.П. Миронова и была горячо поддержана русской общественностью. Показательно, что в разные годы в оргкомитет и жюри конкурса входили такие известные деятели русской эмиграции как И. Бунин, В. Маклаков, Б. Зайцев, М. Алданов, С. Лифарь, Н. Брешко-Брешковский, Н. Чебышев и многие другие. Акция проходила при всемерной поддержке ведущих газет русского зарубежья – «Последних новостей», «Возрождения», «Дней», «Русского времени»; финансовую помощь организаторам оказывали крупные отечественные промышленники и предприниматели. В программе бала охотно выступали известные русские актеры и актрисы, чьи зажигательные выступления имели огромный успех у всех присутствующих. Так, например, только конкурс красоты 1935 г. собрал такое созвездие имен: Татьяна Визирова – знаменитая ведетта кабаре «Folies Bergere», исполнительница городских романсов Мария Дитерикс, бывшая актриса Варшавского государственного театра Людмила Рутова, цыганский хор Саши Масальского...

В свою очередь, организаторы конкурса делали все возможное, чтобы он не стал рядовым событием в жизни соотечественников, но являлся настоящим праздником русской славы и торжества русской культуры. В приглашении подчеркивалось, что «каждая русская девушка должна принять участие в этом конкурсе, так как он открывает русской эмиграции возможность выступить на международном поприще под трехцветным флагом и тем напомнить иностранцам о величии и красоте национальной России». Кроме того, нередко «бал русской королевы» носил благотворительный характер, весь сбор от которого шел в помощь безработным русским беженцам, а также инвалидам Великой войны и белого движения.

Первый конкурс 1925 г., да и все последующие вызвали неподдельный интерес не только у российской диаспоры, но и у самих французов, которые охотно поддержали русское начинание. В течение 10-летия существования конкурса в его деятельности регулярно принимали участие француженки, завоевавшие титул «Мисс-Париж», известные французские литераторы и журналисты (например, редактор «Пари-Миди» Морис де Валефф, секретарь синдиката парижской прессы Жан Леврие и другие), официальные лица из парижской мэрии.

...Первый конкурс проходил при огромном стечении народа, играла праздничная музыка, в почетном карауле застыли французские гвардейцы. Оживленно обмениваясь впечатлениями, публика рассаживалась за столики, ожидая начала увлекательного зрелища. И вот председатель объявляет открытие.

Под стрекотание киноаппаратов «Актюалитэ» (французской программы новостей) на сцену выходят девушки-конкурсантки (по условиям конкурса незамужние, от

---

¹ Статья написана по материалам журнала «Иллюстрированная Россия».

18 до 25 лет, «русской национальности, добрых поведения и нравов»). Строгое, но доброжелательное жюри внимательно оценивает внешность, манеры, фигуру и походку участниц. В итоге придирчивого отбора лишь три девушки выходят в финальную часть, где первой русской королевой становится Лариса Попова, 19-ти лет, уроженка Ростова-на-Дону. Грозные годы революции застали ее в Петрограде воспитанницей Смольного института. Далее вместе со своим учебным заведением она возвращается на Дон, а затем эвакуируется оттуда в столицу Королевства СХС Белград. Оставшись без средств к существованию, она перебирается во Францию, где сначала работает на проволочной фабрике в Лионе, а потом переезжает в Париж и устраивается в один из домов моды. Здесь ее и застал ошеломляющий успех. Надо особо сказать, что победа на конкурсе «Мисс-Россия» позволяла девушкам-эмигранткам не только завоевать широкую известность, но и получить интересную и хорошо оплачиваемую работу. Так, например, многие из победительниц конкурса впоследствии получили приглашения от европейских и американских киностудий.

Вслед за Ларисой Поповой победительницами следующих конкурсов русской красоты последовательно становились:

1926 год – И.М. Левитская-Ознобишина.

1927 год – Склярова Кира Николаевна – 19 лет, дочь погибшего в гражданскую войну белого генерала. На момент избрания она работала в доме моды Калло.

1928 год – Северская Ника Николаевна – 20 лет. Уроженка С.-Петербурга. После революции вместе с семьей переехала в Тифлис, где училась в балетной школе. Впоследствии вместе с родителями эмигрировала сначала в Константинополь, затем в Париж. В Париже работала моделью в доме мод Преме. Именно она от имени русской эмиграции приветствовала нового чемпиона мира по шахматам А. Алехина, одержавшего сенсационную победу над кубинцем Х.Р. Капабланкой.

1929 год – В этот год избрание «Мисс-России» ознаменовалось громким скандалом. По итогам конкурса новой королевой была избрана Валентина Константиновна Остерман, милостивая 18-летняя девушка, которая, несмотря на столь юный возраст, уже успела сняться в ряде зарубежных кинофильмов. Кинематограф она сочетала с успешной учебой на филологическом факультете Берлинского университета. И вот успех пришел на новом поприще. Эксперты предрекали ей несомненный успех также на европейском конкурсе красоты, однако жюри удалось выяснить, что, оказавшись вне России, она, этническая немка, приняла германское подданство. Правила же гласили, что в конкурсе могут участвовать лишь эмигранты, сохранившие прежнее российское гражданство. Поэтому жюри было вынуждено принять решение о дисквалификации Остерман. В результате «корона» была передана вице-мисс – Ирине Николаевне Левитской, 1913 г.р., работавшей до избрания манекенщицей в одном из модных домов Парижа.

1930 год – Вентцель Ирина Николаевна, родилась в 1911 г. в Ессентуках. Ее отец – кутаисский вице-губернатор скончался во время революции, а она сама в 1920 г. вынуждена была покинуть родину. Ее семья сменила ряд городов: Константинополь, София, наконец, Париж. Здесь, во Франции, она окончила школу и довольно скоро стала известна как способный художник (рисование по дереву).

1931 год – королевой красоты была избрана дочь знаменитого русского баса – Марина Федоровна Шаляпина.

1932 год принес успех Нине Александровне Поль, дочери морского чиновника. Вместе с семьей, спасаясь от революционных потрясений, она покинула Россию, эвакуировавшись из Новороссийска в Сербию, а затем в 1931 г. переехала в Париж. Ученица балетной школы О. Преображенской она впоследствии сделала карьеру в хореографии, став примой-балериной в Королевской опере Египта. В феврале 1935 г. она

вышла замуж за известного инженера русского происхождения В. Ставраки, окончательно обосновавшись во Франции.

1933 год – Успех сопутствует Татьяне Александровне Масловой, судьба которой первоначально складывалась трагично. Ее отец, морской офицер пал жертвой «красного террора» в 1918 г. Вместе с матерью она бежала в Вильно, где и проживала до избрания ее королевой русской эмиграции. Однако именно ей принадлежит еще одно высшее достижение – в том же году к своему титулу «Мисс-Россия» она добавила еще титул «Мисс-Европа», одержав победу на континентальном конкурсе красавиц в Мадриде. Впоследствии она долго и с успехом снималась в кино, с 1937 г. являлась актрисой Таллинского театра.

1934 год – Антонова Екатерина Сергеевна – «Мисс-Россия» 1934 г. После победы на конкурсе была замечена французскими кинорежиссерами, снялась в ряде фильмов в парижских студиях Парамонта.

1935 год – Успех сопутствует актрисе драматической группы театра «Комеди де Шанз-Элизе» Марианне Борисовне Горбатовской. Впоследствии она также избрала кинематографическую карьеру.

1936 год – единогласно королевой русского бала и русской колонии избрана Гедеонова Ариадна Алексеевна, дочь известного московского адвоката, правнучка директора Императорских театров. Она представляла «южную» часть эмиграции: маленьким ребенком она была вывезена родителями из России в Египет, воспитывалась там во французском монастыре. Находясь проездом в Париже, по совету друзей, Гедеонова приняла участие в конкурсе «Иллюстрированной России» и неожиданно для многих стала его победительницей. В отличие от остальных девушек-лауреатов она не ставила перед собой высоких карьерных целей, и предпочла кинематографической популярности крепкую семью, выйдя замуж за французского инженера Патэ.

1937 год – абсолютной победительницей становится Ильина Ирина Николаевна – 18 лет. Родилась в Одессе в семье морского офицера. Вместе с семьей после поражения белого движения эмигрировала в Бизерту. В Париже в 1936 г. окончила русскую гимназию, перед избранием «Мисс-Россией» служила в доме моделей «Мэзон де Кутюр». Примечательно также, что в этот год ее заместительницей была избрана Анна Юрьевна Бетулинская – знаменитая «Анна Марли», впоследствии автор популярных песен французского Сопrotивления. Вследствие тяжелой болезни И.Н. Ильиной именно ей выпала честь представлять русскую эмиграцию на европейском фестивале красоты в Тунисе.

1938 год – Дашкевич Евгения Павловна – 24 года. Родилась в Петербурге, дочь директора крупного нефтяного общества «Русская нефть». После революции вынуждена была покинуть Родину и вместе с семьей перебраться в Германию, где получила среднее образование. В 1929 г. вместе с родителями она переезжает в Париж. В поисках заработка сменила ряд профессий: занималась шитьем, рукоделием, пыталась сниматься в кинематографе, наконец, служила манекенщицей.

Предвоенный и последний для русских красавиц конкурс 1939 года. Победу тогда одержала Бородулина Ирина Александровна. Ее уже можно отнести ко второму поколению эмиграции. Родившись 20 июня 1921 г. в Галлиполи (отец – военный доктор, мать – сестра милосердия), она вместе с семьей вскоре переезжает во Францию. Живя в большой бедности, она нередко голодала, но тем не менее не бросала учебу ни в католическом Каннском лицее, ни в балетной студии Серовой. И вот в 17 лет она становится последней «королевой» белой России.

Бал русских королей по традиции завершался торжественным награждением победительниц и их «фрейлин» (такой титул присваивался девушкам, занявшим призовые места в конкурсе). Организаторы венчали голову победительницы короной, представ-

лявшей настоящий шедевр русского ювелирного искусства, через плечо ей надевалась российская трехцветная лента с надписью «Мисс-Россия», ее путь буквально усыпался цветами. Кроме того, несмотря на бедственное положение большинства русских эмигрантов, многие из соотечественников стремились поздравить избранниц русской колонии, становившихся с этого момента поистине символами национальной России. Состоятельные же русские «парижане» зачастую учреждали свои собственные призы участницам, охотно жертвовали средства в призовой фонд. Некоторые подарки отличались большой оригинальностью. Так победительнице конкурса 1936 г. владелец русского ресторана «Московские колокола» Н.Д. Деменков вручил художественно исполненный шоколадный торт, украшенный колоколами и перевитый лентами национальных цветов.

К сожалению, события второй мировой трагедии XX века вновь нарушили безмятежность мирного времени, в 1939 г. Европа вступила в новый, «железный век», в котором уже не было места подобным милым забавам довоенной эпохи.

Шатилов Александр Борисович – кандидат политических наук, доцент, заместитель декана факультета «Право и политология» Финансового университета при правительстве РФ.

С.И.РЕСНЯНСКИЙ ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ¹

Образование, на мой взгляд, это прежде всего выстраивание личности, ибо восстановление духовного в сегодняшнем человеке – самая главная проблема XXI столетия. По мысли замечательного современного философа А.С. Панарина, сейчас « эпоха предельной порчи человека». В то время как в современном образовании делается главным образом акцент исключительно на знаниях. Без духовно-нравственного стержня воспитывается культурный зверь. Это, конечно, трагедия. А между тем молодые люди лишены чувства исторической традиции, исторической ответственности. Это прекрасно понимал, например, А.С. Пушкин, когда писал императору Николаю I предупредительную записку «О народном образовании», где великий русский поэт и мыслитель как раз говорил о необходимости воспитания молодых поколений отечественной историей. Это чрезвычайно актуально для современной России, ибо мы воочию наблюдаем реальный мировоззренческий вызов со стороны западноевропейских держав. Более того, как мне представляется, весь современный мир на пороге поглощения глобализирующей массовой культурой. Сегодня предельно ясно, что потерпела полный провал идея модерна (со времён Ренессанса) – «улучшения мира» путём его преобразования рациональной активностью в природные сферы бытия. Современный мир в ожидании новой парадигмы своего существования. Для России в этой связи возникает жизненно-важный вопрос – каков этико-культурный фундамент той модернизации, о которой постоянно говорят руководители нашего государства? (Сегодня мы наблюдаем интенцию к нарастанию сциентистского оптимизма, – Сколково и т.д.) И может ли быть модернизация архаики? И что тогда понимать под архаикой: всё традиционно-культурное прошлое российской державы, как утверждает наш современный либеральный радикализм, в частности, в передаче Н. Сванидзе «Суд времени»? Запад через вот такие СМИ стремится вырвать у России духовные корни, ибо они способны вновь возродиться. Особенно пытаются нивелировать проблему национальной идентичности, ведущую к утрате смысловых жизненных мотивов, как государства, так и отдельной личности. Швейцарский писатель Макс Фриш в своём романе «Назову тебя Гантенбайн», говорил о различных формах мимикрии: «примеряют истории как платья». Он подчёркивал, делая анализ духовной атмосфере Запада: если нужны друзья, то только для времяпрепровождения, если нужна женщина, то только для физиологии, смысл жизни подменяется качеством жизни, то есть происходит замещение внутреннего мира телесным аналогом.

На мой взгляд, «Большой гамбургер», который предлагают, выражаясь фигурально, в качестве смысла человеческого существования всевозможные либеральные дискурсы, не может быть идеей, способной быть путеводной звездой для российского социума. Об этом свидетельствует всё прошлое историко-культурное наследие нашего отечества. Поиск духовно-нравственного совершенства - главный мотив творчества от Епифания Премудрого и Андрея Рублёва до Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого. Мир бытия, где мы, по мысли того же Гоголя, «только существователи» не исчерпывает бытие. Не всё может быть раскрыто логико-аналитическими суждениями. Об этом и напоминал Гоголь в письме к графине Виельгорской, когда советовал ей изучать отечественную историю, одновременно читая историю русской православной церкви, что только таким образом можно понять сокровенные смыслы исторического процесса. И действительно, можно ли рационализировать человека? Читать его, как текст и этим он исчерпывается, как предлагает, в частности, семиотическая лотмановская школа?

---

¹ Доклад на Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», 2010 г.

Можно ли рационализировать историю и историческое время? Это значит овладеть всей временной текучестью истории. Возможно ли это? Думаю, что такой максимализм аналогичен авантюре. Исчерпывается ли история своей событийной текучестью. Или есть нечто иное в историческом прошлом? Тот самый «камень», который, согласно Священному Писанию, должен быть поставлен во «главу угла»? Например, сакральное историческое поле, которое имеют все исторические народы, обладающие национальной идентификацией. В частности, такую роль играли «Илиада» и «Одиссея» в античной Греции, или Северная «Эдда» для германских народов и т.д. История, конечно же, безусловно, вариативна, в том смысле, что это открытый процесс, где действует человек со своей свободной волей и всегда ценности, нормы, традиции, верования, обычаи играли в обществе интегрирующую роль, являлись источником креативной энергии. Это вполне объяснимо, на мой взгляд, ибо именно на этих основах только и могла быть осуществлена корпоративность русского этноса в многовековой российской истории. И с этим наследием прошлого надо быть, как мне представляется, предельно деликатным и осторожным. И в этой связи хочу подчеркнуть очень важную миссию современного историка, – чтобы её достойно нести в студенческие аудитории, чтобы быть вообще историком и педагогом, нужно иметь способность вчувствования в родную историю, в чужую душу, обладать совестью интуицией. Именно историки, работающие с молодёжью, в первую очередь призваны нести эти духовные традиции как трансляцию неизбывных ценностей другим поколениям. Тем более это важно и потому, что студенты живут одной культурой (идеалы которой конструируют современные СМИ), а преподаватели другой. Есть, естественно, свои маркёры и критерии. Мы, преподаватели, пытаемся накладывать свою аксиологическую сетку, свою шкалу. Здесь очень большая проблема и ответственность. Например, сегодня телевидение от Швыдкого до Сванидзе (к сожалению, им несть числа) внушает мысль, что Россия – это уже не великая нация, а региональная держава, и измерять мир мировым аршином негоже. С другой стороны, ещё филолог-лингвист Ламанский говорил, что важно, чтобы в нации поддерживалось сознание своей исключительности мировой миссии, альтернативы и Западу и Востоку, ощущения роли единого мира, имеющего свои духовные корни в «религиозных корнях наших». В воспитании такого мировоззрения у студенческой молодёжи истории принадлежит исключительная роль. Какую сторону баррикад займёт сегодняшний историк? – именно баррикад, ибо сейчас идёт настоящая идеологическая война, а такая духовная война, как об этом говорил французский поэт А. Рембо, гораздо более жестокая, чем обычные сражения. Память поколений должна быть сопричастна к великому наследию великой державы. И здесь, хочу ещё раз подчеркнуть, доминирующая роль принадлежит истории. Нужно всегда помнить, что просвещение – это труднейший процесс постижения высших смыслов бытия. А между тем, по Болонским соглашениям духовные историко-культурные традиции с православной составляющей загоняются в угол. Это, на мой взгляд, трагедия. Но История длится, – кто знает, что нас ждёт в будущем, но с оптимизмом смотреть в него, приближать его своим ремеслом историка мы обязаны. Любите Россию, господа.

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Российского государственного университета туризма и сервиса.

В.Ш. СУРГУЛАДЗЕ

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Всплеск национального самосознания народов Российской и других многонациональных империй конца XIX – начала XX века привёл к мыслям о необходимости появления новой, *гражданской идентичности*, гражданского понимания нации.

Алексей Миллер справедливо отметил, что до 1906 года русская нация не являлась имперской в том смысле, в каком имперскими нациями были британцы или французы. Русская нация не правила в империи, так как у неё, в отличие от западных коллег по империалистическому строительству, не было парламентского представительства, которое юридически отражало бы неравноправие народов Российской империи: «Династия Романовых – в сравнении с другими династиями – эффективно и упорно, даже упрямо, сопротивляется национализации. ... Здесь присутствует очень сложная диалектика. С одной стороны, империя действительно мешала, ... можно назвать много аспектов, в которых она мешала реализации национального проекта. А с другой стороны, в каких-то вещах она очень помогала строительству этого национального проекта»¹.

Предполагавшаяся когда-то синонимичность словоупотребления «русский» и «российский», которая очень заметна в работах М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина и других мыслителей XVIII – начала XIX века, стала вытесняться более нейтральным, в этническом аспекте, словом «российский», целенаправленным использованием слова «российский» вместо «русский» в публицистических работах. Если Ломоносов и Карамзин употребляли эти слова как синонимы, то в конце XIX – начале XX века, когда в Российской империи всё острее поднимался национальный вопрос, говоря о «российскости» наряду с русскими имели в виду представителей иных этнических общностей, проживавших в империи. Именно эту тенденцию отмечал П.Б. Струве в статье «Интеллигенция и национальное лицо».

В СССР национальный вопрос рассматривался иначе. Касаясь соотношений *гражданской* национальной идентичности и этнической национальной идентичности, нельзя не отметить одно чрезвычайно важное противоречие в советской действительности, которое не вписывалось в концепцию интернационализма и новой исторической общности людей – советского народа: это устойчивый этнический аспект рассмотрения идентичности в советском обществе, который унаследовала и современная Российская Федерация.

Здесь возникает несколько сложностей. Первая из них языкового характера, формирует и отражает представления людей об обсуждаемом предмете. Языковой аспект проблемы *гражданской национальной* идентичности в России хорошо охарактеризовал в начале XX века российский правовед В.В. Водовозов, который отмечал, что большую трудность для правильного понимания нации «представляет невыработанность и запутанность терминологии. В русском языке имеются четыре термина: нация, народ, национальность, народность. ... Нация – термин этнографический или социологический, и им обозначается совокупность людей, связанных единством национального сознания»². Во французском и английском языках слово «нация» означает совокупность граждан государства, независимо от их национального, этнического происхождения. В русском же языке, «слова “нация”, “народ”, даже “национальность” и “народность”, в своём первоначальном и главном значении этнографического или социологического термина, употребляются почти как синонимы, отличаясь друг от друга только

¹ Миллер А.И. Национализм и империя. М., 2005. С. 30.

² Водовозов В. Нация // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 28. Ст. 119.

тонкими, едва уловимыми оттенками; но каждый из них имеет и дополнительный, вторичный смысл. Во фразе “русский народ ведёт войну с Германией” термин “народ” употреблён в государственно-правовом смысле, и под него подводятся и поляки, и евреи, и армяне и т.д.; но можно сказать также: “в России живут разные народы: русские, поляки, евреи, и т.д.”. Слово “нация”, звучащее по-русски, как слово иностранное, плохо усвоенное русским языком, обыкновенно применяется только к более значительным народностям... и тоже в обоих смыслах, государственно-правовом и социологическом: к самоедам, зырянам и т.д. этот термин не подходит. Но рядом с ними употребляются также термины “народность” и “национальность”, особенно в применении к народам незначительным, для обозначения совокупности людей, объединённых единством национального сознания; в государственно-правовом смысле эти два термина не употребляются, зато они имеют ещё психологический смысл³.

Действительно, когда американец или англичанин задаёт вопрос «where are you from?» («откуда вы?»), он имеет в виду гражданскую принадлежность, *государство*, к которому принадлежит человек. Этническая национальность отступает на второй план. Слово Nation является синонимом государства и нации, как национальности, в том числе в какой-то мере как национальности этнической и, тем не менее, *государственно-правовое* содержание этого понятия преобладает. В русской же языковой практике вопрос о происхождении – прежде всего подразумевает этнический, а не гражданский аспект. В результате чего живущий, даже родившийся в России человек «нерусского» или «недостаточно» русского этнического происхождения, на заданный на русском языке вопрос «кто вы?» отвечает, к какой этнической группе он принадлежит. Или вообще затрудняется ответить, если ментальные и языковые связи с этой этнической группой утрачены. Но по-английски тот же человек ответит, что он «from Russia» или просто «I am Russian». Причём двойственность выбора «русский» или «российский» затрудняет ответить, таким образом, как это происходит в Соединённых Штатах, где человек может являться афроамериканцем или американским немцем. На русском языке сказать, что являешься русским кенийцем или русским немцем значительно труднее, так как есть ещё и «российский» выбор, быть не «русским», а «российским» кенийцем или немцем.

Данная языковая сложность, отмеченная П.Б. Струве и В.В. Водовозовым в начале XX века, казалось бы, должна была быть изжита идеологией советского интернационализма и насаждавшейся концепцией гражданской нации под названием «советский народ», однако этого не произошло. И причины неукоренённости гражданского понимания нации в России видимо, кроме проблемы языка можно объяснить историей и социально-политической практикой Советского Союза: введением графы «Национальность» (вместо имевшейся в паспортах Российской империи графы «Вероисповедание») и административно-территориальное деление страны.

Вытеснение религии в качестве основы идентичности и введение федеративного государственного устройства с автономными советскими социалистическими республиками и указание национальности в паспортах содействовало укреплению местных этнических национализмов и содействовало складыванию в сознании некогда населявших Российскую империю народов представлений о местной *географической идентичности*, закреплённой новым административно-территориальным делением страны. Например, при царе не существовало Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, значит, не было и её границ, которые при создании автономии очертили рамки географических представлений о себе, содействовали закреплению ассоциаций татар с занимаемой ими территорией, выработке особого географического самосо-

---

³ Там же. Ст. 119–120.

знания, ассоциирования народа с конкретным географическим пространством. Таким же образом складывалась ситуация и с другими советскими национальными республиками. В советский период произошла «территориализация ... национальных проектов. Когда в 1939 году Красная армия завоёвывает Галицию, она уже завоёвывает её под флагом воссоединения украинских земель – произошёл гигантский дискурсивный слом»⁴.

В качестве автономных областей в составе РСФСР многие народы России закрепили в своём сознании чувство не только языковой и культурной общности, но и общности чётко административно очерченной территории. И хотя, многие границы проводились произвольно, разделяя этнически родственные народы, в целом федерализацию Советского Союза можно признать шагом на пути к децентрализации и сепаратизму, формированию национального самосознания у населявших империю народов.

Важно отметить, что некоторая произвольность территориального деления империй по национальному признаку – отличительная черта всех, как территориально-интегрированных, так и морских империй, вследствие чего империи часто обвиняют в проведении в жизнь принципа «разделяй и властвуй», намеренном потенциально конфликтном проведении границ оставляемых или ещё удерживаемых территорий. Межэтнические конфликты по границам, проведённым ушедшими когда-то империалистами, наблюдаются сегодня в различных частях земного шара и являются наследием ушедших в прошлое империй: Британской, Османской, Французской, Российской и Советской. В то же время, говоря о советском опыте проведения национальных границ, нельзя не признать значительных усилий советских учёных, стремившихся проводить межгосударственные границы территорий в максимальном соответствии с национальным сознанием населения. Иное дело, что на практике это не всегда удавалось и не всегда удовлетворяло исторические амбиции обретавших национальные границы народов. В случае с республиками Средней Азии доминирование клановой и племенной идентичности у людей, которых по целому ряду признаков можно было отнести к одной национальности и культуре, делало проведение собственно «национальных» границ практически невозможным, так как население этих территорий ещё не ощущало себя нациями.

Национальное сознание регионов империй, как правило, было развито очень неоднородно. Например, в составе Австро-Венгрии существовали две древние и когда-то независимые страны – Чехия (корона святого Вацлава) и Венгрия (корона святого Стефана). Понятно, что население этих областей имело намного больше оснований для желания национальной независимости и достаточно сильное национальное самосознание. Причём у венгров и чехов были достаточно ясные представления о территории и границах, которые должны быть у их государств. В сравнении с распадом Австро-Венгерской империи, уход европейских имперских держав с чёрного континента и проведённые этими державами границы государств Африки представляются совершенно произвольными. Стоит только посмотреть на карту, чтобы увидеть территориальное деление, буквально проводившееся при помощи карандаша и линейки. Строители империй «навязали геометрические схемы белых аморфным пейзажам чёрных, проведя границы, которые разрезали племенные сообщества, этнические союзы и лингвистические единства»⁵.

Кроме территориального закрепления национальностей Советского Союза, населявшие СССР народы получили массовое среднее образование. Именно Советский Союз, а не Российская империя, стал обществом поголовной грамотности населения, причём инструментами образования служили разные языки народов государства. Русский язык перестал быть монопольным в той степени, в какой он был таковым до рево-

---

⁴ Миллер А.И. Указ. соч. С. 30.

⁵ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. 1781–1997. М., 2010. С. 669–670.

люции. В прошлом безграмотные люди в результате кампании по ликвидации безграмотности научились читать и писать. И даже если они начинали читать по-русски, впоследствии тяга к национальной литературе и национальному языку становилась мощным источником национального самосознания.

Когда мощь государственной идеологии ослабла, наступил период гласности и перестройки, все эти изменения дали о себе знать. Советское государство стало распадаться по созданным в советское время административным границам. Сепаратистские настроения в большей или меньшей степени распространились по всем республикам, включая внутренние, не периферийные автономии, отделение которых с геополитической точки зрения было просто невыносимым в силу их окружённости Россией. Только катастрофа тотального распада государства, когда отпадают целые группы претендующих на государственность территорий, могла доставить им полную самостоятельность.

Примечательно, что подобный ход развития этнического национализма среди народов СССР предрекал в статье 1927 года «Общевразийский национализм» Н.С. Трубецкой, писавший, что революция вынудила русский народ пожертвовать своим положением единственного хозяина государства, чтобы сохранить государственное единство.

Национализм народов Российской империи был представлен высшими классами их обществ и на момент революции ещё не проник в народные массы, благодаря чему большевикам удалось объединить страну на основании пролетарского социального идеала, но этот идеал может быть только временным. С улучшением условий жизни пролетарская солидарность перестанет цементировать многонациональный Советский Союз: «Национализм отдельных народов СССР, – писал Трубецкой, – развивается по мере того, как эти народы всё более свыкаются со своим новым положением. Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создают в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией пришлых элементов и желание попрочнее закрепить своё положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Всё это создаёт самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистическим уклоном». Учитывая эти процессы «для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом классовый субстрат ... способен объединить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно ... только при наличии этнического (национального субстрата). Таковым до революции был русский народ. Но теперь ... уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории, не может исполнить роль такого единственного собственника всей государственной территории. Следовательно, *национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация и в качестве такой обладающая своим национализмом*»⁶.

Н.С. Трубецкой предлагал в качестве такого национализма концепцию евразийства, которое в контексте проблемы формирования в России гражданской националь-

---

⁶ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 499-500.

ной идентичности можно рассматривать как один из вариантов такой гражданской национальной идентичности.

Пример датируемых первой половиной XX века размышлений Н.С. Трубецкого тем более интересен, что демонстрирует актуальность изучения дискурса о национальной идентичности, представленного работами русских мыслителей Серебряного Века и русской эмиграции первой половины XX столетия.

Постсоветский период российской истории поставил перед обществом те же вопросы, которые стояли перед ним до 1917 года. В период перестройки конца XX века социальным мыслителям приходилось заново обдумывать те же проблемы национального строительства, модернизации и цивилизационной принадлежности страны, которые стояли перед Российской империей до революции. Огромная разница заключалась в том, что советская эпоха уничтожила длительную интеллектуальную традицию рассмотрения этих вопросов, которая была присуща русской социальной философии и её продолжателям в лице мыслителей русской эмиграции.

Незнакомство с интеллектуальными вершинами дореволюционной социально-философской традиции зачастую приводило к достаточно неглубоким социальным предположениям и проектам.

Империализм, который не всегда органично сочетается с национализмом, а подчас вообще воспринимается как противоречащий ему феномен, фактически содействовал, как ни парадоксально это звучит, формированию как империализующих, так и империализуемых наций, способствовал становлению их коллективной идентичности.

На фоне создания Британской империи англичане и шотландцы отвлекались от вековой вражды и, направляя общие усилия вовне, обретали общую британскую идентичность. Причём шотландцы, которые постоянно чувствовали на себе гнёт Англии, отличались особенным усердием на службе Империи. С другой стороны в противостоянии британскому имперскому проекту обретали общность многочисленные народности Индии. Британское владычество распространялось в этой стране, имея дела с разрозненными княжествами, но, уходя из Индии в 1947 году, колониальная администрация покидала уже новое государство. Из понятия географического Индия в итоге британского владычества стала понятием политическим⁷.

Такие же процессы протекали в Российской империи и её преемнике – СССР. Распадаясь, Советский Союз выделил из себя целую плеяду новых национальных государств, «вызревших» в его рамках и никогда прежде не существовавших в современных границах.

Распад империи всегда наносит болезненный удар по самосознанию имперской нации, приводит к необходимости заново себя осознать и вписать в картину изменившегося непривычного мира. Земли, которые воспринимались своими, народы, которые ещё недавно считались «братскими», становятся открыто враждебными. Но кроме печали по утраченной империи, постимперского синдрома, носителям имперского сознания остаётся славное прошлое, которое при благоприятных обстоятельствах не омрачается синдромом жертвы – той особенностью, которой часто страдают подвергавшиеся когда-то колонизации и имперскому правлению народы. Именно этой особенностью механизма взаимодействия имперского и национального сознания в постимперский период объясняются все внешнеполитические сложности России, с которыми она сталкивается в начале XXI века на внешнеполитической арене во взаимодействии со странами, бывшими когда-то сателлитами или республиками СССР.

Синдром жертвы и национализм отделившихся частей империи сталкиваются здесь с постимперским синдромом страны, бывшей когда-то ядром империи. А.И.

---

⁷ Ferguson N. Empire. How Britain Made The Modern World. London, 2004. P. 366.

Миллер следующим образом охарактеризовал этот процесс: «Русские отличаются от всех других народов, живущих по соседству с ними, в одном очень важном элементе. В самосознании всех других народов очень большую роль играет мотив этнической виктимизации, то есть то, что они были жертвами какого-то «чужого» режима, – будь то Российская империя или поляки, которые сами в свою очередь стали жертвами... Но от Советской власти досталось заведомо всем. При этом у всех остальных есть мотив этнической жертвы, а у русских такого мотива нет. *Русские всегда воспринимали государство как своё, не как этнически чуждое*»⁸.

Сложность взаимодействия имперского сознания России с самосознанием жертвы, присущим её восточноевропейским соседям, усиливается тем, что эта виктимность малых народов имеет длительную «дороссийскую» историю, была присуща этим нациям задолго до их вхождения в орбиту российского влияния.

Ещё в 1946 году из-под пера венгерского мыслителя Иштвана Бибо вышла работа под заглавием «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств», в которой рассматривались исторические корни *виктимного синдрома* малых наций Восточной Европы⁹. Начиная с турецкой экспансии на Запад и заканчивая многочисленными разделами сфер влияния и территорий между Пруссией, Австрией и Россией, а затем Германией и СССР, Восточная Европа на протяжении 400 лет занимала положение между молотом и наковальней. Страх потери суверенитета и утраты своей культуры и самобытности стал в этих обстоятельствах неотъемлемой частью коллективного бессознательного.

В каждый текущий период жизни общества история выступает основой идеологии, трактуется исходя из его современных нужд или политических нужд правительства. По сути это уже не история, а популярный миф, массовое сознание, которое бывает ущемлено на протяжении столетий и не может объективно воспринимать реальное хитросплетение исторических фактов в их совокупности. У малых народов, входивших когда-то в обширные империи исторический кругозор чрезвычайно узок, во всяком случае уже, чем у представителей сложных имперских государств, хотя и в сознании этих последних повсеместно довлеют представления официальных или считающихся общепринятыми мнений и идеологических или *мировоззренческих штампов*. Практика показывает, что «*только маленькие народы и государства соглашаются на чисто национальное существование, не претендуют быть миром*». Всегда стоит помнить, что в далёком прошлом некоторые из воспринимающихся ныне «маленькими» народами не воспринимали себя таковыми и тоже «претендовали быть миром», обладали пассионарностью экспансионистских стремлений собственного мессианизма.

Имперское российское самосознание снова столкнулось в конце XX – начале XXI века с самосознанием жертвы, характерным для окружающих Россию государств, входивших когда-то в орбиту её имперского влияния. Мыслительные образы империи и жертвы взаимоисключают друг друга в том смысле, что могут быть примирены только посредством комплексного разностороннего анализа, который по объективным причинам практически невозможно привить широким слоям населения, тем более, что *виктимный синдром* выступает во многих новообразованных независимых государствах в качестве основания формируемого политической и культурной элитой национального самосознания. В таких условиях национальное сознание приобретает выраженные черты негативной идентичности, которая основывается на противопоставлении себя Другому, демонизируемому «страшному врагу».

---

⁸ Миллер А.И. Указ. соч. С. 109, 110; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Москва., 2006. С. 10–11.

⁹ Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. «О смысле европейского развития» и другие работы. Избранные эссе и статьи. Москва., 2004. С. 155–262.

Понимание образа мира жертвы и образа мира империи необходимо для прагматичной и взвешенной внешней политики всех государств региона. При столкновении этих двух мировоззрений, представителям имперского самосознания значительно проще сохранять прагматизм, так как у них отсутствует синдром жертвы, а имперское прошлое помогает выстраивать сложный фундамент национального самосознания, без доминирования в нём факторов негативной идентичности, зависящей от конфронтации с реальным или вымышленным внешним врагом.

Сургуладзе Вахтанг Шотович – кандидат философских наук (Москва).